

Али Сафу
ЗАМУМАТЕЛЬНЫЕ
РАССКАЗЫ

Б.О.

Занимательные рассказы

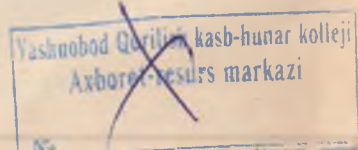
Али Сафи

УМКА

COMIL
MOSCOW
1991

ББК 84Тад1
С 21

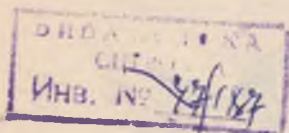
Сафрн Фахриддин Али.

Занимательные рассказы / Пер. с тадж. С. Ховари. —
М.: Comil, 1991. — 160 с.
ISBN 5-86258-001-8

Собранные в книге латифа и повеллы интересны и по тематическому содержанию, и по простоте и доходчивости языка, и по художественному стилю. Во многих латифа правители выступают вершителями судеб. Таким их хотел видеть народ, и свои чаяния простой люд вкладывал в эти рассказы и латифа. Они складывались в различных прослойках населения и поэтому резко отличаются по форме, содержанию и языку.

4702054010

ББК 84Тад1

ISBN-5-86258-001-8

© Маориф, 1985
© Оформление COMIL, 1991

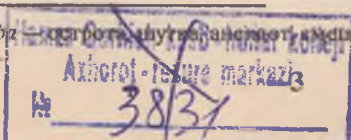
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Проза первой половины XVI века представлена двумя видами: исторической и художественной. Немногочисленные образцы художественной прозы этого периода по своему значению сыграли важную роль в истории развития таджикской классической прозы. Одним из ее представителей является Фахриддин Али Сафи (ум. в 1533 году), сын известного писателя и ученого XV века Хусайна Воиза Кошифи. Образованный человек, знаток литературы Кошифи приобщил сына к сокровищам литературы, старался привить ему вкус и расширить его кругозор.

Сафи много читал, общался с видными писателями и поэтами своего времени, например, с Абдуррахманом Джами, бывал среди народа, слушал и запоминал бытующие рассказы, анекдоты, новеллы. Разные латифа¹ и остроумные изречения нужно собирать среди народа, решает он, систематизировать и издать отдельной книгой. Это будет интересно для читателей, а также добрым делом, и когда мы покинем сей мир, благодарные потомки с удовольствием прочитают эти страницы. Он обращался и к письменным памятникам прозы X—XV веков. Собранный материал Сафи подверг художественной обработке и создал самостоятельное произведение «Латоиф-ут-тавоиф» («Анекдоты, бытующие в разных слоях населения»). Книга вышла в 1532—33 годах. Эти латифа и новеллы интересны и по тематическому содержанию, и по простоте и доходчивости языка, и по художественному стилю. Она не единственная книга Сафи. Им написаны «Махмуд и Аёз», «Кашф-ул-асрор» и другие.

Нужно сказать, что Алишер Навои отмечал в Сафи образованность, человечность, нетребовательность в лучшем смысле слова.

¹ Латифа — это короткая и интересная рассказ.

Книга состоит из 14 глав, каждая из них делится на разделы. Согласно характеру, содержанию и в какой прослойке населения латифа бытовала, Сафи строил разделы.

Во время подготовки книги к изданию на таджикском языке 1 и 2 главы были исключены, были изъяты и некоторые латифа из других глав. В ходе перевода книги на русский язык были исключены еще несколько латифа, не представляющие интереса для современного читателя.

Думается, что эта книга будет хорошим подарком для русского читателя, тем более, что подобных ей по содержанию, форме изложения и языку встречается очень мало.

Глава третья

ЛАТИФА И РАССКАЗЫ О ЦАРЯХ И ОСТРОУМИИ СУЛТАНОВ

Якуб Лайс, еще до того как стать падишахом, сидел однажды с юношами своего племени. К ним подошел старец, приходившийся ему родственником, и сказал:

— Якуб, ты уже взрослый, возмужал и хорош собой. Согласно обычаям, приготовь достойное подношение, ибо я хочу сосватать тебе красавицу-невесту из знатной семьи нашего рода.

— Отец, подарок для невесты, которую я избрал, уже готов, — ответил Якуб.

— И что же это?

Якуб выхватил саблю из ножен и сказал:

— Невестой я избрал себе страны запада и востока, а подарок ей — вот этот булатный меч, рассекающий любую кольчугу.

Вселенную обнять, в невесты взять ее —
Как меч поцеловать в стальное острие¹.

¹ Стихи в переводе М. Фофановой.

И так действовали на окружающих эти слова, что они тут же ответили:

Мы реки все пересечем и горы перейдем,
Накроем сушу и моря Симурговым крылом.
Мы будем властвовать во всем и мир пятой придавим,
А может, головы свернем в стремлении своем.

* * *

Ехал как-то Искандар со своими военачальниками и многочисленной свитой, как вдруг один из приближенных сказал:

— Всевышний дал тебе огромные богатства и даровал победу над всеми правителями мира. Возьми себе побольше жен, чтобы они подарили тебе много детей — продолжателей твоего рода. Твои наследники после тебя умножат твои владения, сочетавшись браком с высочайшими особами других стран.

— Не детьми человек остается в памяти народа, а своими высокими достоинствами. Нет отваги в том, чтобы прославиться как муж многих жен. Это лишь означает, что над тобой властвуют женщины, — ответил Искандар.

* * *

Как-то Хусрав Парвиз потребовал к себе во дворец одного чиновника побежденного им государства, а тот, считая для себя это обременительным, под разными предложениями мешкал с приходом. Тогда Парвиз написал правителю той страны:

«Так как ему тяжело было принести все тело к нам, пришли во дворец легчайшую его часть, — то есть голову».

* * *

Садиди Авфи в своем «Собрании рассказов» говорит, что Бахрамшах — сын султана Масъума Газнави — направил в Гур правителя, который жестоко угнетал жителей этой области. Наконец один из гурийцев снарядился в путь и пешком отправился в Газнин, чтобы попросить правосудия над насильником.

Бахрамшах в своем обстоятельном повелении приказал прекратить притеснять народ.

Гуриец с повелением султана вернулся в Гур. Правитель усадил посланца, разорвал султанское повеление в клочья и заставил его съесть их.

Гуриец опять отправился в Газнин и все рассказал султану.

Бахрамшах велел написать приказ, содержащий настоятельное требование и угрозу в случае его неисполнения.

Писец взял большой лист бумаги, чтобы написать приказ.

Гуриец сказал:

— Ради всевышнего, напиши шахское повеление на маленьком листке бумаги с тем, чтобы, когда стану глотать его, меньше было хлопот. Когда я съедал первый указ султана, много мук испытал.

Бахрам рассмеялся, а гуриец сказал:

— Тебя рассмешили мои слова. Если бы ты ревностно относился к своему султанскому положению, то горько оплакивал бы свое правление и самого себя. Ибо твой слуга не повинуется твоему приказу, а с тобой и вовсе не считается.

Эти слова очень подействовали на Бахрамшаха.

— Гуриец, ты сказал правду. Даю тебе слово, пока не накажу этого насильника за его непочтение, не успокоюсь и не смогу спать.

Он встал, нацепил саблю и решил отправиться в Гур.

— Пусть войско выйдет за мной. Я, как обычно, еду охотиться в горах Гура.

Под этим предлогом он выехал из Газнина в селение того гурийца.

Тиран-правитель с дорогими подарками выехал встречать Бахрамшаха. При виде гурийца у стремени Бахрамшаха его бросило в дрожь. Он соскочил с коня, подбежал к Бахрамшаху, чтобы поцеловать его стремя. Бахрамшах велел связать правителя и сказал:

— Пока достойно не накажу этого насильника, не сойду с коня.

Он приказал принести десять манов¹ свинца, расплавить его и влить в горло тирана.

— Так наказывают того, кто не считается с приказом своего падишаха, разрывает в клочки его повеление и заставляет несчастного съесть их, — сказал Бахрамшах.

Наказав таким образом насильника, он назначил в области Гур справедливого правителя и, не сойдя с коня, повернул обратно.

¹ Ман — единица измерения веса, разная в различных районах.

* * *

Когда Искандар решил пойти войной во владения Дара, последний, желая напугать его, написал ему:

«Достоверно, что Дара окружен восемьюдесятью тысячами мужей». На что Дара получил ответ:

«Достоверно и то, что мясника не пугает множество овец».

* * *

Когда падишах Хабаша изгнал из Йемена Сайфи Зиязана, бывшего правителя Йемена, последний попросил убежища и помощи у Ануширвана. Ануширван выделил ему три тысячи воинов. Тогда правитель сказал:

— Эй, Кисра¹, разве могут три тысячи воинов противостоять пятидесяти тысячам?

Кисра ответил:

— Но ведь для кучи дров достаточен маленький горящий уголек.

* * *

У Кайсара² было два злейших врага. Однажды пришла весть, что эти враги начали войну друг против друга. Вся столичная знать римской державы высказала мнение:

— Наши недруги покинули свои столицы, сейчас как раз время вторгнуться в их владения и разорить их.

Кайсар ответил:

— Это будет непростительной ошибкой. Как только они узнают о наших намерениях, объединят свои силы, ринутся и разобьют нас. Я же стану для вас примером недалковидности и опрометчивости.

Затем приказал привести двух меченых охотничьих собак и стравить их. В драке они сильно поранили друг друга. Потом император велел показать им в отдалении газель. Собаки прекратили драку, и обе бросились на газель.

Вся знать одобрила этот наглядный совет Кайсара.

¹ *Кисра* — как имя собственное относилось в средневековой литературной традиции Средней Азии к царю Ирана из династии Сасанидов Хусраву I Ануширвану (Аношрвану).

² *Кайсар* — прозвище римских императоров.

* * *

Замахшари в своей книге «Рабеъ-ул-аброр» («Весна праведников») рассказывает, что Хармазона, принадлежавшего к царствующему роду, схватили и повезли в Мадину, где правил тогда Умар ибни Ал-Хаттаб. Последний приговорил его к смертной казни.

— Меня мучит жажда. Дайте напиться, потом можете отсечь мне голову, — сказал приговоренный.

Принесли и дали ему полную чашу воды. Он держал ее в дрожащей руке и не пил.

— Почему не пьешь? — спросили его.

Он ответил:

— Боюсь, что прежде, чем я выпью воду, прольют мою кровь.

Ибни Хаттаб сказал:

— Пока не выпьешь эту воду, ты в безопасности.

Приговоренный тут же выплеснул воду на землю.

— Убейте его, — приказал Ибни Хаттаб.

— Нет, — сказал Хармазон, — ты помиловал меня.

— Я помиловал тебя лишь на то время, пока не выпьешь эту воду.

— Но я еще не выпил ее, — сказал Хармазон.

— Пусть накажет тебя аллах за то, что помилование вырвал у меня хитростью. Я же не сумел разгадать ее.

Вот так Хармазон избежал смертной казни.

* * *

Однажды Кисра Ануширвану написали, что один из подданных ему предводителей обладает такими богатствами, каких нет даже в падишахской казне.

Кисра написал ответ:

— Слава всевышнему, что мои подданные стали такими богатыми, благодаря нашей справедливости.

А доносчика приказал казнить.

* * *

Однажды Кисра на пиршестве увидел, как один из приближенных взял золотой кубок и тайком от присутствующих сунул в карман. Кисра сделал вид, что ничего не заметил. Когда празднество завершилось, кравчий сказал, чтобы все оставались

на местах, так как пропал золотой кубок, и сейчас будут осматривать у всех карманы.

Кисра сказал:

— Оставь, пусть все уходят. Тот, кто взял кубок — не вернет, кто видел, как он брал — не скажет.

Через несколько дней Кисра встретил этого человека. Головной убор, чалма, сапоги были новые, новый, с иголки, халат был перехвачен ремнем с саблей.

Кисра указал на одежду и спросил:

— Эту новую одежду ты приобрел за кубок?

Приближенный откинул полу халата и ответил:

— Эта рубашка, штаны и сапоги тоже за него.

Кисра засмеялся и сказал:

— Иди возьми у казначея тысячу золотников червоного золота и потрать на свои нужды, а как кончатся — приходи снова.

Приближенный ушел, взял золото, а потом стал одним из избранных Кисра.

Глава четвертая

ЛАТИФА ОБ ЭМИРАХ, ИХ ПРИБЛИЖЕННЫХ, О НАХОДЧИВОСТИ ВАЗИРОВ И ЧИНОВНИКОВ

Однажды Джафар, сын Яхъё бинни Холид Бармаки, ехал по полю рядом с Хорунаррашидом. Вдруг повстречался им караван верблюдов, нагруженных золотом.

Хорунаррашид спросил:

— Откуда эти сокровища?

Ему ответили:

— Это дар Хоруну от Али бинни Яхъё, которого в свое время тот назначил правителем области Хорасан, изгнав прежнего правителя Фазл бинни Яхъё — брата Джафара.

Хорун повернулся к Джафару и гневно спросил:

— Где были эти богатства во время правления твоего брата?

— В карманах владельцев этих богатств.

* * *

Пришел некий к Муътасиму и заявил, что он пророк.

— Каким волшебством владеешь? — спросил Муътасим.

- Оживляю мертвецов, — ответил пришедший.
- Если сумеешь сотворить это чудо, я поверю тебе.
- Принесите острый меч.

Муьтасим велел принести особой закалки меч и дать его в руки притязяющего.

— Эй, халиф, — сказал тот, — сейчас перед твоими глазами я отсеку голову твоему вазирю и тут же оживлю его.

— Ну что ж, ладно, — сказал Муьтасим и спросил своего вазира: — Что ты на это скажешь?

— Халиф, — ответил вазирь, — предать тело смерти — трудное дело. Поэтому я никаких чудес от него не требую и призываю тебя в свидетели, что я уверовал в него, как в пророка.

Муьтасим засмеялся, пожаловал ему халат, а пришельца отправил к лекарю.

* * *

Абуаюб был одним из приближенных и избранных собеседников халифа Мансура. Каждый раз, когда Мансур призывал его к себе, Абуаюб желтел лицом, и дрожь пронизывала все его тело. Как-то задушевный друг сказал Абуаюбу, оставшись с глазу на глаз:

— Ты приближен к халифу, его избранный собеседник. И нет человека, которого он ценил бы выше тебя. Почему же каждый раз, когда посылают за тобой, ты меняешься в лице и со страху теряешься перед ним.

В ответ Абуаюб вот что рассказал другу:

Однажды сокол спросил петуха:

— Ты с малолетства живешь в доме человека, люди дают тебе питье и зерна, для тебя возле своего дома строят жильё. Почему каждый раз, когда они подходят и хотят поймать тебя, ты поднимаешь шум и переполох, бежишь из одного двора в другой, перелетаешь с крыши на крышу. Хотя я птица дикая и живу в горах, но если меня изловят, я служу человеку. Когда меня выпускают на охоту, я наслаждаюсь безмятежным полетом, настигаю добычу и возвращаюсь к человеку и между охотами отдыхаю на его руке. И никогда не устраиваю скандала и не поднимаю шума.

— Послушай, сокол, когда-нибудь ты видел или, может быть, слышал, что сокола, пронзив шомполом, поджарили на огне? — спросил петух.

— Не слышал и не видел, — ответил сокол.

— Так вот, пока я в этом доме, различаю добро от зла. Видел, как ста петухам отрубили головы, ощипали, выпотрошили, проткнули вертелом, зажарили, мясо же, съев, превратили в навоз. Причина моего плача кроется в этом, и вот почему мысль моя угнетена и печалится мое сердце.

* * *

Не является тайной, что Абулджайш был независимым правителем Египта и отец его Ахмад бинни Тулун тоже правил Египтом. Рассказывают, что он каждое утро облачался в роскошный халат стоимостью в тысячу динаров, а вечером дарил его кому-нибудь.

Наместники, которые поставляли правителю халаты, стали испытывать затруднения и сообща договорились подаренный правителем халат выкупать за меньшую сумму, чем он стоил, несколько дней хранить в казне, потом приносить его и надевать на правителя. В последний раз проделка наместников открылась. Тогда, прежде чем подарить кому-нибудь халат, правитель чернил палец и прикладывал его к халату с тем, чтобы наместники не могли заполнить его обратно.

* * *

Отец Ахмада — Тулун — был воспитателем Хоруна, несколько лет правил в провинции Египта и обладал неограниченной властью.

Так как история его воспитания является одним из интереснейших рассказов, то вот отрывок из нее.

Однажды Хорун в уединенном месте читал коран и дошел до такого аята¹:

«...И сказал фараон своим приближенным: — Ответьте, вы, причисляющие себя к моим друзьям, разве не принадлежит мне Египет? Желание мое таково: так как Египет, почитаемый всеми, находится под моим владением, то все каналы Нила должны протекать под моим дворцом».

Значит, он гордился Египтом, рекой Нилом, подумал Хорун, прочитав тот аят. Что-то надумав, он призвал к себе всю знать, прочитал им аят и сказал:

¹ Аят — стих из Корана.

— Удивительно тщеславный был фараон, который так кичился Египтом и Нилом, а еще удивительнее то, что, несмотря на тщеславие, его так возвеличивали. Я решил весь Египет, которым он так гордился, отдать самому низкому представителю человечества.

Потом он приказал обойти все государство и найти человека, презреннее и несчастнее которого б никого не было.

Для этого Хорун разослал тысячу гонцов во все стороны, во все окраины страны. В развалинах, трущобах, на мусорных свалках нужно было пайти самого ничтожного, самого презренного человека.

В течение четырех месяцев колесили гонцы по стране и не смогли пайти того, кого искали. Наконец пашли человека по имени Тулуи. Он был псарем. Единственными собеседниками и сотрапезниками его были собаки. Ел он с ними из одной чашки, спал с ними в обнимку в одной постели, укрывшись рваньем. Он не знал, что такое стирать одежду, стричь ногги и волосы. Его халат и тряпье, которыми он прикрывал свое тело, никогда не видели воды.

Хоруиа известили, что тысяча всадников в течение четырех месяцев колесили по стране и наконец отыскали такого человека, которого он хотел.

Хорун приказал:

— Приведите его ко мне в таком виде, в каком он есть, и со всем, что у него есть.

Поехали и привезли псаря со всей сворой собак, показали Хоруиу разбитые глиняные блюда и его самого в грязном отрепье. Хорун был поражен и велел отвести его в баню, постричь волосы и ногги, побрить бороду, одеть его с головы до ног во все нарядное и привести во дворец. Когда его привели, Хорун увидел довольно красивого и достойного человека и начал с ним беседовать. Тот на вопросы халифа давал обдуманые и содержательные ответы, чему удивились все присутствующие. И Хорун на том же собрании все знаки власти в Египте и поданных вручил Тулуиу, облачил его в особый халат и отправил в Египет.

И долгое время псарь правил Египтом самостоятельно, благоустроил страну, был справедливым со своими поданными, внедрял хорошие обычаи. После него место правителя занял его сын Ахмад, как и должно, тот тоже соблюдал обычаи отца, прославился, как великодушный Хатам¹ своего времени. Самой малой из его щедрот стало одаривание халатом. После него сын

¹ Хатам — легендарный человек, прославившийся своей щедростью.

его Абулджайш во времена Муътазида долгие годы правил Египтом, перенял обычаи своих предков и даже превзошел их.

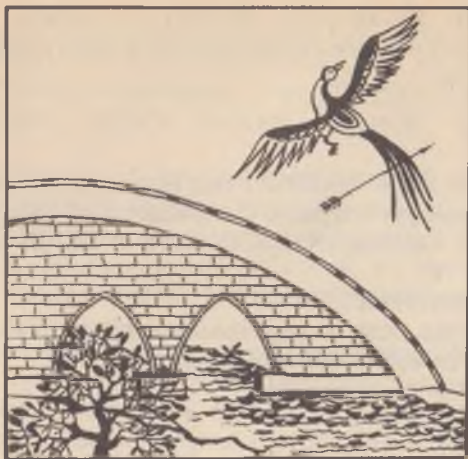
* * *

Джафар, сын Яхъё бинни Холид Бармаки, установил одному человеку ежедневную награду. Однажды этот человек написал в прошении, что награда слишком мала и не удовлетворяет его расходы.

Джафар ему ответил:

«Малая награда, если она постоянная, лучше большой награды, которая достается всего лишь один раз».

Глава пятая

ЛАТИФА О НАСТАВНИКАХ, ЧИНОВНИКАХ, СОВЕТНИКАХ, ВОЕНАЧАЛЬНИКАХ И СПОРАХ ПАДИШАХОВ

Однажды Мутаваккил выстрелил из лука в птицу и промахнулся. Мутаваккил был смущен этим. Его наперсник Ибни Хамдун сказал ему:

— Слава тебе, о халиф эпохи!

— Разве за то, что стрела не попала в цель, пужно восхвалять и прославлять меня? — сказал Мутаваккил.

— Я понимаю так: ты безмерно милостив к божьим созданиям, поэтому и эту птицу пожалел и нарочно промахнулся, чтоб не причинить ей боль.

Мутаваккил похвалил его за такое разъяснение и подарил пятьдесят тысяч дирхамов.

* * *

Падишах призвал к себе своего советника и велел переписать имена всех глупцов города.

Советник сказал:

— Слушаю и повинуюсь, но с таким условием: чье бы имя я ни написал, ты не будешь укорять меня и не накажешь.

— Хорошо.

Первым советник вписал имя падишаха.

— Если не докажешь, что я — глупец, ты будешь наказан, — сказал падишах.

— Ты слуге дал барот¹ на сто тысяч динаров, чтобы он поехал в одну из отдаленных стран и привез тебе эту сумму звонкой монетой, — сказал советник.

— Да, это так, — подтвердил падишах.

— Я знаю его. У него в той стране нет ни владений, ни жены, ни детей. Если он обменяет этот барот и направится во владения другого падишаха, на имущество которого не распространяется твоя власть, что тогда ты скажешь?

Падишах ответил:

— Если он не отвернется от нас и возвратит барот полностью, что ты тогда скажешь?

— Тотчас же вычеркну имя падишаха и впишу в список первым имя слуги, — ответил советник.

* * *

Был у падишаха деятельный, образованный, но раздражительный советник. У него была привычка выдергивать из бороды волосы. Его раздражительность надоела падишаху, а привычка — сердила его.

— Если будешь выдергивать волосы из бороды, прикажу отрубить тебе руки, — сказал падишах.

Советник испугался и на собраниях падишаха стал следить за своим поведением. Это угнетало его, и жизнь неожиданно осложнилась. Он всегда был настороже, опасался, как бы из-за этой привычки не допустить промаха и не навлечь на себя немилость падишаха. Через несколько дней, когда больше невмочь было терпеть, а падишах, будучи в хорошем расположении духа, созвал на пир и веселье своих приближенных и советников, этот чиновник рассказал несколько остроумных и смешных притч, чем развеселил и потешил падишаха.

Падишах сказал:

— Сегодня у меня такой день, что появилось желание выделить тебе хороший земельный участок. Ты будешь спимать с него

¹ Барот — иск на получение денег.

4342
MIRZA QUTUBUDDIN KHAN - HUNAR KOLLEJI
Akhrot - roziye markazi
№ 3831

Инд. № 47187

богатый урожай и жить в покое и благополучии. Можешь попросить любое поле, которое тебе по сердцу.

— Эй, падишах, лучше отдай в мое распоряжение мою бороду, чтобы я мог с ней делать все, что хочу. Пока я не могу дотронуться до своей бороды, нет мне ни покоя, ни радости, — ответил советник.

* * *

Саид Джанабади был образованным, интересующимся поэзией человеком. Как он рассказывал, на собраниях у Мирзо Улугбека читали «Шахнаме» Фирдоуси, и Мирзо разъяснял присутствующим смысл некоторых бейтов. В один из вечеров «Шахнаме» читал какой-то самаркандец с неприятным голосом и плохим произношением. Когда он прочел: «Зафар боз кард аждахое далер»¹, Мирзо спросил у меня:

— «Зафар»² из какого наречия?

— Хорасанского, — ответил я.

Самаркандец, желая испытать и посрамить меня, спросил:

— В каких случаях хорасанцы применяют это слово?

Я ответил:

— В случаях, когда читает человек с неприятным голосом, тогда они говорят: «Своим голосом он возвещает зафаршикан»³.

Мирзо поправился мой ответ, он преподнес мне почетный халат и велел, чтобы этот человек с неприятным голосом больше никогда не читал ему «Шахнаме».

* * *

Мавлоно Подшох был советником султана Абусаида Мирзо. Однажды на собрании Мирзо Мирак Абдурахман Садр пошутил с мавлоно:

— Мирзо изволили сказать, что из содержимого желудка можно создать подобного мавлоно Подшоха.

— Значит, ты можешь из себя создать, ибо ты и есть содержимое желудка! — был ответ.

Мирзо рассмеялся, преподнес Подшоху подарок, а Мирак Абдурахман был посрамлен.

¹ И опять одержал победу могучий дракон.

² Зафар — победа.

³ Зафаршикан — поражение.

* * *

Однажды Искандар, когда воевал с Дара, устроил смотр войску. Под ним был быстроногий, стремительный скакун. Вдруг Искандар увидел воина, проезжавшего на худом и хромом копе. Искандар разгневался и повелел спешить его с того коня. Воин рассмеялся. Искандара удивил его смех. Он потребовал воина к себе и спросил, почему он смеется.

— Меня рассмешил твой гнев и твое повеление. Ты восседаешь на средстве бегства, я же — на средстве стойкости и твердости. Несмотря на это, ты сердисься и еще стыдишь меня.

Искандару понравился его ответ и он назначил простого воина военачальником.

* * *

Чиновник, посивший длинную бороду, попросил у Хорунарашида какой-то пустяк.

Хорун сказал:

— Длинную бороду отрастить сумел, а ума нажить — нет.

— Разве ты не слышал, что чем длиннее борода у мужчины, тем короче его ум, — ответил чиновник.

Хоруну понравился ответ чиновника, и он одарил его щедрее, чем тот просил.

* * *

Один воин, в какую бы баню ни пошел, при выходе всегда заявлял банщику, что у него потерялось что-то из белья, исчезла какая-то вещь. Он требовал разыскать пропажу или выплатить ее стоимость, поднимал шум, бранился и в конце концов, не заплатив за баню и бритье, уходил. Все банщики уже знали его и не пускали больше в баню. Бедняга пошел в одну из бань и дал банщику обещание, что больше не будет клеветать на банщиков, не будет обвинять их в воровстве, будет платить за помывку в бане и бритье, и этому были свидетелями присутствующие. Как только он взял фу¹ и вошел в баню, банщик велел распределителю фута спрятать одежду воина, оставить лишь кинжал с ремнем.

Когда воин вышел из бани, он увидел, что вся его одежда исчезла. Но сказать что-либо уже не мог, так как тут же были свидетели его обещания.

¹ Фу¹ — кусок ткани, служащий повязкой.

Распределитель снял с него футу, и воин остался в чем мать родила. Оказавшись в безвыходном положении, он нацепил кинжал и сказал банщику:

— Я ничего не скажу, но имей же совесть, разве в таком виде я пришел к тебе в баню?

Банщик и присутствующие засмеялись, вернули ему одежду, и банщик разрешил ему раз в неделю посещать баню бесплатно.

* * *

У воина украли лошадь. Друзья успокаивали его:

— Не беда. Если в этом мире исчезла твоя лошадь, то в загробном мире на весах правосудия ее голова будет красоваться на чаше добра.

— Я больше был бы рад, если в этом мире ее голова красовалась в конюшне.

* * *

У воина вор увел лошадь.

— Ты сам виноват, потому что крепко не привязал ее, — сказал кто-то.

— Виноват во всем твой слуга. Он оставил ворота конюшни открытыми, — сказал другой.

— Да, вся вина наша, вор же ни в чем не виноват, — ответил воин.

* * *

У воина была красавица жена. Ее звали Гурия¹. Однажды он ушел на войну. Когда началось сражение, воин пустился наутек.

Ему сказали:

— Эй, трус, вернись. Если ты поразишь неверного, будешь победителем, если же иноверец убьет тебя, ты погибнешь за святое дело и в день страшного суда тебя будут окружать гурии.

И был ответ:

— У меня уже есть одна Гурия и ради нее не могу сам себя подвергать опасности.

¹ Гурия (хур) — красавицы, райские девы, которые, якобы, будут улаживать правоверного после его смерти.

* * *

Дехканина стали сильно притеснять. Он пошел к падишаху и подал прошение. Падишах не вник в дело и занялся совсем другим. Дехканин вновь обратился к падишаху с просьбой. Опять падишах не уделил ему внимания. Дехканин в третий раз обратился к нему.

Падишах рассердился и сказал:

— Ну и настырный же ты. И что ко мне привязался, как головная боль?

— Но ведь ты голова, куда же мне девать боль? — ответил дехканин.

Ответ понравился падишаху, и он избавил дехканина от притеснений.

* * *

Товус Йемени рассказывал: «Я слышал, как йеменец беседовал с Хаджджаджем Юсуфом. Ответы его были очень смелыми. Хаджджадж спросил о своем брате, который был правителем Йеменской области:

— Что из себя представляет Мухаммад сын Юсуфа — ваш правитель?

— Он чрезмерно толст, огромен, здоровья ему не занимать, — ответил йеменец.

— Я не спрашиваю о его телосложении. Спрашиваю, справедлив ли он и совестлив?

Йеменец ответил:

— Он бездушен, жесток, беспутен, развратен, кровожаден, дерзок.

— А почему не жалуетесь на него более могущественному, чем он, чтобы избавиться от насилия?

— Тот, кто могущественнее его, в тысячу раз бессердечнее его.

— А знаешь ли, кто я?

— Да, ты — Хаджджадж сын Юсуфа, и наш правитель твой брат.

— И ты не побоялся говорить мне о нем так дерзко?

И был ответ:

— Кто боится бога, пусть кроме него никого не боится, и каждый, кто скажет правду, пусть не думает, что сказал напрасно».

* * *

Якуб сын Лайса, до того как стать султаном, был бедным человеком. Во время своего правления он наказал одного богача из Саджистана, забрал все его имущество, так что тот теперь нуждался в куске хлеба.

Однажды пришел он к султану. Якуб спросил его:

— Каково сегодня твое положение?

— Таково, каково оно было у тебя вчера.

— А каково было мое положение вчера?

— Таково, каково оно у меня сегодня, — последовал ответ.

Якуб рассердился, все в нем закипело от гнева, но справедливость взяла верх.

Якуб похвалил его за ответ и вернул ему все отобранное когда-то имущество.

* * *

Дехканин, носивший длинную бороду, из области Гур пришел к Мирзо Бабуру с жалобой.

— Сборщик подати из твоего девана¹ вместо десяти мер зерна забрал сто. Помогите мне.

Мирзо сказал:

— Ты, глупый гуриец, приволок перед мои очи десять манов бороды да еще несешь какую-то бессмыслицу. Как это можно вместо десяти брать сто?

— Эй, Мирзо, ты один клочок моих волос измерил в десять манов, что же мне сказать о твоём методе определения?

Мирзо засмеялся и велел написать на его имя грамоту об освобождении от пошлин.

* * *

Падишаху сказали, что в городе есть остроумный человек, очень похожий лицом на него. Падишах приказал привести его и сказал ему:

— Послушай, уважаемый, я знаю твою мать. Она была красавица, занималась сводничеством и часто посещала господские дома.

— Моя мать никогда из дома не выходила, но отец в господском саду у дворцового гарема служил садовником, — ответил остроум.

¹ Деван — государственная канцелярия, управление.

Глава шестая

ЛАТИФА О БЕДУИНАХ, ОБ ИХ ОСТРОУМИИ, НАХОДЧИВОСТИ, ТОНКОСТИ СУЖДЕНИЙ И МУДРОСТИ

Однажды бедуин остановил на дороге Хаджджаджа и попросил подаяния. Хаджджадж прогнал его прочь. Бедуин перебежал и остановил его в другом месте.

Хаджджадж сказал:

— Эй, наглый упрямец, только что я прогнал тебя и ничего не подал. Почему ты опять подошел ко мне?

— Бывают места более счастливые. То место, где я подошел к тебе и попросил, а ты прогнал меня, оказалось для меня злополучным. Надеюсь, это место окажется для меня более счастливым.

Хаджджадж рассмеялся и подал ему кое-что.

* * *

Фазл сын Рабей рассказывал:

— Как-то на собрании у халифа мне вручили письмо. А около меня сидел грамотный араб. Я стал читать, а араб украдкой заглядывал в письмо.

Я ему сказал:

— Почему ты заглядываешь в чужое письмо? Разве не знаешь, что это педобропорядочно?

— До меня дошло предание, что каждый, кто будет украдкой заглядывать в письмо брата Маъмуна, узнает, что такое пламя ада. Мои родители умерли, и я хотел узнать об этом огне, чтобы представить себе, кто из них в каком пламени ада горит, — ответил араб.

Меня развеселил его ответ, халиф же, узнав о случившемся, долго смеялся.

* * *

Во время охоты Хаджджадж оказался вдали от войска и захотел пить. Поднялся он на холм и увидел бедуина, выбиравшего из своего рубища насекомых. Вокруг паслись верблюды. Появление Хаджджаджа напугало животных. Бедуин поднял голову и сердито сказал:

— Кто ты, проклятый аллахом, появившийся из пустыни в сверкающем платье?

Хаджджадж промолчал, подошел ближе и сказал:

— Здравствуй, да смилостивится аллах над тобой и вознаградит тебя.

Бедуин ответил:

— И не здравствуй, да и аллах пусть не смилостивится и не вознаградит тебя.

Хаджджадж попросил у него воды.

— Сойди с коня, смиренно и скромно напейся. Клянусь аллахом, я не работник и не слуга тебе, — ответил бедуин.

Хаджджадж спешился, напился воды, опять сел в седло и сказал:

— Эй, бедуин, кто самый лучший из живущих на земле?

— Мухаммад — наш пророк.

— А что ты скажешь об Абумалике Марвоне?

Бедуин ничего не сказал.

— Ответь же мне, — сказал Хаджджадж.

— Плохой человек, — ответил бедуин.

— Почему?

— Он допустил такую оплошность, которая объяла всю землю от востока до запада.

— Что за оплошность?

— Поставил править мусульманами невоздержанного, развратного насильника.

Хаджджадж промолчал. Вдруг пролетела какая-то птица и прокричала что-то.

Бедуин повернулся к Хаджджаджу и сказал:

— Ты кто?

— А почему спрашиваешь?

— Эта птица известила меня, что приближается войско, а его предводителем являешься ты.

В это время подъехало войско и поприветствовало Хаджджаджа.

При виде этого бедуин изменился в лице.

Хаджджадж приказал забрать верблюдов и захватить с собой бедуина.

На другой день, как только забрезжил рассвет, принесли еду, собрался народ. Позвали бедуина.

Бедуин вошел и сказал:

— Здравствуй, да смилостивится аллах над тобой и вознаградит тебя.

— Я не отвечу так, как ты мне. Здравствуй, да смилостивится аллах над тобой и благословит тебя, — ответил Хаджджадж. — Ты голоден? Сядешь есть?

— Пища твоя. Если разрешишь, сяду.

— Разрешаю, — сказал Хаджджадж.

Бедуин сел и сказал:

— Во имя аллаха. Если будет угодно всевышнему, то, что случится после еды, будет добром.

Хаджджадж засмеялся и сказал собравшимся:

— А знаете ли вы, что я претерпел от этого человека вчера?

— Высокочтимый эмир, вчерашнюю нашу тайну не нужно разглашать сегодня, — перебил его бедуин.

После этого Хаджджадж сказал:

— Слушай, бедуин, выбирай одно из двух: или останешься при мне и я сделаю тебя моим избранником, или я отправлю тебя к Абумалику и сообщу ему то, что ты говорил о нем.

— Ты назвал две возможности, но есть и третья, — ответил бедуин.

— Какая же?

— Отпустить меня с тем, чтобы я в полном здравии добрался до родных мест, и чтобы ни ты меня больше не видел, ни я тебя.

Хаджджадж засмеялся, велел выдать ему тысячу дирхамов и отпустил его.

* * *

Багдадский халиф с бедуином, пришедшим из пустыни, никогда не видавшим города и не бывавшим на собраниях, кушал из одного блюда. Вдруг взгляд халифа упал на кусок мяса в руке бедуина.

— Эй, бедуин, сними волосок со своего куска, — сказал он.

Бедуин положил кусок в блюдо.

— Нельзя кушать в доме человека, который так внимательно смотрит на кусок гостя, что видит даже волосок на нем, — сказал он.

* * *

Однажды халифу подали жареного барашка. Он уже хотел приняться за еду, как вдруг из пустыни явился бедуин. Халиф потребовал его к себе, усадил рядом с собой. Бедуин был очень голоден, жадно набросился на барашка и торопливо стал поедать его.

Халиф насмешливо сказал:

— Что с тобой? Ты так разрываешь на части этого барашка и так уничтожаешь его мясо, как будто отец его когда-то боднул тебя.

Бедуин ответил:

— А ты такими жалостливыми глазами смотришь на него и страдаешь от того, что поедает его, как будто мать его вскормила тебя своим молоком.

Халиф пришел в восторг от этого ответа и подарил ему тысячу дирхамов.

* * *

Пришел к халифу бедуин. Принесли харису¹. Халиф пригласил бедуина к трапезе. Хариса со стороны халифа была пропитана жиром, со стороны бедуина — нет. Тогда бедуин провел пальцем ложбинку в харисе, чтобы и в его сторону стекло масло.

Тут халиф прочитал аят:

¹ Хариса (халиса) — кушанье, приготовляемое из крупно размолотой пшеницы, мяса и жира.

«...Неужели ты судно пробиваешь для того, чтобы находящиеся на нем потонули?»

Бедуин ответил аятом же:

«...Потом мы повернули дождевые тучи к изнывающим от засухи полям, чтобы эта влага оживила мертвую землю».

* * *

Бедуин обратился к халифу по важному делу. Халиф в это время был раздражен какой-то неурядицей и нагрубил ему.

Бедуин взглянул на него и сказал:

— Эй, халиф времени, клянусь, аллах наделил тебя тем, чего не дал своему избраннику — пророку Мухаммаду Мустафе.

Халиф закричал на него:

— Ты что, проклятый, богохульствуешь здесь?!

— Я сказал правду, — ответил бедуин, — всевышний создал Мустафу милостивым к народу, а тебе дал скверный нрав. Поэтому и верно, что он дал тебе то, что не дал своему избраннику.

Халифу понравились эти слова, и он уладил его дело.

* * *

Бедуин давал свидетельские показания казию. Ответчик, желая опровергнуть его показания, сказал:

— Послушай, казий, у этого бедуина много золота, но он до сих пор не совершил паломничества в Мекку. И ты выслушиваешь его, вместо того чтобы обязать отправиться в священный путь.

Бедуин сказал:

— Ты врешь, ибо я совершил паломничество и выполнил все обряды.

Казий сказал:

— Если ты говоришь правду, скажи, где Замзам?

Бедуин ответил:

— А, это светлоликий старец, который всегда сидит у дверей Арафата.

— Ты, невежда, — сказал казий, — Замзам — это колодец, откуда черпают воду, а Арафат — степь без стен и дверей.

— Когда я был там, — ответил бедуин, — тот колодец еще не был вырыт, а Арафат был садом, окруженным забором, и, конечно, была дверь.

* * *

Бедуин потерял верблюда и стал кричать, что тому, кто приведет пропавшее животное, подарит двух верблюдов.

Ему и говорят:

— О боже! Это еще что такое! Довесок больше самого груза.

— Жаль, что вы не знаете вкуса находки и сладости чистой совести, — ответил бедуин.

Коль потерял какую-нибудь малость,
Не говори — зачем искать, возиться?
Кто в тонкостях различных сведущ — знает:
Найти — дороже, чем сама вещица.

* * *

Спросили бедуина:

— Как по-арабски называется горячее шурпо?

Ответил:

— Сахун.

— А как холодное шурпо называется? — спросили его.

— Мы не дожидаемся, когда оно остынет, поэтому и не ищем ему названия, — ответил бедуин.

Глава седьмая

ЛАТИФА О НАСТАВНИКАХ, ШЕЙХАХ, УЧЕНЫХ, КАЗИЯХ И БОГОСЛОВАХ

Рассказывают, что к правителю привели отца и сына, чтобы наказать их палками. Сначала распростерли отца и нанесли сто ударов. Он молча, без стонов, вынес наказание. Затем повалили сына, и едва палка коснулась его тела, как отец поднял крик и плач.

— Сто ударов ты вынес безмолвно, почему из-за одного удара по сыну поднял такой крик? — удивился правитель.

— Те удары терзали мое тело, и я их терпел, а этот истязает мое сердце, и я не в силах его вынести, — ответил отец.

* * *

Поссорились двое: благородного происхождения и низкороденный. Первый воскликнул: «О, Мухаммад!» Низкороденный же закричал: «О, Адам!»

Окружавшие их люди спросили:

— Что значит: «О, Адам!»?

Низкороденный ответил:

— Он заступником избрал себе своего предка Мухаммада и кричит: «О, Мухаммад!», я же заступником избрал Адама и говорю: «О, Адам!» Ему придется много потрудиться, чтобы доказать, что он потомок Мухаммада. Но ни в ком не вызывает сомнения, что я — потомок Адама.

* * *

Простак Толибилм пришел к порогу скупца и сказал:

— Как я слышал, ты кое-что из своего добра выделил нуждающимся. Я в большой нужде, и вот до чего дошел.

Хозяин стал взворачиваться и сказал:

— То, что я выделил, назначил слепым, а ты ведь зрячий.

Толибилм ответил:

— Ты ошибаешься, настоящий слепец — это я, так как, отвратив лик от дающего нам хлеб насущный, поспешил к тебе — скупцу.

Сказав это, он повернулся и ушел.

Слова его поразили хозяина. Он побежал за ним следом.

— Вернись, я выполню твою просьбу!

Но Толибилм не вернулся.

* * *

Темнокожий мавлоно Саид Мултони был учеником мавлоно Кутбиддина. Однажды вечером он опрокинул бутылку с чернилами, и белая одежда его испачкалась в нескольких местах. Мавлоно Саид Мултони не заметил этого. Утром он оделся и пришел в класс. Как только Саид Мултони сел на свое место, друзья спросили его:

— Мавлоно, что с вашей одеждой?

Мавлоно Кутбиддин ответил вместо него:

— Ничего, он просто вспотел.

* * *

Мавлоно Кутбиддин шел по дороге. Вдруг с крыши упал человек прямо на него и повредил ему шейный позвонок, да так, что мавлоно несколько дней не вставал с постели.

Проведать его пришли представители знати и спросили:

— Махдум¹, как вы себя чувствуете?

¹ *Махдум* — сын высокопоставленного духовного лица, вежливое обращение к духовным служителям.

— Можно ли чувствовать себя хуже, когда падает с крыши кто-то, а шею ломает мне?

* * *

Мавлоно пошел проведать христианина, который был его соседом. Справляясь о самочувствии, он спросил:

— Как твоё здоровье?

Христианин ответил:

— У меня жар, и болит шея, но сегодня я жар сбил.

— Раз сбил жар, надеюсь, перебеешь и шею, — сказал мавлоно.

* * *

Весть об остроумии мавлоно дошла до падишаха. Он захотел побеседовать с ним и проявить свой ум. Велел приготовить разные кушанья, пригласить знать города — составить общество избранных. Затем пригласил мавлоно, усадил выше всех присутствующих и со всеми приличествующими почестями представил обществу. Когда расстелили дастархан и оставили его блюдами, то перед мавлоно поставили кушанье в закрытой посуде. И никто не знал, что там за еда.

Когда открыли крышку, присутствующие увидели содержимое блюда: это было сваренное срамное место барана. Так падишах хотел проявить перед мавлоно свое остроумие. Все переглянулись между собой: что же ответит на это мавлоно?

Мавлоно, не растерявшись, закричал:

— Как ты посмел ошибиться и блюдо, предназначенное гарему, принести сюда!

Присутствующие усмехнулись, а падишах был смущен и пожалел о своей попытке быть остроумным.

* * *

Двое пришли к казию Шурайху. Один требовал у другого вернуть ему богатство. Ответчик, пугаясь, не признавал прав истца.

Казий уловил в словах ответчика выражение, подтверждающее его виновность, и вынес решение вернуть владельцу его состояние.

Ответчик поднял крик: как, мол, ты можешь выносить решение о возвращении богатства, если не провел разбирательства и не заслушал показаний свидетелей?

Казий ответил:

— А свидетель уже дал показание.

— Какой свидетель? — спросил ответчик.

— Племянник твоей тети, то есть ты сам, — ответил казий.

* * *

Некто в безлюдном поле под деревом закопал тысячу динаров и отправился в путешествие. Через некоторое время он вернулся, пошел на то место и увидел, что землю у подножия дерева разрыли, а золото унесли. Он очень огорчился и немедленно отправился к казию Шурайху, и с глазу на глаз рассказал о своем деле.

Казий ответил:

— Иди и через три дня приходи ко мне. Но в течение этих трех дней никому не рассказывай о случившемся.

Человек ушел, а казий призвал к себе городского табиба, который был известен всему народу, и с глазу на глаз спросил, имеет ли то дерево какие-нибудь целебные свойства и полезны ли его корни?

— Да, — ответил таиб, — у них много свойств и они полезны от множества болезней.

— В последнее время ты лечил корнями кого-нибудь?

— Месяц тому назад заболел мужчина, исцеление которого зависело от корней того дерева. Я показал ему дерево, и он с его помощью выздоровел, — ответил таиб.

Казий распрощался с таибом и тотчас послал за тем человеком. Он усадил его перед собой и стал мягко наставлять, прочитал несколько аятов и хадис¹ воспитательного характера, растрогал его сердце и наконец заставил признаться, что он присвоил тысячу динаров, которые были найдены им под деревом. Так деньги были возвращены хозяину.

* * *

Двое пришли к казию Шурайху, и один у другого потребовал вернуть ему его богатство. Обвиняемый все отрицал и говорил, что никогда не видел этого человека и ни в какие сделки с ним не вступал.

Казий спросил у пострадавшего:

— Где ты вручил ему то золото?

¹ *Хадиса* — предания о пророке Мухаммеде.

— Под одним деревом в поле, до которого от города три мили¹ пути, — ответил тот.

— Пойди и принеси мне с того дерева два свежих листочка, чтобы я мог взять у них показания, и они помогли бы мне узнать, кто прав.

Пострадавший пошел за листьями, а обвиняемый остался ждать.

Казий призвал к себе других тяжущихся, занялся ими и в разгар разбирательства, когда тем ответчиком овладела беспечность, повернулся к нему и спросил, дошел ли тот человек до того дерева.

— Нет, не дошел еще, — ответил обвиняемый.

— Если ты под тем деревом не совершал никаких сделок, откуда знаешь, далеко это или близко? — спросил казий.

Ответчик был пристыжен, а казий ласковыми словами, добрыми назиданиями побудил его признаться во всем. Когда истец вернулся с листьями, казий сказал:

— Листья еще до твоего прихода дали показания, так что к ним уже не надо обращаться.

Затем ответчик привел истца к себе домой и вернул ему золото.

**Несколько рассказов о пропичательности
казия Аёса, бывшего одним из знаменитых
ученых, законовевов, Аёса, сына Муавня
бннни Курат, сына Аёса Мазани из рода
Мазания из Басры... об его остроумии
и находчивости**

Однажды некий зазнайка привязался к нему с претензией, что он проявляет поспешность в ответах на вопросы.

Аёс спросил:

— Сколько у тебя на руке пальцев?

— Пять.

— Почему ты поспешил с ответом и не раздумывал над вопросом?

— Потому что не было нужды в размышлениях.

— Так вот, я тоже не нуждаюсь в размышлениях над многими ответами.

¹ Милиа — единица измерения длины (равная примерно 3 км).

* * *

Группа ученых предъявила Аёсу три претензии: первая — в ответах на вопросы проявляешь поспешность; вторая — ты терпеливо беседуешь с презренными и невежами; третья — носишь очень простую одежду.

Аёс одному из них сказал:

— У меня к тебе есть вопрос.

— Спрашивай.

— Что больше: три или четыре?

Тот засмеялся и сказал:

— Четыре.

— Почему ты так поторопился с ответом?

— Потому что не было необходимости в размышлениях.

Аёс сказал:

— Мои ответы на вопросы такого же рода. Второе, я сижу с низшими потому, что прислуживают мне они и не требуют моих услуг. Если же я буду сидеть со знатью и высокопоставленными особами, услуги должен оказывать им я. А на это у меня нет сил. И еще, я ношу такую одежду, которая удобна для меня, и не ношу такой, которая подчиняет меня себе.

* * *

Две женщины принесли на суд Аёса клубок ниток, и каждая из них говорила, что нитки принадлежат ей. Аёс успокоил их и спросил у одной, на что она наматывала нитки.

— На щепку, — ответила женщина.

Тот же вопрос задал другой женщине.

— На лоскуток карбоса, — ответила она.

Аёс велел распутать клубок, и внутри оказалась щепка. Нитки он вернул той женщине, которая сказала правду, а обманщицу наказал несколькими ударами плети.

* * *

Казий Низамиддин Хиравл — сын мавлоно Хаджи Мухаммад Фарохи, живший во времена правления покойного султана Хусейна Мирзо, тоже отличался пронизательностью.

Двое принесли на суд ему чалму, и каждый из них претендовал на нее.

Казий заподозрил одного из них во лжи и сказал:

— Встань и повяжи чалму так, как ты привык ее повязывать.

Тот повязал, да так, что остался лишний кусок. Казий велел сделать то же и другому. Второй повязал ровно. Казий вынес решение, что чалма принадлежит тому, который повязал ее правильно, вынудил обманщика признаться во лжи и раскаяться в ней.

* * *

Богослова спросили: в какой день нужно брить голову, в какой стричь ногти и в какой день обривать усы.

— В любой день и в субботу, то есть, когда волосы, ногти и усы отрасли, в тот день и нужно брить и стричь, — ответил он.

* * *

Богослова Абдумансура Саджастанани спросили:

— Если в открытом поле, достигнув родника, мы захотим совершить омовение, в какую сторону должны обратиться лицом?

— В сторону своей одежды, дабы воры не унесли ее, — ответил он.

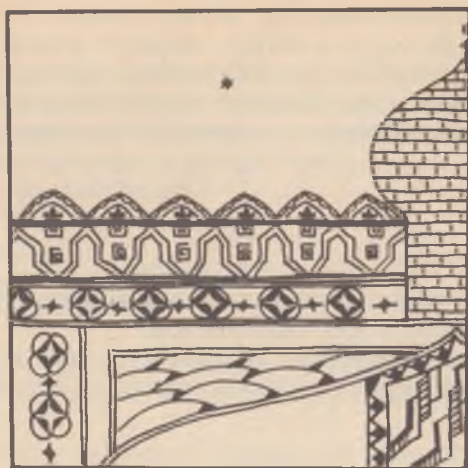
* * *

Один богач дал искусному проповеднику золотое кольцо без камушка и попросил произнести с минбара молитву в его честь. Проповедник произнес молитву и попросил аллаха отвести богачу в раю дворец без крыши. Когда он сошел с минбара, богач подошел к нему, пожал руку, а потом спросил:

— Эй, махдум, что за странную молитву ты произнес за меня?

— Если бы твое кольцо было с камнем, то и дворец твой имел бы крышу, — ответил проповедник.

Глава восьмая

ЛАТИФА О ПРАВИТЕЛЯХ ДАВНИШНИХ И ПОСЛЕДНИХ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ СКАЗЫ О ТАБИБАХ И ЗВЕЗДОЧЕТАХ

В «Наводере» Саълаби — в книге высказываний древних мудрецов — говорится, что прощения дурных поступков заслуживают три человека: соблюдающий пост, больной и путник. Трех человекам нужно оказывать снисхождение и помощь: султану, больному и заимодавцу. Трех человек не подобает унижать: султана, ученого и собеседника, так как от унижения султана настанет разлад в мире, от унижения ученого настанет распад веры и от унижения собеседника разрушится справедливость. Перед тремя преклонение великих не является постыдным: перед отцом, гостем и конем. От трех, кроме разлуки и удаления, нет другого пути избавления: от вороватого слуги, сварливой жены и шатающегося зуба.

* * *

Жил на свете темнокожий мудрец по имени Лукман. Один добрый человек взял его к себе в слуги. Некоторое время он

прислуживал хозяину, а тот все старался выяснить, насколько Лукман силен в науках и насколько высока его мудрость. Как-то раз хозяин, чтобы испытать его, приказал:

— Зарежь барана и лучшие части его принеси мне.

Лукман зарезал барана и принес хозяину его сердце и язык.

Через несколько дней хозяин опять велел:

— Зарежь барана и наихудшие части его принеси мне.

Лукман зарезал второго барана, сердце и язык его принес хозяину.

— Как это понимать? — возмутился хозяин.

— Нет ничего прекраснее честного и чистого сердца и сладкоречивого языка, но и нет ничего отвратнее злого языка и жестокого, бесчестного сердца, — ответил Лукман.

* * *

Шел по дороге философ Аристотель. Встретился ему красивый молодой человек. Философ задал ему вопрос и тот дал глупый ответ.

— ...Дом хорош, если в нем поселяется человек, — сказал философ.

* * *

Шел по дороге мыслитель Джелипус. Встретился ему красивый молодой человек. Мыслитель что-то спросил у него. Тот с кислой миной ответил грубостью.

— Хотя чаша и золотая, а внутри уксус, — сказал мыслитель.

* * *

Гиппократ говорил о мудрости. Невежда стал спорить с ним.

— Народ эти слова не переймет и не признает их бесспорными.

Мудрец сказал:

— Слова по сути своей должны быть правильными и добрыми. Я не собираюсь навязывать их народу.

* * *

В «Наводере» Саълаби — в рубайятах о древних мудрецах — говорится, что четыре понятия нуждаются в четырех вещах:

знатность в учтивости, правление в справедливости, родство в дружбе и любви, ум в опыте.

И есть четыре вещи, малость которых не является малостью: долг, огонь, недруг и болезнь; и есть четыре вещи, являющиеся сосредоточием всего наихудшего: гнев эмира, ложь ученого, жадность богача, распутство женщины.

* * *

Спросили мудреца, какое правдивое слово лучше не произносить?

— Восхваляющее себя, — ответил он.

* * *

Мудрец сказал: неприлично, когда младшие стараются опередить старших, за исключением лишь трех случаев. Первый: ночью младший должен идти впереди, чтобы оберегать старших; второй — оказавшись перед потоком, младшие должны пройти вперед, чтобы предупреждать старших; третий — в схватке с неприятельским войском младшие должны быть впереди; это необходимо для того, чтобы изгнать врагов и защитить старших.

* * *

Некий богач сказал однажды мудрецу:

— У меня есть сто золотых динаров, хочу отдать их тебе. Как ты на это смотришь?

— Если дашь — лучше тебе; если не дашь — лучше мне. Если ты их отдашь, значит я буду тебе обязан, не дашь — я свободен от обязанностей перед тобой.

* * *

Невежда, желая досадить мудрецу, сказал:

— Почему изо рта у тебя плохо пахнет?

— Все твои постыдные поступки я сохраняю в груди, вот они и отравили мое дыхание, — ответил мудрец.

* * *

Скупец увидел мудреца, который с большим трудом извлекал камни из серебряного рудника, размельчал их, плавил, выбирал крупинки металла и таким образом обеспечивал себе жизнь.

Скупец сказал:

— Эй, мудрец, к чему все эти труды, когда можно прожить гораздо легче?

— Добывать таким образом, с трудом и мучениями, средства к жизни мне в тысячу раз легче, чем вытянуть из твоего кулака один грош, — ответил мудрец.

Сталь закаленную разгрызть зубами,
Путь процарапать сквозь гранит ногтями,
Нырнуть головой в очаг горящий,
Жар собирать ресниц своих совками,
Взвалить на спину ста верблюдов ношу,
Восток и Запад измерить ногами —
Все это для Джамии гораздо легче,
Чем голову склонить пред подлецами.

(Пер. В. Звягинцева)

* * *

Спросили мудреца:

— Что ты скажешь о женитьбе?

— Женитьба — это радость на один месяц, а после на всю жизнь печаль. И еще — бремя махра¹, словно гора, и от тоски ломота в спине и пояснице.

* * *

Один мудрец сказал:

— Женитьба — это глубокая яма, в которую если упадешь — избавления не жди.

— Неужели никогда нельзя выбраться из нее? — спросили его.

— Если не свалят в нее скалу, спасение возможно.

— А что это за скала?

Мудрец ответил:

— Каждый ребенок, которого женщина производит на свет, — и есть скала, которую она сбрасывает в эту яму.

¹ *Махра* — обеспечение невесты (деньги или имущество, дававшиеся невесте женихом и поступавшие в ее распоряжение в случае смерти мужа или развода по вине последнего).

* * *

Мудрец после женитьбы сказал:

— Пока мы были холостые, женатые были немые, то есть не отговаривали нас. Теперь же, когда мы женаты, холостые оглохли, то есть не слушают наших советов.

* * *

Спросили мудреца, какое кушанье самое вкусное и желанное?

Ответил:

— Голод. Как только он овладеет человеком, то любая пища покажется и самой ароматной, и самой вкусной.

* * *

Спросили мудреца, какое время самое подходящее для еды.

Ответил:

— Для богача — когда он проголодается, для бедняка — когда он найдет пищу.

* * *

Вот что сказал мудрец о кушаньях: если тебя позвали в гости, и хлеб там оказался свежим, вода — холодной, соль — белой, зелень молодой, а укус красным... угощение совершенно и полно.

* * *

В «Наводере» Саълаби говорится, что мудрец не пил вина.

— Почему? — спросили его.

— Я не пью то, что само выпивает мой разум, — ответил он.

* * *

Падишах заставил мудреца выпить вино. В состоянии опьянения он наговорил глупостей. Когда мудрец пришел в себя, его упрекнули этим.

— Все это говорил не я, — ответил мудрец, — а сказал тот, кто вынудил меня выпить вино.

* * *

Мудрец присутствовал на веселом пиршестве, на котором пел песни певец с неприятным голосом. Собравшиеся на пиршество мучались этим.

Мудрец сказал:

— В старинной книге мудрых я читал, что крик совы предвещает смерть. Если это правда, то крик этого певца предвещает гибель совы.

* * *

В совершенстве знаний, ясности ума и проницательности Розы Кутайи Египетский, бывший непревзойденным в науке врачевания, не имел себе равных. О нем рассказывали интереснейшие истории. Вот одна из них.

Одного из просвещенных людей Египта разбил паралич. Пульс не прощупывался. Табибы оказались бессильны в его излечении, отошли от его изголовья, призвали детей, жену, родственников и стали готовить принадлежности, необходимые для обмывания.

Эта весть дошла до Кутайи.

Он спросил:

— Что сделали табибы?

Ответили:

— Прекратили его лечить, удалили всех; дети и родственники облачились в траурные одежды и начали готовить принадлежности для обмывания и погребения.

Кутайи пришел к постели больного, пощупал пульс. Он не бился. Спросил у детей:

— Как вы считаете, каково состояние здоровья вашего родителя?

— Думаем, что нить его жизни оборвалась. Он умер и снарядился в мир иной.

— Вы разрешите мне начать его лечить? — спросил он. — Если появятся признаки жизни и болезнь отступит... не упрекнете меня?

— Что за упреки могут быть?

Кутайи засучил рукава и сказал:

— Принесите плетку.

Когда табибы услышали, что Кутайи пришел к одру того господина и намеревается его лечить, очень удивились и собрались в том доме.

— Учитель, мы думаем, что он уже мертв, и все твои хлопоты напрасны, — сказали они.

Он не стал их слушать, взял плетку и велел обнажить больного. Кутайџи нанес десять ощутимых ударов по спине, бокам и груди его так, что остались следы плетки на теле. Затем пощупал пульс. Он не бился. Еще нанес десять более сильных ударов. Пощупал пульс и ощутил еле заметное биение.

Спросил у табибов:

— Скажите, прощупывается ли пульс у покойника?

— Нет.

— А теперь пощупайте его пульс, — сказал он.

Пощупали, удивились и сказали:

— Хвала аллаху, он ожил.

Кутайџи нанес еще десять ударов плеткой. Пульс усилился. Он нанес еще десять ударов. Больной после сорока ударов открыл глаза и начал стопать.

Кутайџи спросил, как он себя чувствует.

— Я голоден, — ответил больной.

Ему дали выпить шербет. Больной тут же при собравшихся сел на постели и сказал:

— Очень болят спина, бока и грудь.

Дети и родные припали к его ногам, рассказали обо всем, а присутствовавшие прикусили палец в изумлении, поцеловали ноги и руки Кутайџи, вознесли достойную хвалу ему и спросили о причине выздоровления.

— В его теле иссякло тепло. Этими ударами я вернул его телу больного, и он пришел в себя.

* * *

Пришел некий к табибу с жалобой на болезнь: расстройство желудка и потеря аппетита.

— Послушай мой пульс и выпиши рецепт чахоршарбат¹. Это избавит меня от некоторых беспокойств и восстановит аппетит. Возможно, желудок мой после этого будет здоров, как прежде.

Табиб пощупал пульс и спросил:

— Что ты сегодня кушал?

— Ничего особенного, о чем стоило бы говорить, — ответил тот.

— Так что же ты ел, говори.

¹ *Чахоршарбат* — в народной медицине лекарство, состоящее из четырех компонентов.

— Утром натошак пятьдесят манов дыни. Потом съел пять манов хлеба, пять манов харисы и пятнадцать манов гранат. Затем напоследок мне захотелось шербету... отведал восемь манов халвы... и больше ничего не кушал. Теперь же хочу рецепт чахоршарбат.

Табиб взял перо и написал: десять манов жаропонижающего, двадцать манов слабительного, тридцать манов индийского финика, сорок манов бухарской сливы и пятнадцать манов розовой воды. Вручая больному рецепт, он сказал, что для такого слабого желудка лекарства меньше этого выписывать нельзя.

* * *

Некто пришел к табибу и пожаловался, что вот уже три дня болен и очень ослабел. Вылечи меня.

Табиб пощупал пульс и сказал:

— Что ты кушал сегодня?

— Я болен и воздержался, три дня ничего не ел.

— Повторяю, скажи, что ты кушал?

— Ничего особенного, о чем можно было бы говорить.

— Так что же?

— Сейчас, когда шел к тебе просить исцеления, проходил мимо лавки каллапаза¹. Он открыл крышку котла. Запах пицци смутил меня, и я купил шесть голов и съел их, но ты считай три головы; четыре мана тонких хлебцев съел с головами, но ты считай два мана. Потом мне захотелось сладкого, я съел десять манов миндалевой халвы, а ты считай пять манов. Миновав это место, дошел до корзины с эмирским виноградом. Мне так захотелось его, что купил двадцать манов винограда и съел. Ты же считай десять манов. Затем я достиг лавки с дынями и купил шестьдесят манов дыни. Ты же считай тридцать манов.

Услышав это, табиб сказал:

— Теперь я буду говорить, а ты веди счет. Чтоб ты шесть лет болел менингитом, но ты считай — три. После этого болел бы четыре года чахоткой, но ты считай — два. Затем ослеп бы на оба глаза, ты же считай — на один. После этого чтоб отнялись у тебя обе ноги, ты же считай — одна. Затем, чтоб ты умер от резей в животе и, когда тебя положат в могилу, насыплют сверху сто хирваров² земли, ты считай пятьдесят.

¹ *Каллапаз* — повар, готовящий для продажи различные кушанья из голов, ног, требухи и других внутренностей животных.

² *Хирвар* (*харвар*) — мера веса, равная 300 кг.

* * *

Пришел некто к табибу.

— Я очень страдаю, помоги мне.

— Что у тебя болит? — спросил табиб.

— Вот уже несколько дней подряд болят мои волосы.

Пораженный табиб спросил:

— А что ты сегодня кушал?

— Хлеб со льдом.

— Ни болезнь твоя не похожа на человеческую, ни пища — на людскую, — ответил изумленный табиб.

* * *

Некий поэт, пустой и тщеславный, пошел к табибу и пожаловался, что какая-то тревога гложет его сердце, и это является причиной поднимающегося в нем возбуждения и смятения души, отравляет ему жизнь, вызывает вялость всех членов тела и даже волосы становятся дыбом.

Табиб был человеком умным. Он спросил:

— Не сочинил ли ты в эти дни стихи, которые до сих пор никому не читал?

— Сочинил.

— Прочти их мне.

Прочел.

— Прочти еще раз, — сказал табиб.

И в третий раз табиб заставил прочитать его. А затем сказал:

— Вставай и уходи. Ты исцелился. Эти строки ползали по твоему сердцу, тревожили его и были причиной душевного смятения, а их холод придавал вялость всему твоему телу. Теперь ты выплеснул их наружу, а значит избавился от них.

* * *

К табибу пришел больной и пожаловался на рези в животе.

— Ради аллаха, помоги мне.

— Что ты кушал? — спросил табиб.

— Три мана подгоревшего обеда.

— Отправляйся к ветеринару. Он лечит четвероногих, я же исцеляю людей, — сказал табиб.

* * *

У звездочета отмеряли зерно для эмира. Кто-то в это время спросил у него, предвидел ли эту картину, когда составлял свой гороскоп?

— Холм я видел, но не знал, что он будет именно на этом месте, — ответил звездочет.

* * *

Во времена Абумуашшара Балхского, который был выдающимся звездочетом того времени, потерялся в дворцовом гареме перстень падишаха Балха, чем последний был крайне огорчен и посчитал это за плохое предзнаменование. Он потребовал к себе Абумуашшара и сказал:

— Послушай, учитель, если этот перстень не отыщется, многих из гарема я казню, на многих падет мой гнев. Так что, составляя гороскоп, будь внимателен, последователен и хорошо вникни в суть дела.

Абумуашшар, когда настало время составлять гороскоп, размышляя о положении звезд, сказал:

— Этот перстень теперь во власти всевышнего.

Падишах, приближенные и все присутствующие удивились этим словам, а невежды даже засмеялись.

После тщательных поисков перстень нашелся среди страниц падишахского Корана.

Падишах подарил Абумуашшару халат из тонкой парчи и отослал ему тысячу динаров.

* * *

Прославленный звездочет был приближенным Хусрава Парвиза. Однажды звездочет пришел к Хусраву и сказал:

— Эй, Хусрав, мой жизненный путь подходит к завершению, чем я очень огорчен. Поэтому разреши мне, не стесняясь, изложить перед тобой мое желание.

Хусрав сказал:

— Ты приближен к нашей светлости. Говори, что желаешь.

— Хочу десять дней и ночей, пока не оборвется нить моей жизни, находиться в личных покоях Хусрава, ибо они являются убежищем благополучия и удачи, обиталищем спокойства и надежды.

Парвиз разрешил, и он каждую ночь спал в покоях Хусрава.

Прошли девять дней, настала десятая ночь. А в это время противники Парвиза определили местоположение его опочивальни, прорыли подземный ход, да так, что выход пришелся как раз посредине комнаты, у постели звездочета. Они подумали, что это Парвиз, и отрубили ему голову.

Хусрав же в это время был в своем гареме и ничего не знал о случившемся. Когда утром он вошел в свои покои и увидел происшедшее, был поражен ученостью и проникательностью звездочета и очень горевал о его кончине.

— Он пожертвовал собой ради меня, отнесите его в нашу личную гробницу, — повелел он.

Звездочета погребли в личном склепе Кисра.

* * *

Во дворце падишаха потерялся узкогорлый серебряный кувшин для умывания. Привели звездочета, который славился как составитель гороскопов.

Взял звездочет астрономическую трубу, определил время составления гороскопа и стал наблюдать за небесными светилами. Затем он глубокомысленно изрек:

— Серебро похитило серебряный кувшин.

Окружающие засмеялись и сказали:

— Что ты говоришь?

— Есть ли в этом доме кто-нибудь по имени Фаза? Ибо «фаза» по-арабски «серебро», — сказал звездочет.

— Да, есть служанка по имени Фаза, — ответили ему.

— Носящий имя Фаза и украл тот серебряный кувшин.

После тщательных поисков слова звездочета оправдались.

Падишах отобрал у той служанки кувшин и отдал звездочету. Служанку же наказал.

* * *

Как-то султан Махмуд Газнави сидел в комнате с четырьмя дверями. Он призвал к себе мудреца Абурайхана и сказал:

— Составь гороскоп и предскажи мне, в какую из этих четырех дверей я выйду. И если твое предсказание не оправдается, я казню тебя.

Мудрец растерялся и не знал, что делать. Но, зная, скверный нрав султана, ему оставалось лишь подчиниться. Взял он

астрономическую трубу, сосредоточился и стал со всей осторожностью размышлять. Затем что-то написал на бумаге, свернул и положил под подушку Махмуда.

А Махмуд после этого потребовал кирку и приказал в северо-восточной части стены сделать пролом, через который он и ушел. Затем приказал принести бумагу, развернул и прочитал. Было написано, что султан ни в одну из дверей не выйдет, а уйдет через пролом в северо-восточной части стены.

Махмуд прикусил палец в изумлении, и после этого предсказания очень уверовал в звездочета. Тут же, при собравшихся, вручил ему тысячу дирхамов наличными, подарил коня и из тонкой парчи дарственный халат.

Глава девятая

ЛАТИФА О ПОЭТАХ, ОБ ИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СПОРАХ И ПОЭТИЧЕСКОМ МАСТЕРСТВЕ

Саълаби был одним из столичных поэтов халифа Мансура.

— Однажды я сочинил блестящую касыду¹, — рассказывал он, — и в надежде получить достойное вознаграждение понес халифу, прочитал ему, и она была благосклонно принята.

Затем халиф сказал:

— Эй, Саълаби, что тебе больше по душе: триста динаров червонного золота или три мудрости, каждая из которой равноценна ста динарам червонного золота?

Я в угоду ему сказал:

— Вечная мудрость лучше преходящего блага.

— Первая мудрость, — сказал халиф, — та, что, если на тебе одежда старая, не обувай новые сапоги. Это выглядит плохо.

— Увы, мне! — вскричал я, — пропали мои сто динаров!

Халиф улыбнулся и сказал:

¹ Касыда — хвалебная ода.

— Вторая мудрость: когда будешь смазывать бороду маслом, не смазывай ее снизу, чтобы не засалить воротник.

— Жаль, ой, как жаль, пропали мои двести динаров!

Халиф улыбнулся и сказал:

— Третья мудрость...

Я не дал ему говорить:

— О, халиф эпохи, ради создателя, третью мудрость оставь про запас и отдай мне оставшиеся сто динаров, которые для меня в тысячу раз необходимее, чем выслушивание мудростей.

Халиф засмеялся и велел принести пятьсот динаров червонного золота и вручить мне.

* * *

Мудрый Хакани отослал бейт могущественному повелителю Манучехршаху, который был падишахом Ширвана, и ждал вознаграждения.

Вот этот бейт:

Пошли мне вашак, чьи объятья на плечи приму,
Или вышли вашока, которого сам обниму.

Вашак — это шуба, а вашок — красивый раб, постоянно находящийся при господине. Повелитель оскорбился, сказав, что в этом бейте его унизили. Почему «дай или это, или то», а не просить сразу оба.

Эту весть принесли Хакани. Он поймал муху, оторвал ей одно крыло и отослал правителю. «Я написал, объяснял он, «вместе с рабом». Эта муха рядом с точкой под буквой «б» поставила еще одну и получилась буква «ё».¹

Правитель засмеялся и отослал ему шубу и раба.

* * *

Мавлоно Музаффар Хирави был во времена гератских правителей искусным сочинителем касыд. Он изучал поэзию Хакани и сочинил блестящую касыду правителю Мунзиддину Хусайну. Однажды он читал эту касыду правителю. Когда дошел до бейта:

Все девять небосводов и солнце — рядом с ним
Мы с жалкой кучкой пепла и с угольком сравним, —

¹ Арабское «бо» (вместе) имеет начертание , «ё» (или имеет начертание .

правитель перебил его:

Эту мысль Хакани в касыде передал так:

Что значит солнце перед ним со всем огнем и пеклом?
Оно подобно угольку, засыпанному пеплом.

Мавлоно, оправдываясь, ответил:

— Эту мысль Хакани перенял у меня.

Правитель сказал:

— Разве? Но ведь Хакани умер до твоего рождения.

Мавлоно не растерялся:

— Правитель, в самом начале моего благодатного истока Хакани наблюдал за моей душой и, пока я был в пути, он эту мою мысль украл и присвоил себе.

* * *

Эмир Тимур, покорив область Фарс, добрался до Шираза, казнил Мансуршаха и потребовал к себе Хафиза Ширазского. Хафиз жил в большой бедности, вел отшельнический образ жизни. Саид Зайнуллобиддин Гунобуди, будучи приближенным эмира Тимура и учеником Хафиза, привел последнего пред светлые очи правителя. Эмир увидел перед собой нищего аскета.

— Эй, Хафиз, — сказал эмир, — я мечом и огнем выжег почти всю землю, пока смог покорить Самарканд и Бухару. Ты же даришь их тюрчанке за ее родинку одну:

Дам тюрчанке из Шираза

Самарканд, а если надо —
Бухару! А в благодарность жажду родинки и взгляда.

(Пер. К. Липскеров)

— Моя щедрость и довела меня до такого нищенства, — ответил Хафиз.

Тимур засмеялся и предложил ему достойную должность.

* * *

Поэт Лутфи был воспитанником Мирзо Байсункура. Однажды он написал хороший ответ на касыду с радифом¹ «сад» мавлоно

¹ *Радиф (редиф)* — слово частица или целое выражение, непосредственно следующее за рифмой и являющееся как бы второй повторяющейся без изменения частью ее.

Музаффара Хирави и прочитал ее Мирзо. Он повелел написать также ответ и на касыду с радифом «дворец».

— Сначала я посмотрю, какие плоды вкушу из его сада, лишь потом вступлю в его дворец, — ответил Лутфи.

Мирзо засмеялся и щедро вознаградил его.

Латифа о том, как поэты высказывались о богачах и скупцах

Поэт написал касыду одному скупому господину, прочитал ее, но никакого вознаграждения не получил. Он ждал неделю. Ничего. Тогда он написал просительную кыт'а¹ и передал господину. Тот снова не проявил внимания. Через несколько дней поэт написал пародию. Господин и виду не подал. Тогда поэт пришел к его дому и уселся у дверей.

Вышел хозяин, увидел его, удобно расположившегося у дверей.

— Эй, неисправимый наглец, ты восхвалял меня, я ничего тебе не дал, просительную кыт'а передал — я не обратил внимания, высмеял меня — я не показал и виду. С какой надеждой ты сейчас явился сюда и уселся у дверей?

— С надеждой, что умрешь, и я напишу тебе марсия.²

Господин засмеялся и щедро наградил поэта.

* * *

Занемог некий господин, возлег на ложе недуга. А болезнь затянулась.

Поэт, бывший его другом, не пришел проведать его.

Когда больной выздоровел, он встретился с поэтом и с укором сказал:

— Я так сильно болел, а ты ни разу не навестил меня.

— Извини, я был занят сочинением марсия.

Салмон Саводжи в сатире на Убайда Закони, остроумного юмориста и дерзкого шутника, написал такую кыт'а:

Проклятый сатирик Убайд Закони —
Босьяк и безбожник во все свои дни.
И хоть не в Казвине рожден богохульным,
По духу и делу казвинцу сродни.

¹ Кыт'а — короткое стихотворение из двух, трех или более двустиший, причем все первые полустишия не рифмуются, а все вторые идут на одну рифму.

² Марсия — элегия.

Если в Хорасане говорят: тот-то стал казвинцем, это значит, что сказавший так очень рассердился.

Как только эта кыт'а дошла до Убайда Закони, он, чтобы дать достойный ответ Салмону, из Казвина отправился в Багдад.

Случай свел его с Салмоном на берегу Даджлы¹. Во всем величии восседал он среди багдадской аристократии, поэтов и ученых.

Закони подошел к нему и поздоровался.

Салмон спросил:

— Кто таков и откуда идешь?

— Я — бедный человек из области Казвин.

— Знаешь ли ты наизусть какое-нибудь стихотворение Салмона?

— Знаю.

И Закони прочитал эти два бейта:

Я всегдатай кабачков, люблю хмельной уют,
Со мной пируют и пьют, притворствуют и пьют.
Как переполненный кувшин, кидают с плеч на плечи,
Подобно кубку, на пирах в сто рук передают.

Потом сказал:

— Салмон — человек достойный, одаренный и красноречивый, и я не уверен, что эти стихи сочинил он. Я предполагаю, что их сочинила его жена о себе. Такие стихи предпочтительнее в отношении женщин, так как их перебрасывают с плеч на плечи, передают из рук в руки.

Салмона эти слова очень сконфузили и возмутили. Он догадался, что перед ним Убайд Закони.

— Поклянись, что ты не Закони, — сказал он.

— Закони.

Затем он стал отчитывать Салмона: ты считаешь себя умным и образованным и что за шужда тебе высмеивать человека, которого ты никогда не видел, не знаешь действительного его положения. Мы ничем не огорчали друг друга, что могло бы быть причиной недовольства между нами. Я специально пришел в Багдад, чтобы задать тебе головоломку — на собрании падишаха высмеять тебя. Но счастлива твоя судьба, что на берегу Даджлы попался ты мне. Я немного успокоил сердце тем, что здесь сбил с тебя спесь.

Салмон поднялся с места, попросил извинения, обнял его, повел к себе домой, и о многом они переговорили между собой.

¹ Даджла — река Тигр.

* * *

Однажды мудрый Анвари шел по базару и увидел толпу. Какой-то мужчина читал касыды Анвари, выдавая их за свои. Слушатели выражали бурное восхищение.

Анвари подошел к нему и спросил:

— Скажи, пожалуйста, чьи стихи ты читаешь?

— Стихотворения Анвари.

— А ты его знаешь?

— Что за вопрос? Анвари — это я.

Анвари засмеялся и сказал:

— Я слышал, что бывают похитители стихов, но похитителей поэтов еще не видел.

* * *

Шейх Камол Доджанди в своих стихах часто употребляет слово «собака». Хасан Дехлави много употребляет слово «любимая».

Один поэт увидел в руке человека томик, в который вошли стихи обоих поэтов, и сказал:

— Разъедини их и отдали друг от друга, иначе собаки Камола загрызут любимых Хасана.

* * *

Население Туса поклоняется корове.

Однажды на собрании Мирзо Бабура поэт Лутфи оказался рядом с поэтом Туси, и Туси, желая быть остроумным, спросил у Лутфи, где он обитает.

— Рядом с коровой — ответил Лутфи.

* * *

Мирзо Мироншах, сын амира Тимура Кургана, когда поехал в Табриз, прислуживал мавлоно Мухаммаду Ширин Магриби, известному поэту, стал его мюридом — учеником и два раза в неделю бывал у него дома. Через некоторое время, побывав на беседе Ходжи Камола и поняв тонкость его речей, отстранился от ученичества у мавлоно Мухаммада и устроился прислужником к Ходжи Камолу. Два раза в неделю он приходил к Ходже. Это очень

огорчало мавлоно Мухаммада. У Ходжи был обычай: каждое утро он расстилал дастархан, и все вельможи и знать Табриза собиралась в его доме. Хозяин же входил в большие расходы. Однажды Мирзо Мироншах под предлогом обета прислал Ходже расшитый золотом и инкрустированный драгоценными камнями пояс, чтобы тот продал его, а деньги потратил на угощение гостей.

Ходжа велел продать пояс и все золото потратить на угощение. В доме собрались все знатные и простые люди Табриза. Пришли все, лишь мавлоно Мухаммад Ширип и его приближенные отвернулись от того угощения. На собрании Мирзо Мироншах спросил у старшего из присутствующих, почему не пришел мавлоно Мухаммад.

— Очевидно, нездоров.

Мирзо спросил у Ходжи, что болит у мавлоно.

— Пояс, — ответил Ходжа.

Латифа о высказываниях Орифа Джамата¹ о поэтах своего времени

Когда Ориф Джам во время поездки в Хиджаз достиг Багдада, пир² Джамол Ираки со всеми мюридами пришел навестить его. Это был уважаемый шейх, в него верила знать и простой люд. Он сам и его мюриды с головы до ног были одеты в одежду из верблюжьей шерсти.

Как только пир увидел Джамата, сказал:

— Мы видим божью благодать.

— Мы видим то же самое, вернее, его верблюдов, — ответил Джам.

* * *

Мавлоно Шейх Хусейн во времена султана Абусаида Мирзо был независимым мухтасибом³.

Мирзо говорил:

— Мавлоно совладелец моих богатств.

Однажды мавлоно обратил огнепоклонника в мусульманскую

¹ В этом разделе Орифом Джамом называется известный поэт Абдурахман Джамп.

² Пир — глава духовной общины.

³ Мухтасиб — лицо, наблюдавшее на базаре за точностью веса и мер, за правильностью употребления монетных единиц и за исполнением предписанных шариатом религиозных обрядов и правил поведения.

веру, возложил ему на голову свою чалму, взял из казны Мирзо ему одежду, посадил на коня и с барабаном, карнаем и сурнаем проводил вокруг базара.

Джами сказали, что мавлоно сегодня обратил огнепоклонника в мусульманина и возложил свою чалму тому на голову.

Джами сказал:

— И что же тут такого: всем известно, что уже шестьдесят лет, как мавлоно чалму возлагает на голову огнепоклонника.

* * *

Во времена Мирзо Бабура самаркандский ученый богослов мавлоно Мазид прибыл в Герат.

Однажды Джами был на собрании у Мирзо, на котором присутствовал и мавлоно Мазид.

Мирзо спросил у Мазид:

— Что ты говоришь, проклиная Язида?

— Ругать его не дозволено, ибо он принадлежит к святым, — ответил Мазид.

Мирзо повернулся к Джами и сказал:

— Так говорит мавлоно Мазид. А вы что говорите?

— Я говорю: сто проклятий Язиду, сто других Мазиду.

* * *

Хафиз Гиёси — знаменитый среди ученых того времени сказитель дастанов, заболел. Джами пришел проведать его. Хафиз завел разговор о сути и основах суфизма, в коих он был недостаточно сведущ и поэтому неправильно применял термины и отдельные выражения. Он привлек также противоречивые примеры и суждения. Поняв это, Джами замолчал.

Когда Джами ушел, Хафиз сказал ученым, пришедшим проведать его:

— Сегодня здесь был мавлоно Абдуррахман Джами. Я привел несколько трудных примеров из суфизма, он внимательно выслушал их.

Эти слова дошли до Джами, и он сказал:

— От его суждений, между прочим, мне заложило уши.

* * *

Шейх-ул-ислам Герата — мавлоно Сайфиддин Ахмад — услышал, что Джами с традиционным визитом бывает у некоторых приближенных султана Хусейна Мирзо.

Шейх за столом султана сказал:

— Пока мавлоно Абдуррахман Джами бывает на трапезах некоторых, мы отказываемся от ислама.

Эта весть дошла до Джами.

— Пока он шейх ислама, мы отказываемся от ислама, — ответил на это Джами.

* * *

Некий шейх говорил Джами, что ученые и богословы запрещают развлечения. А я со стороны матери шофъемазхаб¹, а вероисповедание Шофъе разрешает развлечения.

Джами ответил:

— Вот ты и предавайся развлечениям стороной матери.

* * *

Однажды старец из самаркандской знати, носивший длинную бороду, с двумя сыновьями пришел к Джами. Сыновья стали говорить о разных сортах винограда своего края. В нашей области, хвастались они, произрастает виноград, черный, сочный и сладкий, и его называют «дедовской бородой», а в вашем Хорасане его нет.

— У нас тоже есть виноград, черный, сочный и сладкий, и его называют «яйца раба». И наши «яйца раба» лучше вашей «дедовской бороды».

* * *

Казий Гура был черен телом, страшен лицом, толст и волосат и некоторое время, опасаясь за себя, оставался в Герате. Однажды он пришел к Джами.

Джами сказал:

¹ *Шофъемазхаб* — вероисповедание Шофъе — последователя одного из четырех течений вероисповедания ислама.

— Ты долго оставался в этом городе. Почему не едешь к себе в область?

— В нашем городе развелось много свиней, — ответил казий.

— По-моему, пока ты здесь, на одну стало меньше.

* * *

Мавлоно Гиёс был беден, нечистоплотен, толст и имел большие уши. Поэтому его прозвали «Гиёс-осел». И в Герате он был известен под этим прозвищем. В пятницу после намаза он пришел к Джами.

— Мавлоно, откуда ты? — спросил Джами.

— С собрания мавлоно Хусайна Воиза.

— И что ты слышал на том собрании?

— Из-за большого скопища людей я оказался в отдалении от минбара и до меня не доходил голос Воиза, — ответил он.

— Если голос Воиза не доносился до тебя, то твои уши могли достичь Воиза, — сказал Джами.

* * *

Как-то царевич из рода Тимура на собрании у Джами разгрыз кусок египетского набота¹ зубами и куски замочил слюной. Затем эти куски на ладони протянул Джами и спросил:

— Пожалуйста, какой кусок вы хотите?

— Тот, который мокрее всех, — ответил Джами.

* * *

Эта кыт'а — одна из поэтических шуток Орифа Джама, не вошедшая ни в одно собрание стихов:

Воришка подбирал на мой замок отмычки,
Хотя бедой грозят подобные привычки:
Желал он янтарей из личного добра,
Но не нашел ценней пшеничного зерна.
Тут маленький шумок пошел из-за дверей.
И тотчас он замок защелкнул поскорей.

¹ *Набот* — кристаллический сахар.

* * *

Когда Джами, направляясь в Хиджаз, достиг Симпана, взиматели подорожного сбора и сборщики налога причинили много беспокойств его каравану. Вы скрываете от нас товары, говорили они. Мы еще раз хотим осмотреть ваши шаровары. Что вы на это скажете?

— Все, что найдете под ними и в них, ваше, — ответил Джами.

* * *

Завистник, старавшийся казаться остроумным, сидел однажды с Джами и, желая проявить тонкость ума, говорил:

— У меня есть три акчи, я хочу на них купить что-нибудь съестное, кое-что из купленного скушать, а то, что останется, продать и выручить те три акчи.

— Иди на бойню, купи требухи; что внутри — скушай, а требуху вновь продай за три акчи, — сказал Джами.

* * *

Некий поэт-пустослов при Джами сказал:

— Вчера ночью во сне я видел святого Ходжу Хизра и благословенная слюна его попала мне в рот.

Джами ответил:

— Ты ошибся. Хизр хотел плюнуть тебе в лицо и бороду. Но ты держал рот открытым, поэтому плевков попал тебе в рот.

* * *

Один из поэтов сказал при Джами:

— Я написал ответ на диван Камола, диван Ходжи и сто речей почтенного Амира (Алишера).

— А богу какой ответ ты хочешь написать? — спросил Джами.

* * *

Поэт читал Джами свою газель, затем сказал:

— Хочу эту газель вывесить на городских воротах для общего обозрения.

Поскольку над душою бдишь безумною лишь ты,
Кто ни покажется вдали — я думаю, что ты.

— Откуда же народ будет знать, что это твои стихи, — сказал Джами, — разве что тебя самого рядом с ними повесить.

* * *

Поэт-пустослов говорил при Джами:

— Когда я добрался до Каабы, чтобы освятить и благословить свой диван стихов, я коснулся им о черный камень¹.

— Было бы лучше, если бы ты пополоскал его в воде источника Замзам, — сказал Джами.

* * *

Один из шейхзода — отпрысков шейха города, — не отличавшийся умом, притязал на звание поэта. Однажды он пришел к Джами, прочитал свои стихи, а затем матлаъ² к газели Джами.

Неодобряя матлаъ газели, шейхзода сказал:

— В этой матлаъ вы изволите говорить: «Кто ни покажется вдали — я думаю, что ты». А вдруг покажется осел или корова?

— Я думаю, что ты, — ответил Джами.

* * *

Мавлоно Сагари очень чтил Джами, и иногда Джами подшучивал над ним. Однажды все занялись строительством, и каждый был занят делом. Мавлоно же Сагари, опершись, стоял на одной ноге, обхватив колено другой руками.

Кто-то спросил его:

— Почему ты не работаешь?

Джами заметил:

— Как? Он поддерживает будущую дверь.

¹ Черный камень — мусульманская святыня, хранящийся в нише Каабы, которому преклоняются мусульмане.

² Матлаъ — первый байт (двустихие) газели.

* * *

Джами о Сагари написал:

Сказал однажды Сагари:

«Я гибну от воров,

Что мысли лучшие крадут

из строк моих и слов».

Я много строк его прочел,

но мысли не нашел.

Увы, он прав: украден смысл

из всех его стихов.

Эта кыт'а приобрела известность. Когда ее прочитал Сагари, он пришел к Джами и с упреком сказал:

— Я — давнишний служитель этого порога. Вы изволили написать кыт'а, которая стала известна всему городу, и куда бы я ни пошел, мне читают ее и смеются надо мной.

Она опозорила меня на весь мир.

Джами ответил, что было написано: «сказал однажды поэт», а писцы и остроумы города переделали по-своему: «сказал однажды Сагари».

* * *

Мавлоно Сагари носил длинную бороду. Однажды на улице Хиёбан он стоял у берега Джуи Нав с сыном Джами Хаджой Зиёваддином Юсуфом, а некто купал в реке коня, поглаживая его по крупу и хвосту.

Мавлоно Сагари спросил Хаджу:

— На что похожи круп и хвост коня?

Хаджа ответил:

— Круп похож на лицо Сагари, а хвост — на бороду его.

* * *

Однажды к Джами пришел человек по имени Завли, большой невежда и простак, занимавшийся рифмоплетством и выдававший это за поэзию. Он везде и всюду читал свои творения, а народ потешался над ним. Он попросил у Джами одобрительное письмо, чтобы размножить свои стихи. В просьбе и упорстве он перешел все границы и вынудил всеми почитаемого Джами дать слово, что обязательно напишет что-нибудь, чем бы Завли мог возгордиться среди поэтов.

Джами потребовал перо, черпильницу, бумагу и написал:

«Заслуги мавлоно Завли так велики, что приковали наше внимание к себе и услаждающим сердце творениям. Смысл его стихов так высок, что не вмещается в рамках поэзии, и никто не в состоянии познать глубину их смысла».

Экспромты поэтов, восхваляющие султанов

Однажды вечером Махмуд Газнави, будучи во хмелю, отрезал локон своему любимцу Аёзу. Опомившись, он был очень огорчен содеянным и в знак скорби по локону облачился в черную одежду и прекратил всякие развлечения. Трое суток он не промолвил ни слова, не раскрыл уст и никого из близких и собеседников не допускал к себе. Военачальники, вазири и все приближенные были так этим обеспокоены, что обратились за помощью к Абулькасыму бинни Ахмад Унсури, бывшему «царем поэтов» столицы Махмуда и обладавшему большим мастерством и познаниями в поэзии.

Они сказали ему:

— Если сумеешь остроумными стихами или латифа вывести султана из этого состояния и сотрешь из его памяти эту неприятность, мы тебя наградим ста тысячами дирхамов наличными.

Унсури прошел к дворцовому гарему и издали показался султану. Султан подозвал его к себе и сказал:

— Унсури, видишь, какую я допустил оплошность в опьянении? Вот и сочини об этом стихи.

Унсури сочинил такие стихи:

В этот час, когда на друге завитки короче стали,
Для чего сидеть в испуге, в огорченьи и печали:
Время жажды и веселья заступает на посты,
Пей не горькое похмелье — новоселье красоты!

Султану очень понравилось это четверостишие, и он велел принести шкатулку с драгоценностями. Военачальники добавили ему обещанные сто тысяч дирхамов. Султан же с Аёзом и другими слугами и сотрапезниками предался развлечениям. Сорок дней и почей музыканты и певцы исполняли это рубайи. После этого экспромта авторитет и положение Унсури возвысились, а это предание подробно панизано на нить поэзии в книге «Махмуд и Аёз»

* * *

Муиззи из Нишапура был превосходным поэтом. Вначале он служил в войсках, затем был в услужении султана Джалолиддина Маликшаха, последнего из рода Сельджукидов, и прислуживая ему, достиг звания главы придворных поэтов. Причиной получения этого титула послужил экспромт и вот по какому поводу.

На крыше дворца устроили праздничный вечер рамазапа. Приближенные и советники со всем старанием высматривали серп молодого месяца, но безуспешно. Вдруг султан сам увидел его, очень этому обрадовался и указал другим. Муиззи тоже был там.

— Сочини о молодом месяце стихи, — велел султан.

Муиззи прочел это рубайи:

О месяц, шахский лук, ты снова заблестал,
Серезкой на ушке вселенной засиял,
Явился золотой чеканною подковой
Иль бровью пери той, что ранит наповал.

Султану понравилось рубайи, он повысил поэта в чине и отправил посланником к Кайсару.

Говорят, оттуда он вернулся в Исфаган с сорока верблюдами, груженными дорогими тканями.

Хакани нравились его стихи, а стихов Рашида Ватвата он не признавал.

* * *

Рашид Ватват, настоящее имя его Мухаммад бинни Абдул Малик, был наделен разнообразными дарованиями. Родом из Балха, жил он в Хорасане. Одаренность его проявилась при покровительстве Отсиза, сына султана Хорезмшаха. Ватват воспитывался у него. Это был тщедушный и желчный человек, поэтому его прозвали «ватват». Так называют птицу, похожую на ласточку.

Отсиз происходил из рабов и был невольником султана Джалолиддина Маликшаха. Султан после смерти отца — Мухаммада — передал в его владение Хорезмскую область. Отсиз раз в год приезжал в Мерв, преподносил дары султану и возвращался обратно. Большую часть времени он проводил в религиозной борьбе с богоотступниками татарами, многих из них

убил и захватил богатую добычу, нажил много оружия и большое состояние, приобрел могущество и величие.

Когда султан Джалолиддин умер и у власти встал его сын Саиджар, Отсиз не подчинился его приказу, не влез в кабалу, поднял мятеж и посеял смуту. И войско Саиджара, отряд за отрядом, стало бежать из Мерва в Хорезм, отказывалось служить султану. Именно в это время Рашид Ватват написал касиду Отсизу, которая начинается строками:

На трон страны взошел Отсиз-борец.
Он Сельджукидов скинул наконец.

Эти строки дошли до Саиджара, и тот затаил злобу против Рашида. Султан собрал огромное войско в Мерве и двинулся в Хорезм, чтобы покорить Отсиза. В его услужении был мудрец Анвари.

Отсиз в это время пребывал в крепости Хазорасп¹, расположенной в недоступном месте. С ним был и Рашид. Саиджар знал об этом. Отсиз был осажден и султан приказал пачать атаку. Во время атаки султан велел Анвари сочинить стихи, привязать их к стреле и забросить в крепость.

Анварь в присутствии султана сочинил это рубайи:

О шах, все земли этих мест, что есть окрест — твои,
И чтобы мир завоевать, дела небес — твои,
Ты крепость «Тысяча коней» сумеешь взять сегодня,
А завтра сотни крепостей и сам Хорезм — твои.

Рубайи прикрепили к стреле и забросили в крепость. Бывшие в крепости воины отнесли его Отсизу. Прочитав его, Отсиз сказал Рашиду:

— Сейчас же скажи бадеха², чтобы я тоже прикрепил ее к стреле и закинул в войска Саиджара.

Рашид произнес это рубайи:

О шах, рекою кровь течет, и мы не смыли зла,
Пусть нынче в трауре народ и бедам нет числа,
Но не сдается Хазорасп и самому Рустаму:
Не сыщут в «Тысяче коней» ни одного осла.

Отсиз велел привязать его к стреле и забросить в войска Саиджара. Бадеха отнесли султану. Он знал, что это стихи Рашида.

¹ *Хазорасп* — тысяча коней. Дальше название крепости обыгрывается в стихах.

² *Бадеха* — экспромт.

Злоба нарастала, и он поклялся, что как только Рашид попадетсѣ ему в руки, разорвет его на семь частей. Эта вѣсть дошла до Рашида, и он испугался.

После этого султан приказал во что бы то ни стало захватить крепость. Завязался жестокий бой. Обитатели крепости не выдержали. Отсиз, не в силах противостоять противнику, глубокой ночью бежал из крепости. Рашид же в ту ночь не смог уйти с Отсизом и спрятался в укромном месте.

Султан Саиджар приказал найти его.

После тщательных поисков его все же нашли и сообщили об этом султану. Он приказал посреди базара разорвать его на семь частей. Рашид попросил отвести его к Ходже Мунтахабиддину Бадеи, который являлся письмоводителем султанского девопа — канцелярии — и советником шахского собрания.

— Я изложу в двух словах свою просьбу, — сказал он, — а после можете исполнить приказ султана.

Его повели к советнику.

Рашид сказал:

— Я слышал, что султан велел разорвать меня на семь частей. Но я настолько тощая птица, что разрывать меня на семь частей — лишние хлопоты. Если султан проявит благосклонность и прикажет разорвать меня на две части, то это будет большой милостью с его стороны.

Советник засмеялся и слова эти довел до султана.

Султан соизволил улыбнуться и сказал:

— Он настолько худ, что вряд ли его можно разорвать и на две части. Отпустите его и пусть идет, куда хочет.

Отпустили. Он опять пошел служить Отсизу и прожил долгую жизнь. Многие годы служил сыну Отсиза Эларслану, дожил до глубокой старости, видел еще и времена сына Эларслана — Султаншаха.

Когда Султаншах унаследовал престол отца, то пожелал побеседовать с Рашидом. Приказал на носилках доставить Рашида к нему.

Когда Рашид, согбенный и немощный, встретился с Султаншахом, тот, желая испытать его талант, сказал:

— Эй, Рашид, скажи мне наставительное рубайи, чтобы в нем были упоминания и восхваление деду, отцу, а также восхваление в мою честь.

Рашид экспромтом сказал это рубайи:

Твой дед осилил произвол, возвысил светлый дух,
Отец разруху поборо, смёл даже след разрух.
Вот и тебя теперь нашли султанские одежды,
Благодарным своим продолжи дело двух.

Султаншах подарил Рашиду за рубайи сорок тысяч дирхамов.

* * *

Когда султан Санджар вознамерился покорить земли Мавераннахра, он, объединив всех ханов, дал сражение в Насафской степи. Санджар в этом бою был разбит. Огорченный и удрученный, спешился он на берегу реки Джейхун¹.

Писарь Фарид, ученик Анвари, поэт, образованный человек, тоже был среди войска и стоял рядом с султаном.

Султан сказал:

— Фарид, меня сглазили. Скажи о случившемся бадеха, чтобы спала тяжесть с моей души.

Фарид произнес это рубайи:

О шах, стал мир с твоим копьем отточен и высок,
И сорок лет подряд твой меч наказывал порок.
А в этот раз от неба сглаз, оно сломало сроки,
Всегда удачливым в делах бывает только бог.

Рубайи успокоило султана, и он щедро наградил Фарид.

* * *

Однажды ночью в Мерве выпал обильный снег. Султан Маликшах Сельджуки, проснувшись, спросил у своей возлюбленной, красивой и талантливой Махасты:

— Какая погода?

Она экспромтом сказала это рубайи:

О шах, небосвод оседлал скакуна,
Тебя он возвысил на все времена,
И сделал серебряной быструю землю,
Чтобы злато подков не пылила она.

Султан похвалил ее за это рубайи и подарил четыре шкатулки с жемчугом.

¹ Джейхун — река Амударья.

* * *

Азраки, родом из Мерва, был совершенным ученым и превосходным поэтом, получил воспитание во времена правления султана Маликшаха Сельджукида.

Однажды султан играл в нарды, и как ни хотел, чтобы выпала три-шесть, падало три-один. Это огорчило его. Азраки был тут же. Султан велел сказать ему по этому поводу бадеха.

Азраки произнес это рубайи:

Шах жаждал три и шесть, а пало три-один,
И нардовая кость права, о господин.
Когда твой светлый лик увидела шестерка,
Она упала ниц, как в пыль простолудин.

Султан щедро одарил поэта за рубайи.

* * *

Рукни Соин, из рода казия Симнон, был поэтом и ученым. Занимал должность имама во времена правления Тагоя Тимурхана. Однажды в работе он допустил ошибку. Хан велел заковать его, и в цепях он оставался несколько месяцев. Как-то Рукни Соин выбрал удобный момент, в тяжелых оковах отправился к хану и попросил помилования.

— Скажи бадеха о своем положении, чтобы я мог тебя простить, — велел хан.

Рукни Соин тут же сказал это рубайи:

Все знает светлый шах, что снилось мне во сне
И стременем золотым я бредил в тишине.
Когда ж мой тайный вздох услышало железо,
Оно, свернувшись в цепь, сковало ногу мне.

Хан велел с его ног снять оковы, пожаловал халат из тонкой парчи и отправил исполнять прежнюю должность.

* * *

Захир Фарьяби — это его тахаллус¹, настоящее же имя Захириддин Тахир сын Мухаммада Фарьяби, — был высокообразованным человеком, ученым, а в стихосложении —

¹ *Тахаллус* — псевдоним, прозвище.

учеником Рашида Самарканди. Захиру Фарьяби принадлежит повесть в стихах «Мехру вафо» («Любовь и верность»). В стихосложении он превзошел не только своего учителя, но и многих других видных поэтов. Обучался и воспитывался он во времена Кизил Арсланхана, и в честь него сочинил блестящие касьды. Этот очень известный бейт из одной из них:

Все десять кругов небосвода согласно решили, что время
Во славу Кизил Арслана покрыть поцелуями стрема.

* * *

Захир был рыжебород и красил ее. Однажды Кизил Арслан сказал ему:

— Скажи какую-нибудь бадеха о своей рыжей бороде, чтобы конец заключал в себе требуемое изящество.

Захир тут же прочитал это стихотворение:

Сказал святоша с кафедры святой,
Что в горнем мире жизни неземной
В прощенный день вину чернородых
Простят и скроют белой бородой.
А тем, кто бел за грех, — наоборот.
Господь бородку черную вернет.
Стоял рыжебородый на краю,
Забрал он в горстку бороду свою:
— Опять, — сказал он, — забыли рыжий цвет!
До нас в мирах обоих дела нет!
А огорчился рыжий оттого,
Что шах подарком обошел его.

Кизил Арслану понравились стихи, и он щедро одарил поэта.

* * *

Амир Шейх Хасан стал падишахом Багдада и Азербайджана после султана Саида Худобанда. Его супруга Дилшодхотун была высокообразованной, умной женщиной, отличалась изяществом и красотой. У Салмона Саводжи — их воспитанника — много касьд в честь Шейха Хасана и Дилшодхотун. А стал Салмон воспитанником Амир Шейх Хасана после одного случая.

Прослышав о щедрости Амир Шейх Хасана, Салмон из Сова пробирался в Багдад. Случайно в степи он повстречал Амира Шейха, выехавшего со своими приближенными на охоту. Амир

Шейх стрелял из лука, а рядом со стременем стоял очень красивый раб по имени Саодат, избранник его. Он бегал за выпущенной стрелой и приносил ее Амиру.

Салмон подошел и поздоровался. Знавшие его стали говорить Амиру о его одаренности и высокой образованности. Амир слышал о нем и читал его стихи.

— Эй, Салмон, — сказал он, — я много слышал о тебе. Теперь, не сходя с места, скажи экспромтом несколько бейтов о моей стрельбе из лука и о Саодате, бегущем за стрелой.

Салмон вынул из кармана бумагу, чернила и перо и, не сходя с места, сочинил и подал Амиру стихи.

Амир достойно оценил талант Салмона, взялся за его обучение и возвысил его.

Вот эти стихи:

С луком чочинским выступил шах из дворца,
Ты сказал бы: — Луна под созвездием Стрельца.
Как два ворона — лук тот, пронзающий мглу,
Три пера соколиных венчают стрелу,
Как два ворона лук, и трехпера стрела,
С ней сошлись, натянулась углом тетива.
На оплечье к шаху припали они,
Что там на ухо шептали они?
Но когда отпустил он струну-тетиву,
Громогласное «зех!» полетело к нему!
Шах, стрела — это счастье во власти твоей,
Саодат лишь участник в погоне за ней.
В то время никто не стонал по стране,
Если стонет лишь лук — допустимо вполне,
Что в года, когда правит великий султан,
Силой лук лишь сгибаться заставит султан.

* * *

Однажды вечером Салмон был на собрании у красивого, веселого, образованного, одаренного, щедрого и великодушного султана Увайса, отважного сына Амира Шейх Хасана и Дилшодхотун. Когда собрание кончилось, Салмон хотел пойти домой, но ночь была темная. Султан приказал дворнику взять с собрания большую свечу на золотом подносе, проводить его, а свечу оставить у него дома до наступления утра. Когда ранним утром Салмон с визитом пришел к султану, дворник потребовал у него золотой поднос, и Салмон экспромтом сказал эти два бейта:

Сошлись мы, двое горемык — свеча и я — во тьме,
Она слезой омыла лик, о смерти мнилось мне,
Свеча, пролив потоки слез, истаяла к утру,
Коль шах назад возьмет поднос, и я от слез умру.

* * *

Сын ширазского шаха Шуджа по имени Манучехр был разумен и очень хорош собой. Однажды, как обычно, он оседлал стоимостью в тридцать тысяч динаров червонного золота скаковую лошадь для игры в поло и выехал за город. Джаханмулк, супруга шаха Шуджа, мать Манучехра, которая в совершенстве разбиралась в стихосложении и других науках, вместе с шахом наблюдала за игрой сына. В самый разгар игры лошадь споткнулась, и Манучехр, упав, поранил в кровь лицо. Мир померк в глазах шаха и Джаханмулка, а также всех наблюдавших, приближенных и военачальников. Гнев охватил шаха, и он велел убить ту лошадь. Военачальники и приближенные обеспокоились и огорчились решением шаха, потому что лошадь была редкостной, не имела себе равной как в повадках, так и в быстроте. Никто подобной лошади не видел и даже о такой не слышал.

Приближенные, попав в затруднительное положение, дали знак Джаханмулку, чтобы она сказала бадеха и этим отстояла и спасла лошадь.

О шах, пора бы проучить несносный небосвод
За то, что сглазил доброту и напугал народ.
Мяч за неправильный бросок ударь своим чавганом,
А лошадь, что метнулась вбок, пускай мне в дар идет.

Шаху понравилось рубайи, и лошадь он подарил Джаханмулку.

* * *

Мавлоно Бурундук был человеком талантливым, интересным собеседником, обучался у Мирзо Байкара — сына Умаршейха бинни Амира Тимура, состязался в стихосложении с Ходжой Исматом Бухори. Говорят, этот бейт принадлежит ему:

В Бухаре поет Ходжи Исмат, всенародно славен и богат,
В Хорасане нет Ходжи Исмата, но зато живет Биби Исмат.

Говорят также, что он однажды принес Мирзо Байкару блестящую касыду, и Мирзо по-турецки сказал парвоначи:¹

— Выдайте ему беш юз олтун вознаграждения (то есть пятьсот динаров).

Парвоначи пошел, принес двести динаров и вручил мавлоно Бурундуку.

Бурундук тут же на собрании сочинил эту кыт'а и прочитал ее Мирзо:

Великий шах, непримирим к врагам,
Всегда друзьям несет благие вести.
Вот и сейчас пятьсот динаров нам
Он подарил сполна и честь по чести.
Но что-то стало с тем числом по пути:
Я вижу лишь две сотни из пяти...
Я, может, не дослышал вдалеке
Иль переводчик сплоховал на месте?
А может, на турецком языке
«Беш юз олтун» и означает «двести»?

Мирзо засмеялся и сказал:

— «Беш юз олтун» — значит тысяча динаров, — и велел выдать ему тысячу динаров наличными.

* * *

Ходжа Мансур Карабука Туси был знатоком поэзии и сочинял газели. Вот его известная газель:

Добро твоих очей — вместилище порока,
А для души моей ты есть зеница ока.
Не можешь весь народ вместить ты в свой зрачок,
Но ты — народный глаз, все видящий глубоко.
Ты сам вмещен в зрачок народа моего,
Слезую увлажнен, чтоб вырастал до срока.
Зачем меня казнишь и воскресить сулишь?
Ведь ты еще не бог для всех людей Востока!
Поэтому Мансур угас и дух свой спас
От общего суда и твоего упрека.

Он находился в услужении Мирзо Алауддавла, сына Мирзо Шахруха, и к казию Абдулвахобу Туси, очень недоброжелательному, питал чувство ненависти, таил в сердце большую обиду. Мирзо знал о неприязни между ними. Однажды казий пришел на собрание Мирзо. Мирзо, подстрекая, сказал:

¹ Парвоначи — тринадцатый по старшинству и один из высших чинов в Бухарском ханстве.

— Эй, казий, какое ты имеешь отношение к сиротскому имуществу?

— Эй, Мирзо, — ответил тот, — когда сироты раздеты — я одежда для них, когда им холодно — я солнце для них.

Мирзо обратился к Ходже Мансуру, чтобы он на эти слова казия сказал бадеха.

Ходжа тотчас произнес эту кыт'а:

«Халат сирот», — казий себя зовет,
А может, — вошь, что кровь у них сосет?
Сказал: «Я — солнце веры», нечестивец...
Да, солнце, — разящее сирот!

Мирзо очень понравилась эта кыт'а. Он выдал Ходже Мансуру из казны десять тысяч хорасанских динаров наличными.

* * *

Амир Шахи Сабзавари, настоящее имя которого Акмалик бинни Малик Джалолиддин, родом из знати Фирузкуха, получил образование и воспитание у Мирзо Байсункура бинни Мирзо Шахруха. Однажды на собрании у Мирзо Байсункура один невежда знатного происхождения сел раньше его. Это не понравилось Мирзо. Он повернулся к Амир Шахи и сказал:

— Скажи бадеха о его недостойном поведении и своем достоинстве.

Шахи тут же сказал эту кыт'а:

О мудрый шах, превратности судьбы в путях тысячелетия тревожных
Всех одиноких учат без тцеты уменью ста талантов всевозможных.
И если скромно я сажусь в ряды пониже всех достойных и ничтожных,
То значит я шучу, но твердо знаю я:
Твои собранья — море, и бесспорно
На самом дне лежат жемчужин зерна,
А сверху — мусор, пена бытия.

Экспромты вазиров и поэтов в присутствии Джами

Великие люди говорили: никогда в прошлом пост в министерстве не занимал министр более достойный, чем Низомулмулк — доверенный султана Джалолиддина Маликшаха Сельджуки. В конце концов приближенные настроили султана

против него, и Турканхотун, старейшина в гареме султана, стала обучать и подготавливать на эту должность Абулганоима Таджулмулка Фарси. И султан в угоду Турканхотун назначил его на место Низомулмулка и пожаловал ему высший чин в министерстве, а Ходжа Низомулмулк в это время был изгнан с конфискацией имущества. По пути в Багдад группа еретиков у Нахованда нанесла ему пожевые раны, от которых он и умирал. И тогда он, жалуясь на свою судьбу, экспромтом сочинил кыт'а и отослал султану. Она произвела на султана большое впечатление, он долго плакал и очень сожалел о содеянном.

Вот эта кыт'а:

Служил я сорок лет, о баловень судьбы,
Для счастья твоего, гоня с земли невзгоды.
И свой исток, и честь, и ожерелье мзды
Нес к милости твоей и трону эти годы.
Истек мой долгий срок за девяносто шесть,
У Нахованда я от ран умираю.
На давние дела завет мой сыну есть,
А сына я тебе и богу оставляю.

* * *

Ходжа Шамсиддин Мухаммад Сохибдевоп, который по способностям и дарованию уступал лишь Низомулмулку, отличался великодушием и щедростью. Трактат по логике «Шамсия» принадлежит ему. Однажды, когда он исполнял свои обязанности в правлении вазиров, один из талантливых поэтов дал ему записку, где было написано хвалебное ему рубайи. Вот оно:

Мир — океан, ладонь Ходжи подобна точке,
Но точка — центр всего, суть в каждом завиточке.
Все созданы тобой — и малый и большой,
Бог прав: дает страну владыке, а не квочке.

Ходжа взял перо и, не задумываясь, написал внизу той записки ответ на это рубайи, поставил печать и дал тому в руки:

В ответ триста овец, белей, чем яйца квочки,
На коих не найдешь единой черной точки,
Дарю из стад своих подателю письма —
И тут я тоже прав! — за эти завиточки.

* * *

Ходжу Шамсиддина Мухаммада по приказу Аргунхана казнили в Карабаге Табриза четвертого числа месяца шаъбан 683 года хиджры (1378 год современного летосчисления).

Маджди Хамгар, одаренный ученый, не имевший себе равных в то время, глава поэтов Ирака и Фарса, современник Шейха Муслихиддина Саади, советник собраний Саада бинши Занги, которому посвятил свой «Гулистон» Шейх, оплакивая Ходжу Шамсиддина Мухаммада, экспромтом сказал рубайи. Слушая его, Шейх Саади плакал и похвалил Маджди Хамгара.

Вот это рубайи:

В неутешной скорби о тебе Солнце окровавило зарю,
Лик свой оцарапала Луна, срезала Зухра косу свою.
Ночь под черным пологом вдовы, плача, утро казни перешла,
Задохнулась холодом земля, ворот свой глухой разорвала.

Последующие поэты единокорны во мнении, что ни предыдущие, ни современные поэты, оплакивая кого-нибудь, не смогли сказать рубайи более возвышеннее и трогательнее, чем это, за исключением Амира Шахи из Сабзавара, который на смерть Мирзо Байсункура сказал, словно просверлил бесценный жемчуг, следующее рубайи:

Весь мир уход оплакал твой, рыдал над высью горной,
Тюльпан кровавою слезой пылал над высью горной.
В тоске любви разорвала свой алый ворот роза,
Голубка шею, как петлей, каймой стянула черной.

* * *

Шахфур Нишапури был одаренным поэтом, учеником Захира Фарьяби, воспитанником писца Ходжи Нуриддина, бывшего независимым вазиром султана Джалолиддина Хорезмшаха. Несмотря на свою образованность, Ходжа был подвержен запоям. Когда Шахфур первый раз постучал в дверь Ходжи, он ушел ни с чем. Пять раз кряду приходил он к порогу Ходжи, но встреча не состоялась. В конце концов Ходжу известили, что Шахфур Нишапури — человек ученый, поэт известный и в Хорасане и в Ираке — вот уже пять раз приходил к его дверям, но безуспешно. Подобаает, мол, проявить к нему благосклонность, пригласить его к себе на собрание. Ходжа послал к нему человека с предложением: сложи бадеха обо мне, чтобы мы могли определить твое мастерство в стихосложении и побеседовать с тобой.

Шахфур сложил это рубайи, написал и отправил Ходже:

Твой божий дар и к зелью тяготенье, —
Как всей земли паренье и паденье, —
Сравнимы лишь с глазами луноликих,
В которых разом свет и опьяненье.

Ходже Нуриддину это рубайи очень понравилось, он призвал к себе Шахфура и занялся его воспитанием и образованием.

* * *

Саид Шарифиддин Ризои из Сабзавара — высокоодаренный поэт, родом из богатой семьи Урайзов, известных своим благородным происхождением. Предки его во времена Сарбадоров¹ были в Сабзаваре вазирами, а во времена Мирзо Шахруха принадлежали к числу высокопоставленных лиц. Однажды группа завистников наклеветала на Саида Ходже Пирахмаду Хафови, сорок лет бывшему самостоятельным вазиром Мирзо Шахруха.

Ходжа велел заковать его в тяжелые цепи и привезти из Сабзавара в Герат. Никто по-настоящему не побеспокоился о его судьбе, и некоторое время он так и оставался в цепях.

В то время в Герате жил семидесятилетний старец, отличавшийся чрезмерной холодностью отношения и непривлекательной внешностью. Звали его Мирвайс Садр. У него была привычка: солнце еще находилось в созвездии Рыбы², а он уже напяливал на голову белую войлочную новогоднюю³ шапку. В его годы да еще при такой непривлекательности шапка на его голове выглядела довольно безобразно. И он, и его шапка стали среди жителей Герата поговоркой.

Однажды Ходжа Пирахмат велел привести Саида в его тяжелых цепях на деван. Случайно на том собрании присутствовал и Мирвайс Садр. На голове у него была новогодняя шапка.

Ходжа повернулся к Саиду и сказал:

— Слышал я, что ты хорошо разбираешься в стихах и сам сочинишь их. Скажи сейчас бадеха о Мирвайсе и его новогодней шапке.

Саид тут же произнес это рубайи:

¹ Оппозиционная Сельджукидам группа, которая называла себя сарбадорамш.

² Соответствует февралю месяцу.

³ *Новый год* (Новруз) приходится на 21 марта.

Эй, Джам Асаф, ты вдалеке от бездны преисподней
Серьгой нацеплен на ушке юдоли сей господней.
Я бы цепи скинуть рад, но скован холодом Герат,
Где я в цепях, а Садр в гостях под шапкой новогодней.

Ходже очень понравилось рубайи, он приказал снять оковы с ног Саида, подарил халат из тонкой парчи, дал хорошее вознаграждение и, подписав указ, с почетом отправил обратно в Сабзавар.

О том, как поэты говорили бадеха друг другу

Фирдоуси Туси не имел себе равных, и «Шахнаме» является неоспоримым доказательством его одаренности и совершенства. Настоящее имя его Хасан сын Исхака бинни Шарафшох, родом из тусских дехкан, занимался земледелием. Рассказывают, что глава правителей Туса взрастил превосходный сад и назвал его Фирдоус (рай), и Исхак бинни Шарафшох был поставлен следить за этим садом. Вот почему его и прозвали Фирдоуси. Сборщик налогов притеснял Фирдоуси, поэтому он отправился в Газнин с жалобой. И там впоследствии при содействии Унсури попал на собрание султана Махмуда Газни. Фирдоуси довел до султана свои стихи, за которые султан обласкал его и поручил написать «Шахнаме».

...В первый день своего прибытия в Газнин Фирдоуси прогуливался по султанскому саду и искал повода, чтобы попасть на глаза султана. Вдруг он увидел группу благочестивых людей и спросил у человека, кто они такие.

— Это поэты стольного города султана, — ответил тот, — а этот господин — глава поэтов Унсури, рядом — два его ученика: Фаррухи и Асджади, и оба они образованные люди и сильны в беседах.

Фирдоуси подошел к ним и поздоровался.

Унсури ответил на приветствие и спросил:

— Кто такой? Кажется, ты чужестранец?

— Я — поэт и прибыл из Туса.

— Подойди и садись. Будем говорить бадеха и определим способности друг друга.

Фирдоуси подошел и сел рядом с Асджади.

Унсури сказал:

— Нас четверо поэтов. Сочиним экспромтом рубайи так, чтобы каждый поэт сказал одну строку.

Начал Унсури:

О, как лицо твое, не столь луна ясна,

Вторую строку продолжил Фаррухи:

Цветы розы в цветнике не так хранит весна!

Третью строку сказал Асджади:

Вот острия ресниц, — кольчуга пронзена,

И четвертую строку сочинил Фирдоуси:

Пашана с Гивом бой напомним нам она¹.

Когда Унсури услышал последнюю строку, с удивлением взглянул на своих друзей и потом сказал Фирдоуси:

— По этой строке нам ясно, что ты прекрасно осведомлен об истории правителей Аджамы.

Эту бадеху Унсури рассказал султану и повел Фирдоуси к нему на собрание.

Султан узнал о его учености и совершенстве, определил его способности в стихосложении и поручил ему начать поэтическую эпопею «Шахнаме», и Фирдоуси создал превосходное литературное произведение.

* * *

Казий Шамсиддин Табаси был высокообразованным, одаренным человеком, и когда до него дошла молва об учености и литературном таланте Садрушшаръи Бухари, он из Хорасана направился в Бухару с намерением побеседовать с ним. Прямо с дороги он пришел в его мадраса, где проходил урок, поздоровался и сел. Когда Табаси прочитал ученикам касыду, которую сочинил этой ночью, каждый из учащихся, соответственно своему дарованию, высказал о ней свое мнение и суждение.

Вот четыре бейта из той касыды:

¹ Пашан — в легенде иранских народов отец самого грозного противника иранцев Афрасьяба, царя туранцев. Гив — один из главных богатырей Ирана. «Боем Пашана с Гивом» называется упорная, кровопролитная битва иранцев и туранцев.

Вставай, есть свечи, я и ты и есть вино в бутылки,
Уже кричали петухи и всё окрест будили.
Вставай, как встала пиала на тоненькую ножку,
И сядь, как плотно сел кувшин, который мы открыли.
И пей вино, пока твою возлюбленную ночи
Днем не схватили и серпом ей кос не отхватили.
Узорный кубок осуши и выплесни осадок,
И забросай камнями мир — скопление брэнной пыли.

В это время Садрушшаръи оглянулся и внимательно посмотрел на него.

— Эй, чужестранец, ты разбираешься в стихах? — спросил он.

— Ритмичность от неритмичности могу отличить, — ответил Шамсиддин Табаси.

— А это какие стихи?

— Это рифмованные слова.

Учащиеся накинулись на Табаси, почему, мол, так говоришь, а сам не написал ни строчки лучше этих.

— Если я прочту бадеха лучше этих стихов, что вы скажете?

Ответили:

— Признаем тебя совершенным в поэзии, если же она не будет лучше — накажем тебя.

Он потребовал бумагу, перо и чернила и без раздумий написал 50 бейтов в ответ на касыду за один-два астрономических часа.

И эти четыре бейта из той касыды:

Чуть ветерок с твоих откинул щек душистых кос летучий завиток,
Ночь мускусноволося вскричала и разбудила криком восток.
Пушка увидев тайную метель,
Сгорая, в горе прынула газель.
И ночь волос, и лик полдневный твой
Слились в одно, как амбра с камфарой.
Шальное сердце приковал я сам
Цепями локонов к изогнутым бровям.

Признав талант, Садрушшаръи посадил Табаси выше всех поэтов. Он повел его к себе домой и должным образом занялся его судьбой. Некоторое время Табаси бывал на уроках устода, общался к наукам.

* * *

Однажды выпал большой снег, задувал холодный ветер. Именно в этот день у Рашида Ватвата появилось желание усладить себя беседой с Адибом Сабиром. Они питали друг к другу взаимную симпатию и часто вели чистосердечные беседы. Адиб

Собир был человеком всесторонне образованным и обладал совершенным талантом в стихосложении. Процветал он во времена султана Санджара. Родом Адиб был из Бухары, но воспитывался и обучался наукам в Хорасане. Анвари правились его стихи, Хакани признавал его и, в противоположность ему, отвергал Рашида. Когда в холод и снег Рашид добрался до дома Адиба и стукнул кольцом двери, служанка подошла и спросила:

— Кто?

— Я — Рашид. Мне Адиб нужен.

— Господина дома нет, — ответила служанка.

Тогда Рашид экспромтом сказал этот бейт:

Кто хлопнул дверью в эту бурю века,
Нет на земле несчастнее человека!

Адиб услышал его, высунул голову в дверь болохоны¹, построенной над крытым проходом в доме, и ответил экспромтом:

А я в гареме собственных страстей,
И ясно мне, кто страждет у дверей!

* * *

Салмон Саводжи и Сиродж Кумри из Казвина бывали на собраниях некоторых вельмож, на которые приходила видная знать. Здесь оба поэта состязались друг с другом, устраивали мушоира². Однажды старейшина собрания вынес решение: на известной строке: «Эй, рассветный ветерок, все это ты принес» испытать свой талант и экспромтом сказать два рубайи. Сначала бадеха сказал Салмон:

Взрастила стройный кипарис волна текучих рос,
Вошла любимая моя к себе в обитель роз.
Бутон отраду подарил — невесту сада мне открыл,
Эгей, рассветный ветерок, все это ты принес!

После него незамедлительно произнес Сиродж Кумри:

Взрастила тучка по весне колючку ливнем гроз,
А ты, колючка, довела бутон до алых слез.
Хлебнул бутон и пьян тюльпан, и во хмелю нарцисс,
Увы, рассветный ветерок, все это ты принес!

¹ Болохона — мансарда.

² Мушоира — поэтический турнир.

* * *

Насир Бухори был талантливым поэтом, вел дервишеский образ жизни и провел свои годы в странствиях.

Этот известный бейт — начало касыды — принадлежит ему:

Дервиш довольствуется малым, все что имеет, — при себе,
Его зовут бродягой шалым, а он — султан по всей земле!

Говорят, когда он совершал паломничество в Мекку, то добравшись до Багдада, увидел на берегу Даджлы Салмона, сидящего в окружении поэтов и ученых. Он подошел к ним и поздоровался. Как раз была весна, вода в Даджле поднялась и бурлила.

Салмон спросил:

— Кто ты такой?

— Я — поэт.

— Можешь ты говорить бадеха?

— Могу, — ответил Насир.

Салмон экспромтом сказал эту строку:

Бушует нынче Даджла в берегах
и, как хмельной, несется неразумно...

Насир тут же произнес:

Она в цепях и пена на губах,
не разберешь — хмельна или безумна?

Салмон и все присутствующие очень удивились.

Салмон спросил:

— Ты откуда?

— Из Бухары.

— Не Насир ли ты?

— Да, Насир.

Салмон встал, обнял его и усадил рядом с собой. Потом повел его к себе домой, и пока Насир жил в Багдаде, Салмон оказывал ему всевозможное уважение.

* * *

Мавлоно Хасаншах в свое время не имел себе равных в сочинении стихов экспромтом. Однажды он из Хиёбани Герат шел в город. Мирзо Манучехр — красивый одаренный юноша из

рода Тимура направлялся в носилках из города в Хиёбан. Встретились они у ворот Малик. Когда Мирзо увидел Хасаншаха, тут же закрыл глаза и сказал:

— Не открою глаза до тех пор, пока не скажешь бадеха.

Мавлоно тотчас произнес:

Закрыл глаза мой шах пред ницетой поэта,
Все закрываем мы глаза на это.

Мирзо засмеялся, открыл глаза и преподнес ему дорогой халат.

Глава десятая

ЛАТИФА ОБ ОСТРОУМНЫХ ЛЮДЯХ

Группа дехкан пришла к Маъмунаррашиду с жалобой на сборщика налогов и попросила правосудия.

— Среди моих сборщиков подати нет человека правдивее и справедливее его. Каждая часть его тела, с головы до ног, преисполнена справедливости и совестливости, — ответил халиф.

Остряк из тех дехкан сказал:

— Эй, халиф, раз так, каждую часть его тела разошли по областям с тем, чтобы в каждой подвластной тебе провинции восторжествовала справедливость и народ жил в довольстве.

* * *

Одного человека, обвинив в безбожии, привели к халифу.

Халиф подозвал его к себе и сказал:

— До меня дошло, что ты безбожник.

— Это неправда, — ответил человек, — я правоверный мусульманин, соблюдаю намаз и пост, благочестив и даже ночью встаю для свершения намаза.

Халиф сказал:

— Я прикажу побить тебя плеткой, чтобы признался, что ты безбожник.

— Вот чудеса! — ответил тот. — Светлейший наш пророк Мустафа сек людей мечом, чтобы обратить их в мусульманство, ты же, халиф времени и правоверный правитель, хочешь отстегать меня плеткой, чтобы обратить в безбожника.

Халиф засмеялся и простил его.

* * *

Ранним утром падишах выезжал на охоту. И первым попался ему навстречу очень некрасивый человек. Падишах принял это за плохую примету для охоты и приказал наказать его. Охота же прошла удачно, взяли большую добычу, и падишах довольный вернулся домой. Тут он вспомнил, что напрасно наказал того бедняка. Нужно, решил он, призвать его, извиниться, подарить халат и тысячу дирхамов.

— Эй, падишах, — сказал бедняк, — я не хочу ни халата, ни денег, но прошу — разреши мне сказать несколько слов.

— Говори.

— Утром первым человеком, повстречавшимся тебе, был я, и первым человеком, кого видел я — был ты. Сегодняшний весь день ты провел в веселье, я же — в горе и страданиях. Рассуди теперь по справедливости: кто из нас двоих злосчастней?

Падишах засмеялся и подарил ему парчовый халат и тысячу дирхамов.

* * *

Несколько поэтов сочинили касыды и пошли на прием к падишаху, чтобы прочесть ему их и получить вознаграждение. Один остроумный человек, он не был поэтом, пошел с ними в надежде, что, возможно, и ему перепадет от щедрот падишаха. Когда все поэты прочитали касыды и получили вознаграждение, дошла очередь и до того остряка.

Падишах сказал:

— Прочитай и ты свои стихи.

— Я не поэт, — ответил он.

— Если ты не поэт, почему с ними?

— Я из сословия говунов.

— Это еще что за люди? — спросил падишах.

— Приверженцы поэтов.

* * *

Скончался Умар Абдулазиз. Во время погребения сын его Абдулмалик увидел человека, произносившего речь и жестикулировавшего левой рукой.

Абдулмалик сказал:

— Эй, послушай, когда говоришь, не жестикулируй левой рукой.

— Я никогда не видел, чтобы сын в момент погребения самого дорогого человека мог бы отличать левую руку от правой, — изумился тот.

* * *

Острика обвинили в каком-то проступке и повели к падишаху. После установления его виновности падишах сказал:

— Продырявьте ему нос.

— Эй, повелитель правоверных, в носу у меня уже есть две дыры и нет никакой надобности в третьей.

Падишах засмеялся и простил его.

* * *

Однажды султан Махмуд Гази, разгневавшись на Талхака, хотел избить его палками и сказал рабам:

— Пойдите в сад и принесите веток аргувана¹, чтобы я мог наказать его.

Рабы побежали за ветками. Талхак же стоял на коленях, а собравшиеся — позади него.

Талхак сказал:

— Чтоб вы не были без дела, бейте меня по шее рукой, пока принесут палки.

Султан засмеялся и простил его.

¹ Аргуван — иудино дерево.

* * *

Однажды Талхак сильно провинился. Султан приговорил его к смертной казни и сказал:

— До казни все бейте его по шее.

Палач же, пока били Талхака, с обнаженной саблей кружил вокруг него. Талхак же дрожал от страха.

Один из советников собрания сказал:

— Эй, трус, будь же мужественным. Что это за малодушие? Люди один раз приходят и один раз уходят.

— Если ты мужественный и тебе не знакомо малодушие, подойди сюда и сядь на мое место.

Султан засмеялся и простил его.

* * *

Однажды в жаркий летний день султана одолел рой мух.

— Интересно, есть ли такое место, где не было бы мух? —

Талхак ответил:

— Где есть люди — там будут и мухи; где нет людей — там мух не будет.

— А может, все же есть такое место, куда нога человека не ступала, а мухи там есть?

— Это невозможно, — ответил Талхак.

— А что скажешь, если такое место все же найдется? — спросил султан.

— Я жертвую тогда головой. Но если я выиграю в споре, что прикажет султан?

— Подарю десять тысяч динаров.

На этом и сошлись. Султан с группой своих приближенных покинул город и направился в степь. Они проехали несколько фарсангов¹ по бездорожью и достигли такого места, куда до них не ступала нога человека. Султан натянул поводья и остановился. Рядом выстроилась его свита. Вдруг появились мухи.

Султан сказал Талхаку:

— Вот и мухи! Хотя это и есть то место, куда человек еще не добирался.

— Если вы не человек, то я себя все же за такового считаю, — ответил Талхак.

Султан засмеялся и велел вручить Талхаку десять тысяч динаров.

¹ Фарсанг — мера длины, примерно 7—8 км.

* * *

Талхаку аллах дал ребенка.

Султан спросил:

— Девочка у тебя или мальчик?

— Кто может быть у бедняка кроме мальчика или девочки? — ответил Талхак.

Султан спросил:

— Эй, мужик, у неимущих может быть или мальчик или девочка. А кто может быть у богатых?

— Злюка, сутяга, тиран, разоритель.

* * *

Остряк Абулайна из Багдада и остряк ибн Мукаррам из Египта на собрании одного из правителей о чем-то перешептывались.

— Какую еще ложь вы там придумываете?

— Тебя восхваляем.

* * *

Ходжи Махмуд Шахоб был вазиром эмира Тимура. После смерти эмира он решил отремонтировать старую, развалившуюся квартальную мечеть. Он привел нескольких поденщиков и начал рушить рассыпающуюся стену. Проходил мимо того квартала остряк, увидел столб пыли, спросил, что здесь делают?

Ответили, что Ходжа Махмуд разрушает стену мечети.

— Пока жив был эмир, он разорял дома мусульман, теперь же, когда эмир умер, разрушает божий дом.

* * *

Однажды поэт Бинои пришел во дворец Амира Алишера. Амир спросил:

— Кто там?

— Бинои.

— Добро пожаловать. Я как раз хотел видеть человека, с которым мог бы немного пошутить, — сказал Алишер.

Бинои ответил:

— А ведь я тоже за этим пришел.

Остроумные рассказы о благородных, ученых, казнях, придворных и господах

Остряк услышал от ученого, что каждому, кто накануне начала поста будет соблюдать пост, простятся грехи за целый год. Остряк стал поститься. Был жаркий летний день. Когда настал полдень, его стали одолевать голод и жажда. Разговелся, покушал и выпил вина. Его упрекнули, что он не держал пост до конца дня.

Он ответил:

— Целый день поста снимает грехи, совершенные за год. Я же держал пост полдня. Для меня искупление грехов за полгода достаточно.

* * *

Один казий решил состязаться с острословом.

— Я задам тебе вопрос, — сказал он, — ты должен дать мне справедливый ответ.

— Что знаю, скажу, чего не знаю — воспользуюсь ученостью высокочтимого казия.

Казий сказал:

— С крыши на крышу перепрыгивала собака. Вдруг она испортила воздух. Хозяину какой крыши это принадлежит?

— Хозяину ближней.

— Обе на одном расстоянии.

— Тогда половина хозяину одного дома, и половина — другого.

— Если хозяева обеих домов отсутствуют?

— Тогда это ничейное имущество, а ничейное всегда принадлежит казию.

* * *

Некий повел Джухи к казию и предъявил ему иск на десять дирхамов.

Казий потребовал у истца свидетелей.

— У меня нет свидетелей, — сказал он.

— Тогда поклянись, — потребовал казий у Джухи.

— Как можно верить его клятвам? — возмутился истец.

Клянясь, он каждый миг тысячекратно жлет.
Так бедуин в песках грозитя и орет.

Тогда Джухи сказал:

— Эй, казий правоверных мусульман, в этом городе нет человека более надежного и благочестивого, чем ты. Так как он не принимает моей клятвы, то поклянись за меня ты, чтобы он, наконец, успокоился.

* * *

Некий пришел к казию с жалобой. Казий потребовал свидетелей. Истец в качестве свидетеля привел шутника.

Казий спросил:

— Ты знаком с этим делом?

— Настолько, что толком объяснить не смогу.

— А Коран ты знаешь?

— На десять ладов.

— Когда-нибудь ты обмывал покойника?

— Это профессия моих предков.

— Когда обмываешь покойника, заворачиваешь его в саван и кладешь на табут — погребальные носилки,— что ты говоришь?

— Радуйся, что ты умер и спас свою душу, — говорю я,— тебе не нужно являться к казию и давать свидетельские показания.

* * *

Христианин принял мусульманство. Блюстителю предписаний шариата сказал:

— Ты теперь такой, словно только что родился на свет.

По истечении шести месяцев жители квартала привели его к блюстителю предписаний шариата и пожаловались, что этот обращенный в мусульманство не совершает намаза.

— Почему ленишься вставать на намаз? — спросил блюститель.

— Не ленюсь. Когда я принял мусульманство, ты сказал, что я только что родился на свет. С того дня прошло не более шести месяцев. Никогда до сих пор шестимесячному человеку не предлагали свершать намаз.

* * *

Остряк подошел к двери мечети. Читали намаз. Он вошел и стал подражать кори¹. Кори провел намаз очень недобросовестно. Остряк поздоровался и спросил его:

¹ Кори — чтец Корана.

— Эй, кори, что ты читал? Как бы я ни торопился, читая молитву, я не поспевал за тобой.

* * *

Мавлоно Хират Муарриф считался в Герате человеком остроумным, и в этом не имел себе равных. Однажды весной он с друзьями выехал в поле. Они увидели погонщика, который пас своих верблюдов и среди них был осел с отрезанными ушами и хвостом.

Друзья сказали мавлоно:

— Поговори с этим погонщиком.

— Эй, человек, — сказал мавлоно, — очень забавен твой осел с обрезанными ушами и хвостом. Почему обрезали ему уши?

— Потому, что он хотел многое знать.

Мавлоно был очень смущен.

Остроумные рассказы о разных людях

Абулайну — арабскому остряку — некий знатный человек, который кичился своим остроумием, сказал:

— Мы всегда потешаемся над твоими попытками быть остроумным.

Абулайна ответил:

— Если бы ты не сказал этого сейчас, я не знал бы, насколько ты глуп.

* * *

Остряк состарился и без посоха и помощника не мог ходить. Юноша, желая показать свое остроумие, сказал:

— Ты дожил до таких лет, что стал помехой для жизни и несчастьем для людей.

— Надеюсь, — ответил старик, — ты не доживешь до таких лет, не станешь обузой и несчастьем для народа.

* * *

Остроумец облачился в новый халат и сапоги. Дошел до большого канала, мост через который был сломан. Он очень спешил, поэтому ему некогда было снимать халат и сапоги.

В это время подошел к каналу другой остряк. Первый сказал подошедшему:

— Я очень спешу, и если ты взвалишь меня на спину и перенесешь через канал, я буду тебе благодарен.

Тот согласился, подоткнул подол, взвалил его себе на спину и вошел в воду. Остроумец, когда устроился на спине, начал читать молитву о едущих верхом.

Тащивший его ничего не сказал, пока не дошел до середины канала. Затем опустился на колени и стал читать молитву о благополучном прибытии на место.

Халат и сапоги первого остроумца оказались в воде.

* * *

Остряк пришел в гости к остроумцу и оставался у него три дня и три ночи. Хозяину гость надоел, и он сказал жене:

— До каких пор будет здесь этот наглец?

— Я выясню, — ответила она, пошла к гостю и сказала:

— Послушай, дорогой, по воле всемогущего аллаха ты три дня и три ночи был нашим гостем. Завтра аллах даст тебе пищу в другом месте. Тем более, что муж мой обижает меня. Поговорил бы ты с ним, усовестил.

В это время вошел муж.

Гость сказал:

— Послушай, почтенный, всемилостивый аллах предопределил мне сорок дней быть вашим гостем и благодетельствовал меня вашим хлебом. Не обижай жену, угождай ей.

Остроумные рассказы о богачах и скупцах

Один богатый человек строил себе гробницу. Работали целый год, пока закончили. Хозяин спросил строившего гробницу мастера, остроумного человека, что еще будет в этом здании.

— Будете вы, почтенный.

* * *

Однажды богач из Кухистана¹ привел к себе мавлоно и стал

¹ Кухистан — горная страна.

потчевать всякими кушаньями. Поставил перед мавлоно также гипо¹ и завел о нем речь.

— Это гипо готовил я сам и очень старался. Кушайте, пожалуйста.

Запах блюда вызвал у мавлоно отвращение, и он не стал есть.

Хозяин спросил:

— Мавлоно, почему вы не кушаете? Разве я плохо начинил?

— Начинил-то ты хорошо, но плохо вычистил.

* * *

Несколько остряков пошли к скупцу, желая вытянуть у него что-нибудь. Скупец проведал об этом и сказал слуге:

— Выйди к ним и скажи, что твой хозяин вчера ночью скончался.

Слуга вышел и сообщил им это.

Остряки ответили:

— Твой хозяин был нашим благодетелем, и мы многим обязаны ему. Мы подождем, когда его вынесут, прочитаем над ним молитву и предадим земле.

* * *

Остряк увидел в доме скупца жареную курицу и сказал:

— Видимо, существование этой курицы после того, как ее зарезали, намного будет дольше, чем при жизни.

* * *

Остряк пришел в гости к скупцу. Скупец сказал служанке:

— Принеси гостю медовую полуду².

— В доме нет ни меда, ни муки, ни масла, — ответила служанка.

— Если это нельзя исполнить, расстели халат из тонкой парчи, чтобы гость в свое удовольствие наслаждался сном.

Остряк сказал:

— Послушай, уважаемый, если бы между этим тонкотканым

¹ Гипо — кушанье, приготавливаемое из бараньего желудка, начиненного рубленным мясом, рисом, луком и морковью.

² Полуда — сок, желе.

халатом и полудой оказался кусочек сухого хлеба, он бы меня устроил больше, чем парчовый халат и полуда.

* * *

Однажды брадобрей брил голову одному господину. Случайно рука его дрогнула, и он порезал тому кожу.

Господин поднял крик:

— Эй, ты отрезал мне голову!

— Молчи, — ответил брадобрей, — человек с отрезанной головой не должен разговаривать.

* * *

Машид из Шираза славился остроумием. Занимался он приготовлением жаркого. Однажды он на сырых дровах поджарил тощего козла. Мясо не прожарилось, и никто его не желал. Тогда он пошел к старосте обмывальщиков покойников и сказал:

— Эй, самый старший и самый лучший в мире из обмывальщиков покойников, я — человек бедный, и у меня никого нет. Я уже стар и боюсь, что умру и никто обо мне не позаботится, и, не обмыв, предадут меня земле. Вот я зажарил жирную козу и принес тебе, покушай со своей семьей. Когда же я умру, во имя аллаха, обмоешь меня.

— Благодарю, — сказал староста. Он взял жареного козла и скушал его с домочадцами.

Прошла неделя после этого. Машид облачился в дорожную одежду, обулся, подошел к дому старосты и постучал в дверь. Староста открыл дверь, сказал «добро пожаловать» и спросил, чем он может услужить.

Машид сказал:

— Направляюсь в Димишк (Дамаск). Там скончался мой родственник. Он оставил большое состояние и кроме меня у него нет наследников. Поэтому мне необходимо туда поехать. Мои попутчики уже связали поклажу и ждут меня. Собирайся скорее и пойдем. Я хочу, чтобы ты поехал со мной, ибо не знаю, в какой стороне я умру. Будь всюду со мной, чтобы, где бы я ни умер, обмыть меня.

Староста был ошеломлен и не знал, что сказать. Они начали спорить, а затем поссорились. Люди стали их успокаивать. С большим трудом удалось старосте, заплатив в двойном размере за жареное мясо, избавиться от Машида.

Рассказы о лентяях, остроумцах, невеждах и простаках

Некий мудрец сказал:

— Если лентяй знает, что он — лентяй, то он уже не лентяй, так как, чтобы уяснить себе это, он должен потрудиться.

* * *

Себялюбец пришел на многолюдное собрание. Было очень тесно, но, приложив, немало усилий, он все же втиснулся и уселся между двумя присутствующими. Затем он обратился к сидевшему справа с извинением, что стеснил его.

— По сравнению с тем, как ты неприветлив и стесняешь нас у себя дома, это ничего не значит, — ответил тот.

* * *

Однажды остряк писал другу письмо и хотел сообщить ему кое-что сокровенное. Рядом сидел любопытный и заглядывал в письмо. Остряк тогда написал:

«Если бы со мной рядом не сидел некий любопытный ублиодок и не заглядывал в письмо, я написал бы тебе много сокровенного».

Любопытный возмутился:

— Когда это я заглядывал в твое письмо?

— Если не смотрел, откуда узнал, что я недоволен тобой?

* * *

Несколько назойливых людей пришли проведать заболевшего — всеми уважаемого человека. Они очень долго оставались у его постели, чем порядком надоели больному. Когда собрались уходить, попросили его:

— Завещайте нам что-нибудь.

— Я вам завещаю, — сказал он, — когда пойдете проведать больного, старайтесь поскорее уйти, не мучайте его своим присутствием.

* * *

Назойливый человек пришел к одру больного и долго оставался у него. Затем, ради вежливости, спросил:

— Чего ты хочешь? Не скрывай своего желания.

— Я хочу умереть и избавиться от твоего присутствия.

* * *

Навязчивый человек сидел у постели больного и под конец спросил:

— Что тебя беспокоит?

— Твое присутствие, других беспокойств нет.

Назойливый человек пришел к больному и спросил:

— Чем ты болеешь?

— У меня душие, ненормальное сердцебиение.

— Ради аллаха, не медли, сделай завещание. Мои отец и брат скончались от этой болезни. Думаю, что и тебе не выкарабкаться из нее, — попросил пришедший, чрезмерно волнуясь.

Больной позвал к себе детей и сказал:

— Я завещаю вам никогда ко мне не пускать этого навязчивого человека.

* * *

Благочестивый больной был при смерти. Пришел к нему навязчивый человек, имевший большой недостаток — изо рта его дурно пахло. Он уселся у постели и каждый раз, чтобы сказать что-нибудь, наклонялся к больному и обдавал его отвратным своим дыханием. Этот запах изводил больного, он отворачивал лицо. Наконец терпение его лопнуло и он сказал:

— Послушай, дорогой, оставишь ты, наконец, меня, чтобы я довольный и непоганный мог покинуть сей мир, или ты хочешь украсить мою смерть тем, неприятнее и мерзостнее чего нет ничего на свете?

* * *

Замахшари в «Рабь-ул-аброр» говорит, что Хусейн бинни Вахоб и Абулайна поспорили на десять чашек снега.

Абулайна вышел с собрания и сколько ни ходил по базару,

снега не нашел, но к друзьям не хотел возвращаться с пустыми руками. Он растерялся и не знал, что делать. Вдруг Абулайну нагнал Бакр бинни Итоб, известный своей неприветливостью, назойливостью и дерзостью. Абулайна, увидев его, обрадовался и сказал:

— Как хорошо, Итоб, что ты встретился мне. Я искал тебя.

Потом повел его к бинни Вахобу, вошел в дом первым и сказал:

— Ты хотел десять чашек снега, я же принес сто.

Затем позвал Бахра. Как только Хусейн увидел его, сказал Абулайне:

— Да смилостивится над тобой аллах, ты принес больше, чем сто.

* * *

Бессовестный, навязчивый шейх с группой бесстыдных мюридов пошел к одному добропорядочному человеку и сказал:

— Вчера ночью я видел во сне твоего отца. Он хотел харису.

Хозяин сварил для шейха харису.

На следующей неделе он явился опять. Видел, сказал он, во сне твоего отца. Он хотел рису. Хозяин сварил рису и дал шейху и его мюридам. На следующую неделю он опять пришел: видел во сне отца твоего, он хотел вареного мяса. Хозяин приготовил кушанье и подал ему. Прошла неделя. Шейх явился опять и сказал, что видел во сне отца. Он хотел жареного барашка и халвы.

Хозяин ответил:

— Вернись туда и скажи отцу, пусть встает и идет сюда. Все, что у меня есть, много ли, мало ли, будет кушать со мной вместе. И пусть избавит меня от этих посланцев и вестников, которые разоряют мой дом.

Остроумные рассказы о некрасивых людях

Очень некрасивый человек в молитве просил:

— О, аллах, удостой меня места в раю и защити от пламени ада.

Это услышал остряк и сказал:

— Послушай, с таким лицом ты еще и пренебрегаешь адом? Надо же! Он оберегает и жалеет свое безобразное лицо от адского пламени!

* * *

Один некрасивый человек вырвал несколько волосинок из бороды остряка. Тот ничего на это не сказал. Тогда человек недовольно сказал остроумцу:

— Ты почему отрекся от сунната¹ и не прочитал молитву о моем благополучии?

— Молитва, которую полагается читать в таких случаях, вот эта: «Пусть отвернет всемогущий аллах от тебя безобразное лицо». Я испугался, что если прочитаю эту молитву, то всевышний отвернет от тебя твое лицо и отдалит его от тебя. А человек без лица — это же позор. Следовательно, эта молитва была бы для тебя проклятием. Поэтому и не сотворил я молитву.

* * *

Джаммоз — советник Мутаваккила — несколько дней не видел одного из постоянных прислужников Мутаваккила, с которым был в близких отношениях и который был очень некрасив собой. Когда он появился, Джаммоз спросил, где он был это время, почему его не было видно?

— Вот уже несколько дней, как на самом отвратном месте выскочил чирей, поэтому я не бывал на приемах, — ответил тот.

Джаммоз взглянул на его лицо и сказал:

— Но на твоём лице, являющемся самым твоим безобразным местом, я не вижу никаких следов чирья.

Остроумные рассказы о бедуинах

Остряк и бедуин оказались попутчиками. Остряк и спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Матар, то есть дождь.

— Кто твой отец?

— Абулгайс, то есть отец дождя.

— Как зовут твоего отца?

— Фурат.

— А кто его отец?

— Абулфайс, то есть отец проточной воды.

¹ Суннат — правила и предписания, служащие руководством для мусульман-суннитов.

- А как зовут мать?
- Сахоб, то есть туча.
- Кто ее мать?
- Умулбахр, мать рек.
- Ради бога, повремени немного, — сказал остряк. — Я разыщу лодку, иначе утону, сопровождаемый тобой.

* * *

Остряк и бедуин оказались попутчиками. Остряк спросил бедуина:

- Как тебя зовут?
- Борид, то есть холод.
- Кто твой отец?
- Абуджам, то есть отец холода.
- Как зовут его отца?
- Абулсалдж, то есть отец снега.
- А как зовут мать?
- Замхарир, то есть стужа.
- Кто ее мать?
- Уммушшита, то есть мать зимы.
- Твое ремесло?
- Продавец льда.
- Куда направляешься?
- За снегом.
- Ради аллаха, — сказал остряк, — подожди минутку. Я найду шубу, а то я весь оцепенею от холода.

Рассказы об остряках и прочих

Остряк пришел в гости к дервишу. Потолок его дома был покрыт такими тонкими жердочками, что наружное покрытие было для них очень тяжелым и жерди все время скрипели.

Гость сказал:

— Эй, дервиш, уведи меня из этого дома в другое место, ибо я боюсь, что обрушится потолок.

— Не бойся. Звуки, что ты слышишь, — это прославление и восхваление жердей аллаху.

— А вдруг от усердного прославления и восхваления они придут в иступление, все разом начнут петь, плясать и бить поклоны?

Чревоугодник заглянул в сад и увидел пожирающего виноград медведя. Он тоже принялся есть. Вдруг появился хозяин сада и увидел, как медведь и человек поедают виноград, схватил палку и огрел ею чревоугодника.

Тот завопил:

— Слушай, почтенный, если поводом для трепки является то, что я кушал твой виноград, то ведь медведь больше наносит тебе вреда, чем я. Почему же ему ты не запрещаешь?

А хозяин сада был остроумным человеком. Он ответил:

— Потому, что он наестся и уйдет, ты же, помимо того, что накушаешься досыта, еще и унесешь с собой.

Хитрец достиг селения области Гур и увидел, что с севера доступ ветра в деревню закрывает высокая гора.

Он сказал жителям:

— Что вы скажете, если я уберу ту гору и открою доступ благоприятным ветрам в ваше селение?

— О, какое благодеяние ты сотворишь для нас. Ведь большей частью из-за плохого воздуха мы страдаем от лихорадки и чумы.

— Ну что ж, я помогу вам, но с условием: целый год я буду вашим гостем. Вы беспрекословно будете обеспечивать меня едой и фруктами, какие я захочу, а когда я уберу прочь эту гору, дадите мне тысячу динаров на дорожные расходы.

— Будем благодарны тебе, — ответили жители.

В течение года селение содержало его. А затем жители пришли к хитрецу и потребовали, чтобы он выполнил обещание.

— Пройдите по домам и соберите веревки, бечевки, любой длины, от одного газа¹ до ста, и принесите мне, — сказал он.

Принесли ему целую кучу всяких веревок.

— Свяжите их, — велел он.

Связали.

— А теперь этой веревкой обвяжите гору.

Обвязали.

Хитрец взял концы веревки в руки, взглянул на гору и сказал:

— Пусть соберутся сюда все жители селения от мала до велика.

Жители собрались.

¹ Газ — мера длины, равная примерно одному метру.

— А теперь заберитесь под гору, разом поднимите и взвалите мне на спину. Я унесу ее и свалю в пропасть.

— Ты что, с ума сошел? — сказали ему. — Мы не можем ее поднять и взвалить тебе на спину.

— Сумасшедшие вы. Здесь вас около трех тысяч, и вы не можете поднять эту гору. Как же вы можете требовать, чтобы ее поднял я один?

* * *

На одном собрании певец с неприятным, загробным голосом повторял одну и ту же строку: «Что бы влюбленный ни сделал, не осуждайте его». Он всем надоел.

На том собрании присутствовал остроумный шутник. Он встал, распустил завязки штанов и с головы до ног обмочил певца. Тот поднял шум.

Остряк сказал:

— Не осуждай меня за это. Я с тобой поступил так, как ты советовал. Ты без конца повторял: «Что бы влюбленный ни сделал, не осуждайте его». Клянусь честью, я влюблен в соседскую дочь. Поэтому не осуждай меня и прости.

* * *

Жил некий остроумный насмешник. И скопилось за ним много долгов. Собрались все заимодавцы и затеяли с ним тяжбу. Он не знал, как ему быть. Один из заимодавцев сжалился над ним и потихоньку сказал:

— Если я тебя научу хитрости и все заимодавцы оставят тебя в покое, что ты на это скажешь?

— Все, что велишь, выполню неукоснительно, — ответил он.

— Дай слово, что вернешь мой долг.

Тот дал слово.

— Когда придут к тебе заимодавцы и потребуют свое золото, ты залай на них собакой. Постарайся придерживаться этого и не проявляй других склонностей.

Насмешник согласился. Когда на следующий день явились заимодавцы, он стал тявкать на каждого подходившего к нему и требовавшего свое золото. Сколько его ни корили, кроме лая ничего не услышали. В конце концов заимодавцы сказали друг другу:

— Разорение повредило его ум, и теперь от него ничего не добьешься.

Они ушли. А тот заимодавец, обучивший его этой хитрости, сказал:

— Вот и оставили тебя в покое твои заимодавцы. А теперь исполни свое обещание и верни мне мое золото.

Ответом был лай.

— Постыдись, — сказал заимодавец, — в мошенничестве со мной ты применяешь мою же хитрость. Перестань шутить и верни мне мое золото.

В ответ он услышал лишь лай. Сколько ни убеждал, ни увещевал тот человек, кроме лая ничего не услышал. Потеряв всякую надежду, он повернулся и ушел.

* * *

Джухи, подойдя к берегу Даджла, увидел нескольких слепцов.

— Что случилось? Почему вы здесь собрались? — спросил Джухи.

— Да вот хотим перебраться через реку, — ответили слепцы.

— Если я переведу вас, чем вознаградите меня?

— Получишь десять орехов с каждого, — ответили они.

— Возьмитесь за пояс друг друга, и я благополучно переведу вас через брод.

Джухи взял первого за руку и вошел в воду. Когда дошли до быстрого течения, одного слепого унесла вода.

— Эй, проводник! — раздался крик, — одного из нас унесло течением!

— Вот жалость, пропали мои десять орехов.

В тот момент водой унесло еще одного. Слепцы закричали, что уже второго унесло течением.

— Увы! Пропали двадцать моих орехов, — пожалел Джухи.

Вдруг еще одного сбilo течением. Опять поднялся крик.

Джухи же сказал:

— Как жаль, пропали тридцать моих орехов.

— Эй, ты, сумасшедший, — возмутились слепцы, — что это ты говоришь и что за брод выбрал? Ты повел нас таким путем, что можешь всех утопить!

— Вам-то что, — ответил Джухи, — ведь потери-то терплю я. С каждым из вас из моих рук уплывают по десять орехов. Несмотря на это, я молчу. Так почему кричите вы?

* * *

Аскет как-то на собрании говорил:

— Как вы думаете, месяц рамазан прошел благополучно или нет?

Остряк сказал:

— Прошел благополучно.

— Почему ты так решил?

— Потому, что если бы он прошел неблагополучно, то следующий год не наступил бы.

* * *

Ширазец в гева¹ совершал намаз. Тут же прятался вор. Он хотел украсть его обувь. Вор поздоровался и сказал:

— Слушай, совершать намаз в обуви не дозволено. Считай, что намаз ты не сотворил.

— Пусть намаз не сотворил, зато обувь сохранил.

* * *

Люди вышли помолиться аллаху, чтобы он послал дождь, и захватили с собой всех учащих в школе детей.

— Куда вы ведете этих ребят? — спросил остряк.

— Ведем помолиться всевышнему. Они безгрешны, а молитва безгрешных скорее доходит до создателя.

— Если бы их молитвы доходили до создателя, — сказал остряк, — то ни одного содержателя школы не осталось бы на земле.

* * *

Табиб увидел остряка, поедающего два жирных несовместимых блюда.

— Эти два блюда не совмещаются друг с другом, — сказал табиб.

На следующий день он услышал, что остряк заболел, пошел к нему и сказал:

— Разве не говорил я тебе, что эти два блюда несовместимы?

— На этот раз они совместились и, в союзе, вывели меня из строя.

¹ Гева — род обуви.

* * *

Казвинец шел из Басры.

Его спросили:

— Откуда ты идешь?

— Из жарких мест.

— Чем ты там занимался?

— Потел и изнывал от жары.

* * *

Приснился одному простаку сон:

— Видел я сон, — рассказывал он, — половина была правдой, половина — нет. Приснилось, что у меня полная сумка золота и куда-то я ее несу. От тяжести страшно болело плечо. А когда проснулся, сумки с золотом не оказалось, но зато по-прежнему ныло плечо.

* * *

Один остряк разорился.

Его спросили:

— Осталось ли у тебя что-нибудь?

Ответил:

— Я совсем разорен, но у моей жены кое-что осталось.

— Что и сколько?

— Десять тысяч динаров и пять хирваров шелка, которые я должен в качестве махра.

* * *

Человек, у которого были очень длинные уши, все время внушал своему слуге:

— Я слышал от мудрецов, что длинные уши считаются признаком долголетия. Так как у меня длинные уши, то и жить я буду долго.

Но вдруг его оклеветали, и он был приговорен к смертной казни. Подвели его к виселице. Слуга же, обливаясь слезами, причитал:

— Эй, хозяин, ты все твердил, что жить будешь долго, потому что длинные уши — признак долголетия. Вот и пришел твой смертный час.

— Слушай, мой верный слуга, — сказал хозяин, — я говорил, что длинные уши — признак долголетия, если человеку позволят умереть своей смертью. Ничего не поделаешь, видишь, не дают мне умереть своей смертью.

Правитель услышал этот разговор и простил наказуемого.

* * *

Ширазец и шервинец, оба состоятельные, и разорившийся казвинец отправились в паломничество в Мекку. Когда добрались до Мекки, ширазец сказал:

— В знак благодарности за такое счастье я освобождаю Муборак.

Шервинец сказал:

— В знак признательности за эту благодать я дарую свободу Гулшакар.

Казвинец же сказал:

— У меня нет рабынь, чтобы мог дать им свободу. В знак благодарности за такое чудо я расторгаю брак с матерью моих детей и освобождаю ее от моих оков.

* * *

Акил — один из арабских остроумцев. У него спросили:

— Что удивительнее всего на свете?

— То, — ответил он, — что гром — это ангел меньше мухи, но больше осы.

— Ты, видимо, хочешь сказать, что меньше осы, но больше мухи?

— Если так, то здесь ничего удивительного нет, — ответил он.

* * *

Один философ прогуливался по степи и увидел лучника-новичка, который стрелял по мишени. Ни одна из стрел даже близко к мишени не упала. Философ испугался, что случайная стрела может попасть в него, уселся рядом с мишенью и сказал:

— Не вижу места более безопасного для жизни, чем это, рядом с мишенью, ибо знаю наверняка, что стрела никогда не попадет в нее.

* * *

Философ покался в своих грехах и тут же обрил бороду.

— Почему ты это сделал? — спросили его.

— Потому, — ответил он, — что она произрастала на почве греха.

* * *

Джухи, избивая палкой, вел домой упирающегося осла.

— Все животные, направляясь к своему дому, ускоряют шаг, — сказали ему. — Почему же твой осел, напротив, не хочет идти домой?

— Потому он не идет, что знает — в этом доме ничего нет: ни воды, ни мякины, ни овса, ни надлежащего ухода. Он знает, как плохо там, куда он возвращается, и знает, где это место.

* * *

Джухи заявил:

— Я и моя мать — известные астрологи, и в своих предсказаниях не ошибаемся.

— Это серьезное притязание. Чем ты это докажешь?

— Когда набегает туча, — ответил Джухи, — я говорю: «будет дождь», а мать — «нет, не будет». И обязательно случается или то, что я говорил, или то, что сказала мать.

* * *

Спросили Джухи:

— Когда-нибудь в каком-либо деле ради своего племени был ты первым?

Ответил:

— Я всегда впереди жителей нашего квартала, когда выходим из мечети, потому что я всегда позади всех, когда входим туда.

* * *

Шутник пошел к толкователю снов и сказал:

— Странный сон я видел сегодня ночью.

— Пусть будет к добру, — ответил толкователь. — Ну, говори, что же ты видел?

— Я из верблюжьего помета готовил пищу.

Толкователь сказал:

— Дай один дирхам, и я объясню твой сон.

— Если бы у меня был дирхам, — ответил тот, — я бы купил баклажаны и не готовил еду из верблюжьего помета.

* * *

Некий шутник все время насмешничал на собраниях. Аскет ему сказал:

— Всю свою жизнь ты провел в шутках и насмешках. Смотри, как бы в день страшного суда тебя не низвергли в преисподнюю.

— Это будет еще одной шуткой, — ответил тот.

Остроумные латифа о женщинах

Остряк женился на злосчастной женщине, которая похоронила уже пятерых мужей. Вдруг остряк тяжело заболел. Когда он умирал, жена причитала у его постели:

— О, муж мой, покидая сей мир, на кого ты меня оставляешь?

— На седьмого мужа.

* * *

Жена многолетнего дервиша собралась к соседям. Их постигла беда.

Дервиш спросил:

— Куда ты идешь?

— К соседям выразить соболезнование.

— А что ты оставила детям покушать?

— В доме у нас нет ни муки, ни соли, ни дров. Что я могла оставить им?

— Так беда у нас в доме, нам нужно выражать соболезнование. Куда же ты идешь?

* * *

Остряк женился. Когда он провел ночь и настало утро, друзья спросили его, как дела и с чем схожа жена?

— С поблекшим нарциссом: белоголова, бледнолица, а стебель тонок и желт.

* * *

Остряк женился на очень некрасивой женщине. Жена сказала:

— У тебя очень много братьев и родственников. Скажи, к кому мне можно выходить и перед кем открывать лицо?

— Не выходи ко мне и не открывай лицо передо мной. Ко всем остальным можешь выходить и открывать лицо.

* * *

Заболела некрасивая сварливая женщина.

— Если я умру, — сказала она мужу, — как ты без меня будешь жить?

— А если не умрешь — как буду жить?

* * *

Женщина, желая быть остроумной, сказала путешественнику:

— Ты обошел весь мир, видел многие страны. Какую пользу ты из этого извлек, чему научился?

— Я твердо решил до смерти не влюбляться в женщину. И вот почему. Однажды в области Хито я побывал в мастерской художника. На стенах его дома я увидел три мастерски выполненные картины. Лучше этих картин я нигде и никогда не видел. На первой был нарисован мужчина с поникшей головой, углубленный в размышления. На второй был нарисован мужчина, одной рукой рвавший себе бороду, а другой камнем бивший себя в грудь. На третьей был нарисован танцующий мужчина, всем видом выражающий радость и ликование. Под каждой картиной четким почерком была выведена надпись. Под первой картиной, где он сидел в глубоком размышлении, было написано, что это портрет мужчины, задумавшегося над тем, жениться ему или нет? Под второй, где он рвал бороду и камнем бил себя в грудь, было написано, что это портрет женившегося мужчины и раскаивающегося в этом. Под третьей картиной, где он танцевал и радовался, было написано, что это портрет мужчины, расторгнувшего брак с женой и избавившегося от несчастья.

* * *

У известного богослова была мудрая жена. Однажды богослов увидел жену, взбирающуюся по лестнице. Когда она добралась до середины, он сказал:

— Если поднимешься выше — развод, спустишься вниз — развод, останешься на месте — тоже развод.

Женщина тут же прыгнула с лестницы вниз.

Богослов похвалил ее и сказал:

— Если меня не будет, ты сама сможешь отвечать на вопросы по установлению шариата.

* * *

Хусрав Парвиз сказал Ширин, своей возлюбленной супруге:

— Царствование приятное дело, но если бы оно еще было и постоянным.

— Если бы оно было постоянным, тебе бы не досталось, — ответила Ширин.

* * *

Один из великих арабов, славившийся своим безобразным лицом, имел очень красивую и покладистую жену.

Однажды жена ему сказала:

— Я знаю наверняка, что мы оба удостоимся рая.

— Почему ты так говоришь?

— Потому, что ты все время любишь мою красоту и благодарен за это. Я же все время вижу твое безобразное лицо и терплю. А терпеливые и признательные достойны рая.

* * *

Мужчина с огромным носом сватался к женщине и, хвастаясь, говорил:

— Я — человек терпеливый, выдержанный.

Женщина ответила:

— Ты прав. Если бы ты не был терпеливым и выдержанным, не мог бы сорок лет таскать такой нос.

* * *

Горбатую старуху спросили:

— Что бы ты хотела — чтобы всевышний распрямил твою спину или же чтобы и других женщин он превратил в таких же, как ты?

— Хочу, чтобы они были такими же согнутыми, как я. Я бы смотрела на них такими же глазами, какими они глядят на меня.

* * *

Джухи был очень некрасив.

— Как-то я стоял на базаре, — рассказывал он, — как подошла какая-то женщина и уставилась на меня. Так как это созерцание затянулось, я спросил:

— Послушай, женщина, что тебе нужно? Почему так пристально смотришь на меня?

— Мои глаза провипились, и я хотела показать их тем, хуже чего нет ничего на свете. И не нашла более тяжкого наказания для них, как созерцать твое безобразное лицо.

* * *

Джухи говорил, что никогда не испытывал такого стыда, какой он пережил перед художником. И это случилось так. Однажды подошла женщина и сказала:

— Эй, Джухи, я нуждаюсь в тебе.

— Для чего?

— Идем со мной до базара и окажи мне важную услугу.

Я пошел с ней. Она привела меня к лавке художника и сказала: «Вот такого». Затем оставила меня и ушла. Художник засмеялся, а я не мог прийти в себя от удивления.

— Объясни же мне, в чем дело? — обратился я к художнику.

— Вот уже долгое время эта женщина приходит ко мне и упорно просит нарисовать ей черта за хорошую мзду. Я каждый раз ей отвечаю:

— Я не знаю, как рисовать, я никогда не видел его.

Наконец она сказала:

— Я приведу тебе его подобие, и ты таким его и нарисуешь.

Вот она тебя и привела.

— После этих слов я испытал такой стыд, — говорил Джухи, — какой не испытывал за всю свою жизнь.

Глава одиннадцатая

РАССКАЗЫ И ЛАТИФА О СКУПЦАХ, ОБЖОРАХ И ДАРМОЕДАХ

Даъбал Джазои — один из известных арабских поэтов — рассказывал, что с группой ученых и поэтов он пошел к Саъиду бинни Хоруну. Пробыли у него с утра до полудня. От голода у нас уже темнело в глазах, и мы все помрачнели. Наконец хозяин крикнул старому рабу, чтобы принес покусать, если, конечно, есть что. Раб ушел и не показывался очень долго. Наконец он пришел, расстелил грязную скатерть, положил на нее сухую лепешку, напоминавшую круглую потрескавшуюся доску, к которой крепят верх шатра, поставил старую с обломанным краем косу, наполненную горячей водой, в которой плавал старый полусырой петух без головы. Саъид заглянул в чашу и увидел, что петух без головы. Он глубоко задумался. Через некоторое время поднял голову и сказал рабу:

— А где голова этого петуха?

— Выбросил.

— Я не одобряю людей, выбрасывающих ноги петуха, — сказал Саъид, — тем паче не одобряю тех, кто отрывает голову. Между

прочим, это плохое предзнаменование. Это все равно, что главу отстраивают от главенства. Голова петуха обладает несколькими достоинствами.

Первое: его клюв издает голос, по которому рабы божьи становятся на молитву, а спящие просыпаются. Верующие, благодаря этому благословенному голосу, вовремя творят намаз, труженики приступают к своим делам.

Второе: гребешок на его голове является подобием шахской короны, и он этим гребешком выделяется и возвышается среди кур.

Третье: глазами своими он видит ангелов, а собеседники на собраниях сравнивают хорошее вино с глазами петуха и называют его красным вином...

Четвертое: мозг петуха — очень хорошее лекарство. Он полезен от опухоли почек. Помимо этого, нет косточек более сладких, чем косточки петушиной головы. И если ты выбросил ее лишь потому, что думал я не буду кушать голову, ты совершил непростительную ошибку. Потому что я очень люблю петушиную голову, а в целенности его мозга убежден. Если б ее не съел я сам, поели бы жена и дети или же гости. Ты же знаешь, что мои гости с утра ничего не кушали. Они съели бы ее с удовольствием.

Потом, разгневавшись, он сказал:

— Иди, и куда бы ты ее не выбросил, найди и принеси мне. И если проявишь нерадение в поисках, я тебя жестоко накажу. Подвергну таким мукам, каких ты никогда не испытал.

— Ей-богу, я не знаю, куда ее выбросил, — сказал раб.

— Зато я знаю, куда выбросил: в свой ненасытный живот.

— Честное слово, я не ел ее.

После этих слов Саъид рассердился еще больше, вскочил и вцепился в старого раба, желая повалить его наземь и избить. Раб тоже схватился за него и началась между ними драка. В это время Саъид задел ногой косу с похлебкой, опрокинул ее, и жидкость растеклась по грязной скатерти, а полусырой старый петух оказался на земле. Тут же была кошка. Она и утащила петуха. Мы оставили вцепившихся друг в друга Саъида и раба и вышли из дома.

О гостеприимстве и встречах скупцов

Скупец из Куфа дружил со скупцом из Багдада. Когда багдадцу пришлось побывать в Куфе, он пошел в гости к своему другу. Тот принес одно яйцо и сказал:

— Представь, что это основа существования курицы, которая могла бы снести сто тысяч яиц, что в каждом из них сокрыт зародыш, который, если его высидеть, мог превратиться в курицу. Таким образом, я на самом деле потчую тебя ста тысячами куфских кур.

Багдадец съел то яйцо и сказал:

— Когда ты будешь в наших краях, мы тоже достойно, согласно обычаям, примем тебя.

Затем распрощался с куфийцем и уехал.

Через некоторое время куфиец, желая побывать в гостях у своего друга, направился в Багдад и пришел в его дом.

Багдадец пожарил срамное место барана и поставил перед ним.

Куфиец поглядывал на блюдо, но не притрагивался.

Багдадец сказал:

— Считаю, что это могло бы породить сто тысяч ягнят. Так что я, по сути дела, угостил тебя ста тысячами овец.

Куфиец ответил:

— Ну и молодец! Я могу засвидетельствовать, что ты щедрее меня, ибо я угостил тебя ста тысячами кур, ты же попотчевал меня ста тысячами овец.

* * *

Скупец из Куфа прослышал, что в Басре проживает совершенный скупец. И он направился в Басру, чтобы поговорить с ним и определить степень его скупости. Когда он встретился с басрийцем, сказал:

— Дорогой друг, я прибыл сюда из дальней страны, горя желанием побеседовать с тобой. Хочу перенять твой опыт во всемирно известном твоём качестве.

— Раз ты прошел такое расстояние ради меня, — сказал хозяин, — я должен угостить тебя. Скажи, о каком блюде ты сейчас мечтаешь в душе, чтобы я мог исполнить это желание.

Куфиец сказал:

— Давно я мечтаю о свежем сыре и это желание настолько велико, что не уместается в моей душе.

Басриец встал, взял посуду и пошел на базар. Пришел к лавке торговца сыром и сказал:

— Ко мне из Куфа пришел дорогой гость и хочет он свежего сыра. Поэтому дай мне на один дирхам самого лучшего сыра.

— Я тебе дам сыр, словно сливки, — ответил торговец.

— Значит, сливки лучше сыра. Гостеприимство требует перед гостем ставить самое лучшее.

Из ларька торговца сыром он пошел к торговцу сливками и сказал:

— Мне нужны хорошие сливки.

— Я дам тебе сливки чище оливкового масла.

— Значит, оливковое масло лучше сливок, — сказал скупец.

Покинув торговца сливками, пришел к ларьку маслодела и сказал:

— Хочу хорошее оливковое масло.

— Я дам тебе такое чистое масло, как прозрачная вода.

— Значит, прозрачная вода лучше оливкового масла, — и уходя от маслодела, он сказал: — А прозрачная вода у меня и дома есть.

Вернулся он к себе домой, наполнил косу прозрачной водой, поставил перед гостем и сказал:

— Я обошел весь базар Басры, но лучше воды ничего не нашел, — и рассказал все с начала до конца.

Куфиец поцеловал ему руку и сказал:

— Я свидетель того, что ты в скупости искуснее меня.

* * *

У скупца спросили, кого он считает самым храбрым человеком?

— Того, — ответил он, — до ушей которого дойдет молва, что в его доме съели что-то и у него от расстройства не разольётся желчь.

* * *

Некто спросил скупца:

— Когда кротостью и терпением я выделюсь среди людей?

— Когда кто-нибудь разломает твой хлеб, а ты не разможишь ему за это голову.

* * *

Дервиш пришел к скупому господину и сказал:

— Адам приходится отцом тебе и мне, а матерью — Ева. Следовательно, мы — братья. У тебя вон сколько богатства. Хочу, чтобы ты выделил мне мою долю.

Господин позвал раба и сказал:

— Дай ему один почерневший грош.

— Эй, господин, почему в дележе не соблюдаешь равенства?

— Молчи, — ответил тот, — если дойдет слух до других братьев, тебе и этого не достанется.

* * *

Некто сказал скупцу:

— Дай мне твой перстень, чтобы каждый раз, как упадет на него мой взгляд, я вспомнил тебя. Таким образом, ты всегда будешь в моей памяти.

— Каждый раз, как захочешь вспомнить меня, — сказал скупец, — думай, что хотел взять у меня перстень, а я тебе его не дал.

* * *

Араб-кочевник с двумя собаками — черной и белой — проходил мимо Муавии.

Муавия сказал:

— Эй, кочевник, подари мне одну из этих собак.

— Какую хочешь, любую отдам с легкостью.

— Я хочу белой.

— Это самая любимая моя собака, — сказал кочевник.

— Дай тогда черную.

— Она самая дорогая у меня.

* * *

Дервиш пришел к Шаммома, который славился своей жадностью среди арабов, и обратился к нему с просьбой.

Шаммома сказал:

— Ты сначала исполни одну мою просьбу, чтобы я мог выполнить любую твою.

— Пожалуйста. И какая это просьба? — спросил дервиш.

— Никогда ко мне не обращай с просьбой.

* * *

Скупец, наставляя своего сына, говорил, что серебряный дирхам имеет крылья. Если его выпустишь, он улетит. У золотого динара всегда жар. Если израсходуешь — умрет.

* * *

Несколько человек пошли к скупцу и сказали:

— Ты из щедрого рода, а мы бедняки и пришли в твой дом с надеждой. У нас к тебе две просьбы. Исполни их, ибо не хотим уходить от тебя обезнадеженными.

Хозяин спросил:

— Что смогу — выполню. Какие же это просьбы?

— Первая просьба: на этого человека свалились большие затруднения, дай ему займы тысячу динаров. Эти деньги избавят его от беды. А мы все, семейные люди, поручители за него.

— Какая вторая просьба?

— Дай ему сроку один год, ибо этот долг раньше года он не сможет вернуть.

— Послушайте, почтенные, — сказал хозяин, — если из двух просьб человек выполняет одну, это великодушно или нет?

— Великодушно.

— В таком случае, из двух высказанных просьб, вторую — о предоставлении срока — я принимаю и выполняю. Вы просили у меня дать годичный срок. Я ему, ради вас, дам сроку десять лет, потому что вы люди благородные и обратились с просьбой именно ко мне. А теперь идите и с первой просьбой обратитесь к кому-нибудь другому, потому что большую щедрость я не могу проявить.

Латифа об обжорах и дармоедах

Дармоед пришел на собрание и увидел, что присутствующие кушают мед. Заметив мед, он всполошился, хотел сказать: «Мир вам», да сказал: «Мед вам».

* * *

Дармоеда спросили:

— Дважды два сколько?

— Четыре куска хлеба, — ответил он.

* * *

Собралось многочисленное общество. Заявился и дармод, полагая, что будет еда.

Собравшиеся спросили его:

— Эй, дармод, мы все голодны, и каждый из нас жаждет обеда. Ну-ка, скажи, что больше всего ты склонен скушать?

— Я склонен ко всем блюдам, какие вы желаете.

* * *

Обжора с большой жадностью набросился на пищу и всеми пятью пальцами отпирывал куски в рот.

Его спросили:

— Почему ты кушаешь всеми пятью пальцами?

— Потому, что у меня нет шести.

* * *

Шел обжора суфий с группой своих мюридов. Вдруг он увидел дехканина, который, нагрузив на упитанную корову пятьдесят манов пшеницы и бурдюк с бараньим жиром, направлялся куда-то. Увидев это, суфий со всеми своими учениками пустился в пляс.

Его спросили:

— Послушай, благочестивый старец, что случилось?

— Харису увидел, которая шагает на собственных ногах.

* * *

Однажды Хорунаррашид спросил казия Абуюсуфа:

— Что ты скажешь о миндальной халве и фруктовом соке?

— Я — казий, — ответил он, — и не могу судить об отсутствующих.

Хорун приказал приготовить обе сладости. Казий отправлял в рот то кусок халвы, то выпивал соку, но молчал.

— Что ж ты не выносишь решения? — спросил Хорун.

— О, высокочтимый, никогда я не видел столь непримиримых врагов, которые спорили бы в моем присутствии. Каждый раз, как для одного выношу решение, другой предъявляет неоспоримые доказательства, так что я опять остаюсь в нерешительности.

* * *

Миркаманди был известным остроумом Герата, славился обжорством. Ему даже приписывали болезнь, при которой человек вечно испытывает чувство голода. Однажды, выбрав удобный момент, его спросили, кого из великих поэтов он признает и чьи стихи больше знает наизусть?

— Творчество ни одного из них мне так не нравилось и не нравится, как стихи мавлоно Джалолиддина Руми, и вот уже шестьдесят лет, как кроме «Маснави» и газелей Руми я ничего не читал и не заучивал.

— Сколько тысяч бейтов из газелей и «Маснави» мавлоно вы знаете?

— Из всех сочинений мавлоно знаю один бейт и из «Маснави» — один.

— И какие это бейты?

— Один из них вот этот:

Я море выпью в два глотка, съем горы — хлеб высот,
Ведь оба мира — два куска, что мне попали в рот.

— А из «Маснави» этот:

Раз жемчугом становится кусок, который поглощен твоею тушей, —
Молчи, и сколько влезет — кушай.

* * *

Рассказывают, что араб-кочевник пришел в Багдад и увидел ларек лепешечника. Лепешки светились, словно диск восходящей луны, адобные сияли, как звезды. Увидев это, кочевник вступил на порог лавки.

Глядят лепешки вниз с прилавка, как с мпнбара, —
Как солнце каждый диск, пылающий от жара.

Словом, запах хлеба вдохнул силы бедняжке, а когда он увидел лепешки, не мог дольше терпеть, подошел к пекарю и сказал:

— Эй, хозяин, сколько возьмешь, чтобы насытить меня хлебом?

Лепешечник подумал, что этот человек пакушается одной лепешкой, ну двумя, тремя, больше не осилит.

— Дай полдинара, — сказал он, — и ешь, сколько можешь.

Бедуин отдал полдинара и уселся у арыка. Пекарь приносил лепешки, бедуин же макал куски в воду и кушал. Когда стоимость лепешек перевалила полдинара и достигла двух третьих динара, а затем превысила и эту сумму, лепешечник не вытерпел:

— Эй, бедуин, подобие бога, наградившего тебя способностью поедать хлеб, скажи мне, до каких пор будешь есть лепешки?

Бедуин ответил:

— Эй, хозяин, какой же ты нетерпеливый. До тех пор, пока течет вода в этом арыке.

Пекарь оставил свой ларек и ушел. Бедуин же съел все имевшиеся там лепешки.

Этот рассказ взят из «Калила и Димна».

Глава двенадцатая

ЛАТИФА ОБ АЛЧНЫХ, ВОРАХ, НИЩИХ, СЛЕПЫХ И ГЛУХИХ

О Колиб-ус-Сахрате¹ — сыне Муада, —
прославившемся среди арабов своей
алчностью

У него спросили, видел ли он за свою жизнь человека, алчнее его самого?

— Из людей не видел, — ответил он, — но однажды шел я по дороге и грыз мозговую косточку. Старая, тощая, хромая собака услышала чавканье. Она подумала, что у меня большой жирный кусок. В ней разгорелась жадность и, надеясь, что ей брошу кусочек, пробежала за мной пять фарсангов, несмотря на слабость, хромоту, и ежечасно подходила и заглядывала мне в рот. В алчности эта собака превзошла меня, но среди людей не видел даже подобного мне.

¹ Колиб-ус-Сахрат — Погибший от скалы.

* * *

Колиб-ус-Сахрат был настолько жадным, что арабы, говоря об алчности, приводили его в пример: «Жаден, как Колиб-ус-Сахрат». На самом деле его звали по-другому. Он после смерти прославился под этим прозвищем. А дело в том, что однажды в степи он увидел большую белую скалу, на которой была высечена надпись: «Если меня опрокинешь, ждет тебя удача». В Колиб-ус-Сахрате вспыхнула алчность: а вдруг под этим камнем зарыт клад? Желая заполучить его, он промучился довольно долго, пока опрокинул скалу. Видит, а на другой стороне написано: «Большая алчность вызывает злобу в сердце. Алчность увеличивает печаль и огорчение и это ложится бременем на сердце алчущего». Колиб прочитал это и им овладела такая ярость, что подошел он к скале и так стукнулся головой, что мозги брызнули во все стороны.

О жадном Ашгабе

Ашгаб — сын Джабира. Господин Абдулло бинни Джабир спросил его:

— До какой степени ты жаден?

Тот ответил:

— До такой, что, когда вижу, как из трубы какого-нибудь дома валит дым, думаю, что там готовят пищу для меня. С этой мыслью встаю, собираю весь свой сухой хлеб, разламываю на куски и жду, когда приготовится тот бульон, чтобы в нем размочить эти куски хлеба. Просидев долго и безрезультатно, размачиваю те куски в воде и съедаю.

* * *

А еще, когда я прохожу по ряду торговцев глиняной посуды и вижу, что покупают блюдо или косу, думаю, что приобретают их для того, чтобы наполнить их едой и отослать мне.

* * *

А еще, когда я прохожу по ряду медников и вижу, что заказывают медные блюда, котлы и коса, подхожу к мастеру и прошу сделать поглубже и побольше с мыслью, что, возможно, когда-нибудь владелец пришлет мне в ней угощение. Если она будет глубже, вместит побольше еды.

* * *

А еще, когда я иду по улице, всегда держу подол наготове. А вдруг сосед бросит соседу с крыши или в дверь что-нибудь и промахнется. Эта вещь попадет мне в подол.

* * *

А еще, какую бы невесту ни вели в дом жениха, я поливаю и подметаю свой двор с мыслью, а вдруг невесту по ошибке приведут ко мне.

* * *

А вот самое интересное: увидели, как Ашгаб, подобрав подол, бежит по полю.

— Что ты делаешь?

— Я видел, как спаривались утки. Вот я и бегу, слеую за тенью крыльев самки: вдруг она снесет яичко, и оно упадет ко мне в подол.

* * *

Увидели, как Ашгаб с кусочком трута в руках бежал за всадником.

— Что ты делаешь? — спросили его.

— Из-под копыта коня брызнула искра. Я схватил трут и вот бегу за ним, а вдруг еще брызнет, я тут же схвачу ее этим трутом.

* * *

Однажды он проходил по улице, где играла группа детей.

— Эй, ребята, почему вы здесь, в то время как на перекрестке человек привез кучу румяных яблок и всем раздает их, — сказал он им.

Ребята, услышав это, тут же бросили игру и побежали к перекрестку. При виде бегущих детей в Ашгабе вспыхнула алчность. Он тоже побежал за ними.

Ему сказали:

— Ты же все это придумал, так почему и сам бежишь за детьми?

— Такая поспешность бегущих ребят вызвала во мне жадность: а вдруг это и в самом деле так, и мне ничего не достанется.

* * *

У Ашъаба спросили: видел ли он за свою жизнь человека жаднее его самого?

— Да, — ответил он, — алчнее меня — моя жена.

— Откуда ты это знаешь?

— А вот откуда: как-то она мне сказала: «Эй, Ашъаб, когда ты сильно хочешь чего-нибудь, но сомневаешься — будет удача или нет, я наверняка знаю, что удача будет».

* * *

В другой раз он сказал:

— Моя жена очень жадная. Однажды весной мы сидели на крыше. Вдруг в небе загорелась радуга, которую среди людей называют «луком Рустама». Жена подумала, что это моток шелка, спущенный с неба, значит, другой конец мотка на земле. Она кинулась бежать, чтобы успеть захватить его, да так быстро, как бы кто-нибудь не опередил, что в спешке упала с лестницы и сломала себе шею.

* * *

Возможно, некоторые вышеприведенные рассказы о жадности Ашъаба ему и приписали, а, возможно, это образцы его остроумия. Он был большой остро слов и весельчак.

Латифа о ворах и рассказы их самих

Вор украл у одного человека халат, отнес на базар и отдал посреднику, чтобы тот его продал. Халат у посредника украли, и вор с пустыми руками пришел к своим друзьям.

— За сколько продал халат?

— За сколько купил.

* * *

Вор украл в доме чемодан и вышел в прихожую. Мимо дома шли люди. Вор спрятал украденные вещи за дверь, схватил веник и начал подметать двор.

— Что ты делаешь? — спросили его.

— Умер уважаемый человек, вот подметаю двор, павожу чистоту.

— А почему не слышно плача?

— О, он будет потом.

* * *

Забрался вор в дом и ничего не нашел. Вдруг он увидел в углу известь, решил, что это мука. Расстелил посреди комнаты чалму и направился за мукой.

В это время вошел хозяин и забрал чалму. Вор же, поняв, что это не мука, а известь, вернулся, чтобы взять свою чалму, но не нашел ее. Он направился к двери, а хозяин поднял крик: «Держите вора!»

Вор повернулся к нему и сказал:

— Скажи по совести, кто из нас вор?

* * *

В городе Халаб посреди караван-сарая, где находилось много добра, была глубокая яма, откуда брали воду. А рядом с караван-сараям располагалась баня.

Один из воров прорыл подземный ход от банного очага к караван-сарая, к той яме, откуда брали воду, и в полночь, когда караван-сарай закрыли и на дверь навесили увесистый замок, с помощью друзей забрался в подземелье, выбрался из ямы наверх и все, что находилось в комнате, деньги и вещи, унес тем же путем.

Ранним утром в караван-сарая поднялся шум, в городе — смятение: из караван-сарая унесли все богатство! Жители города кинулись туда, собралась городская управа и ночная стража. Стали размышлять, как могли исчезнуть деньги и вещи, когда двери караван-сарая накрепко закрыты. Все были в недоумении. Наконец пришли к решению, что это дело рук сторожа караван-сарая и его сыновей. Сторожем же был благочестивый старец. Забрали его и сыновей, привели к караван-

сараю и стали пытаться. Сколько ни твердили они о своей невинности, ни умоляли о пощаде, никто не жалился над стариком и его сыновьями. Вор с несколькими друзьями был тут же.

Он подумал про себя:

«Так не благородно. Виновен я, а страдают другие». — Он выступил вперед и крикнул стражникам, чтобы они оставили в покое этого безвинного старика и его детей.

— Они не знают этого дела, все сделал я, — сказал он.

Стражники перестали пытаться старика и его сыновей и уставились на вора. Это был стройный, высокий молодой человек, в черной барашковой шапке, в шерстяном халате, перепоясанном дорогим чустским платком. На поясе висел булатный меч, а на ногах была новая обувь.

Его спросили:

— Раз уж ты признался, скажи, куда отнес это добро и что с ним сделал?

— Спрятал в караван-сарай в той яме. Принесите мне веревку, я обвяжусь ею, спущусь в яму и подам вещи наверх. Когда я выберусь, любое наказание, которое вынесет падишах, приму безропотно.

Услышав эти слова, собравшиеся зашумели, народ восхитился его великодушием и мужеством, а стражники тут же принесли веревку.

Юноша один конец крепко обвязал вокруг пояса, стражники схватили другой. Юноша спустился в яму, развязал веревку, по прорытому ходу, выбрался наверх и был таков.

Стражники долго ждали около ямы, но оттуда — ни слуху, ни духу. Прождав так довольно долго, спустили в яму человека, и он закричал, что от ямы прорыт ход.

— Пройди по ходу и узнай, где он кончается, — сказали ему.

Тот пошел по ходу, дошел до очага в бане и вернулся. Все прикоснулись палец в изумлении и сказали:

— Этот хитрец здорово все продумал: и безвинных избавил, и сам ушел, и добро унес.

Латифа о попрошайках, нищих и их рассказы

Попрошайничество Аббаса Давса, одного из известных арабских нищих, вошло в поговорку.

К Аббасу как-то пришел дервиш и попросил его обучить попрошайничеству, чтобы, применив его, наконец выбраться из нужды.

— Вырежь из бумаги пятерню, — сказал Аббас, — и приклей к груди. Затем сорок дней ходи на солнце нагишом, чтобы кожа твоя почернела. Потом выбери селение, славящееся глупцами, поживи три дня в местной мечети, а когда наступит четвертое утро, закричи, что видел святого Хизра, и он отметит тебя, приложив свою благословенную длань к твоей груди. Когда соберутся около тебя люди и увидят след пятерни на груди, станут твоими мюридами и будут оказывать всяческие услуги.

Дервиш так и сделал. Жители целого селения стали его мюридами.

Исполнилось его желание — избавился от тяжелой нужды и нищенства.

* * *

Однажды нищий попросил у Абдулмалика Марвана что-то.

— Проси у бога, — ответил тот.

— Просил. Он направил к тебе.

Абдулмалик засмеялся и дал ему то, что тот просил.

* * *

Дервиш подошел к дому скупца и закричал:

— Подайте что-нибудь!

Скупец из дома крикнул:

— Эй, дервиш, приходи завтра. Я созвал гостей и тебе дам хорошую долю.

— Дай мне сегодня столько хлеба, чтобы я мог дожить до завтра, — сказал дервиш.

Хозяин засмеялся и подал ему кое-что.

* * *

Оборванному дервишу сказали:

— Почему ты не идешь к такому-то господину? Он очень богат и, возможно, пожалеет тебя и даст что-нибудь из одежды.

Дервиш знал этого человека, знал беспредельную его скупость.

— Избави аллах, — ответил он, — если я пойду к нему и на мне будет самое безобразное одеяние, выйду от него подобным змее, сбросившей кожу.

* * *

Нищего разбил паралич. Он весь тряся, безучастно сидел у дороги и ничего не просил.

Ему сказали:

— Странно, тебя совсем не волнует твоя бедность.

— Разве может быть волнение большее, чем есть: все части моего тела в постоянном трепете, и я не знаю ни минуты покоя.

* * *

Пришел дервиш к дому скряги и попросил подаяния.

Скупец крикнул из комнаты:

— Эй, дервиш, извини, но в доме никого из домочадцев нет.

— Я прошу у тебя кусок хлеба, а не у твоих домочадцев.

* * *

Оборванный дервиш спросил одного господина:

— Если я умру у порога твоего дома, что ты сделаешь?

— Заверну в саван и предам земле.

— Сегодня, пока я еще жив, одень меня, а когда умру, можешь похоронить без савана.

Господин засмеялся и подарил ему одежду.

* * *

Мавлоно Аршад Воиз — известный попрошайка времен правления Хусейна. Он выступал с жаркими проповедями, которые оказывали на людей большое впечатление и даже вызывали слезы. А потом он начинал попрошайничать и успешно опустошал карманы слушателей.

Однажды правитель Хусейн решил направить в Шираз к шаху Шуджо посланца, чтобы довести до его сведения свои просьбы. Посоветовавшись со столпами государства, правитель решил поручить это дело Аршаду, отличавшемуся большим красноречием.

Малик Хусейн потребовал его к себе и сказал:

— Мне нужно направить к шаху Шуджо в Шираз посланника, и мои приближенные избрали тебя. Но у тебя одна очень плохая черта — попрошайничество. Оно низводит на нет всю твою

ученость и мастерство. Если пообещаешь, что не будешь там попрошайничать и не опозоришь нас, сколько бы ты ни пожелал, выдам паличными из казны.

— Там я выручил бы не менее двадцати тысяч динаров, но чтобы успокоить тебя, даю слово не попрошайничать.

Малик обрадовался и велел отсчитать ему двадцать тысяч динаров паличными, а также пять тысяч, чтобы он мог снарядиться в дорогу, добраться до Ширази, выполнить обязанности посланника и принести ответ.

Когда Аршад собрался в обратный путь, шах Шуджо, его приближенные и народ попросили его устроить собрание. Много мы слышали о достоинствах твоих проповедей, сказали они, и очень хотим, чтобы на собрании ты произнес проповедь и доставил нам удовольствие.

Мавлоно Аршад принял настоятельные просьбы шаха Шуджо и жителей Ширази и пообещал в пятницу после намаза в пятничной мечети провести собрание. Наступила пятница. В мечети собралось народу больше, чем она могла вместить. Удобно расположились шах Шуджо и знать, столпился народ. Мавлоно Аршад поднялся на минарет и произнес столь пылкую речь, что вызвал у присутствующих слезы. Когда он увидел, какой успех имеет его проповедь и число желающих услышать увеличивается, в нем заговорила алчность, и он не смог совладать собой.

— Послушайте, уважаемые, до сего времени, произнося проповеди с минарета, я нет-нет да вычищал под конец щедрые карманы благородных слушателей. Но когда я направлялся в вашу страну, с меня взяли обещание. Поклялся не попрошайничать ведь я, вы же не клялись ничего мне не давать.

Люди, до того плакавшие, рассмеялись, преподнесли ему подарок, вполне удовлетворившие его.

О попрошайничестве казны Авраша, мастера этого дела

Он тоже был красноречивым проповедником и в попрошайничестве проявлял удивительную хитрость.

Рассказывают, что однажды в городе Систане он произнес речь, которая очень понравилась жителям. Народ был очарован им. Принесли ему щедрые подарки, но он ничего не взял, чем внушил еще большее уважение к себе. Собрание шло своим чередом, люди, слушая его, плакали. В самый разгар собрания в мечеть вдруг вошел с несколькими рабами властный стройный незнакомец,

уверенно прошел на середину мечети, смело взошел на минбар, дал увесистую пощечину казию, так что звук пронесся по всей мечети, размотал с пояса веревку, накинул ее на шею казия и хотел стянуть с минбара. Народ разом накинулся на того человека и дело чуть не дошло до убийства.

Казий крикнул:

— Люди, успокойтесь и послушайте нашу с этим человеком историю.

Народ успокоился, и казий начал:

— Да пусть не будет сокрытым от уважаемых слушателей, что я — бедный раб, родившийся в доме этого человека. Прошло много времени, как я бежал от него с мыслью никогда больше с ним не встречаться. Вот уже несколько лет он, разыскивая меня, странствует по морям и сушам. Наконец он добрался до этих мест. Если он меня и накажет, то ему это простительно, так как я доставил ему довольно хлопот. И мне очень стыдно перед ним, ибо я сказался неблагодарным дармоедом. Теперь, если благородные люди этой страны проявят великодушие и освободят меня от рабских цепей, проявят ко мне свою милость и жалость, то до конца дней моих я буду проповедником в этом крае. И я за все буду очень признателен вам.

Люди в один голос закричали, что от всей души и с благодарностью принимают его предложение. Затем смиренно обратились к тому человеку, чтобы он продал казия. Но тот никак не соглашался. После упорных уговоров он сдался и сказал:

— Но сначала хочу дать ему пятьсот плетей, чтобы облегчить сердце.

И казий покорно произнес:

Мечом пройдешь по горбу — ты прав властитель мой,
Окажешь милость, как рабу — я раб, служитель твой.

Люди опять стали просить продать им казия.

— Раз просят уважаемые люди края, продам его за сто тысяч динаров, хотя знаю, что стоит он дороже.

Собравшиеся и тот человек долго рязались в цене, пока не сошлись на пятидесяти тысячах динаров. Во время этих разговоров казий очень нервничал: как бы не продешевили и говорил:

— Дайте больше, да воздастся вам большим.

Присутствовавшие на собрании и вся знать края собрали эту сумму и тут же вручили хозяину. Он взял золото и, сопровождаемый рабами, ушел.

Казий прочитал молитву о ниспослании благополучия, сошел с минбара и отправился к себе домой. В ту же ночь он исчез.

Через несколько дней жители Систана узнали, что тот господин с рабами был из приближенных слуг казия и что все это они придумали нарочно, чтобы хитростью выманить золото. Жители очень сожалели, но... было уже поздно.

Латифа о косоглазых, одноглазых и слепых

Перед косоглазым привязали петуха и спросили:

— Это правда, что у косоглазых двоится в глазах?

Он ответил:

— Это явная ложь. Если бы это было так, то вместо этих двух петухов я видел бы четыре.

* * *

Косоглазый пошел к косоглазому табибу и сказал:

— У меня двоится в глазах. Вылечи меня. Я часто ошибаюсь и это доставляет мне много беспокойства.

Табиб поднял голову и сказал:

— Все четверо, пришедшие ко мне, страдаете этой болезнью?

— О, боже, — сказал больной, — я должен найти другого табиба: если у меня двоится в глазах, то у него четверится.

* * *

Косоглазый и одноглазый вместе отправились на базар, чтобы купить материи. Косоглазый сказал одноглазому:

— У тебя один глаз, у меня же два. Так что покупку возложи на меня.

— Разве ты не знаешь, что один чистопробный динар лучше фальшивых двух?

* * *

Абулайна — арабский остроумец — к концу жизни ослеп. Однажды до него дошло, что Мутаваккил сказал:

— Если бы Абулайна не был слеп, я призвал бы его в свое

собрание, осыпал щедротами и сделал избранным собеседником в своих пиршествах.

Абулайна, услышав эти слова, послал халифу записку такого содержания: если ты меня заставишь продеть нитку в игольное ушко, или прочитать гравировку на перстне, или поставишь наблюдателем на башне, то в этих делах я слаб и непригоден. Но если ты хочешь вести ученые беседы или задушевные разговоры со мной, то в этой науке я искусен и пока — единственный.

Прочитав записку, Мутаваккил вызвал его к себе и назначил советником своих собраний.

* * *

Сайёр — известный слепой араб. Однажды он шел по дороге, и некто шутливо сказал ему:

— Эй, Сайёр, попроси аллаха, чтобы взамен глаз он дал тебе что-нибудь другое.

— Попросил и дал.

— И что это?

— Слепота, чтобы не видеть подобных тебе мерзких лиц.

* * *

Хорунаррашид прибыл в Куфу и спросил, где можно найти улема¹ и благочестивых людей.

Ему ответили:

— Глава духовенства ибни Садод ослеп и теперь большую часть своего времени проводит в размышлениях.

— Покажите мне дорогу.

Хоруна привели в мечеть. Он вошел и сел рядом с улемом. Тот читал намаз. Когда улем освободился, Хорун поздоровался с ним за руку.

Ибни Садод сказал:

— Я тебя не знаю, но рука твоя — рука тирана. Владелец этой руки, пожалей мою слабую ладонь и не обжигай ее адским пламенем.

Хорун заплакал и обратился к нему с просьбой сказать наставление. Ибни Садод наговорил ему столько благотворительных речей, что Хорун прослезился. Когда Хорун ушел,

¹ Улем — глава мусульманского духовенства.

ибни Саоду сказали, что поздоровавшийся с ним за руку и попросивший наставления — Хорун.

— Клянусь аллахом, — сказал улем, — если бы это знал раньше, я бы не поздоровался с ним и не дал никаких наставлений.

* * *

Некто говорил на собрании:

— Не имеющий два зрячих глаза — полчеловека; не имеющий красивой жены — полчеловека; не осведомленный в прелестях моря — полчеловека.

На собрании присутствовал слепой, у которого не было жены и который не умел плавать. Он закричал:

— Эй, уважаемый, удивительные речи ты говоришь; так ты меня отдалил от людей, что если еще произнесешь «полчеловека», превратишь меня в ничто.

* * *

Один житель Басры рассказывал:

— Однажды я отправился из Басры в путь и добрался до селения лишь глубокой ночью. Было очень темно. Посреди селения увидел слепого с кувшином, полным воды, на плече и светильником в руке. Он куда-то спешил. Это очень удивило меня. Я приблизился к нему и спросил:

— Послушай, слепец, для тебя все равно что ночь, что день. Что значит светильник в твоей руке и зачем он тебе нужен?

— Затем, чтобы слепые душой, как ты, не толкнули меня и не разбили мой кувшин.

* * *

У слепого была очень некрасивая жена. Однажды она сказала ему:

— О, если бы ты был зрячим, мог бы любоваться моей красотой.

— Молчи уж, если бы ты была красива, не вышла бы за слепца.

Латифа о глухих

Глухой вез пшеницу на мельницу. Достиг берега реки и хотел уже переправиться, как вдруг увидел вдали всадника.

— Когда этот всадник подъедет, — подумал он, — сначала поздороваюсь, потом спросит, какова глубина реки, а затем — сколько манов у меня пшеницы.

Подъехав, всадник спросил:

— Эй, человек, какова глубина реки?

— Мир вам и здоровья, всяких благ и милосердия, — ответил глухой.

— Чтоб тебе отсекли голову, — сказал всадник, смеясь.

— По самую шею.

— Чтоб подавился ты землей.

— Восемьдесят манов.

* * *

У глухого и жена, и дочь, и служанка были глухие. Однажды он пришел домой и сказал жене:

— Я очень голоден. Если есть что-нибудь покушать, неси скорее.

— Удивительно добрым ты стал. Я рада была бы и хлопчатобумажному платью. Раз ты купил красный атлас и льняную подкладку, как же мне не радоваться? Да пусть смилостивится аллах над тобой.

А муж подумал, что обед готов.

Жена же пошла к дочери и сказала:

— Известно ли тебе, что отец, раздобывшись и расщедрившись, купил мне красный атлас на платье и льняную подкладку к нему, и отдал уже портнихе.

— Да пусть аллах продлит вашу жизнь, ниспошлет вам благополучие. Если вы хотите меня обручить с рабом с отрезанными ушами, воля ваша.

Она радостно вскочила и пошла к служанке и сказала:

— Ты знаешь, у меня радость: молодой, красивый богатый господин сватает меня, и сегодня же вечером хотят обручить меня с ним и сегодня же вечером хотят отдать меня ему.

— Как ты принесла мне радостную весть о моей свободе, так пусть ангел принесет тебе весть о месте в раю, как твои родители освободили меня от рабства, так пусть всемогущий аллах избавит их от адского пламени.

Глава тринадцатая

ЛАТИФА О ДЕТЯХ И РАБАХ

Во времена одного тирана-падишаха скончался богач, после которого осталось большое состояние. У него был сын, очень сообразительный, находчивый, и кроме него у богача других наследников не было. Об этом сообщили падишаху. В нем заговорила алчность, разгорелись глаза на добро богача. Он потребовал к себе мальчика и спросил его:

— Что осталось от отца?

— Деньги и добро, ясноглазая жена, белый свет и немного вина, а из наследников — ты, прикрывающийся верой падишах, и этот безвинный ребенок.

Падишах засмеялся, оставил ему все богатство и поручил заняться его воспитанием.

* * *

Сидело несколько пожилых мужчин, и тут же играли дети. Один старец закричал на них:

— Не стыдно вам и бога вы не боитесь, что так шалите и проявляете неучтивость к старшим?

Один из ребят подошел и сказал:

— Если б в молодости вы боялись бога, то страх перед вами и вашей благочестивостью не позволил бы нам сейчас быть неучтивыми перед вами.

* * *

Один из сыновей Хошима допустил неучтивость к достойному господину. Пожаловались дяде. Он хотел мальчика наказать.

— Дядя, — сказал мальчик, — то, что сделал я, сделал по перазумию. Ты же не делай того, что хочешь сделать, так как разум-то при тебе.

Дядя засмеялся и простил его.

* * *

Однажды Аьмаш, улыбаясь, вышел из дома. Ученики спросили его:

— Устод, чему вы смеетесь?

— Когда я выходил из дома, остановила меня моя четырехлетняя дочь и попросила один дирхам. Я сказал, что у меня нет. Тогда она повернулась к матери и сказала:

— Ты что, никого другого не могла найти, чтобы выйти за него замуж? Не понимаю, как могла ты попасть в дом этого нищего?

* * *

Абуласр — арабский острослов — с детства проявлял ум и сметливость. Однажды отец послал его на базар купить вареную баранью голову. Он пошел, купил голову, уселся в уголке, обглодал ее, а кости завернул в лепешку, принес домой и положил перед отцом. Когда отец развернул лепешку, увидел лишь обглоданные кости.

— А где глаза?

— Этот баран был слепой.

— Уши где?

— Он был глухой.

— А где же язык?

— Он был немой.

— Ты прав, но где же мозг?

— До того, как стать слепым, глухим и немым, — ответил

мальчик, — он был учителем среди барашков и свой мозг переложил в головы ягнят.

— Так вот, отнеси эту голову повару и скажи, что я ее не хочу.

— Повар не возьмет, ибо он по ошибке продал ее мне.

* * *

Когда Джухи был маленьким, ему сказали:

— Хочешь, чтобы умер твой отец и ты унаследовал бы его состояние?

— О, аллах, я хочу, чтобы его убили. Тогда я унаследую его богатство, а также возьму плату за кровь.

* * *

Однажды Джухи сидел у своего дома со своей четырехлетней дочерью. Вдруг вдали показалась похоронная процессия. Девочка никогда не видела такое.

— Папа, что это?

— Покойник.

— А куда его несут?

— Туда, — ответил Джухи, — где нет ни свечи, ни светильника, ни подстилки, ни света, ни веселья, ни еды, ни одежды, ни воды, ни хлеба.

— Значит, его несут к нам.

* * *

Мавлоно Пиршамс был признанным ученым Герата. Как-то он сказал своему маленькому сыну Мухаммаду:

— Меня пригласили произнести проповедь. Я просвещеннее всех проповедников города, которые даже с имеющимися у них убогими знаниями осмеливаются произносить с мишбара речь.

Затем он известил всю знать и жителей о том, что произнесет проповедь в пятницу после намаза. Собрались все жители Герата. Когда он взошел на минбар и увидел такое сборище, его обуял страх, так что он не мог вымолвить и слова. Некоторое время он молчал, и сколько ни думал, от ужаса ничего не мог вспомнить. Наконец он произнес:

— Уважаемые, вы все знаете, что я образованный человек и

говорить умею. Но как только взошел на минбар, все, что знал, стерлось со страниц памяти, и ничего не приходит на ум.

Сын его Мухаммад сказал:

— Тебе и это не приходит на ум, что нужно сойти с минбара?

Латифа о случаях с рабами, происшедших при падишахах

Однажды раб принес кушанье на собрание Хусрава Парвиза. Парвиз был суров и внушителен. Руки раба дрожали, и он пролил пищу на чалму египетского хана и на халат Хусрава. Хусрав велел наказать его. Раб повернулся и вылил все блюдо на Хусрава.

— Что ты натворил? — закричал Парвиз.

— Не хочу быть наказанным за несколько капель пищи, пролитых на чалму хана и одежду Дара. Если за такую провинность ты казнил бы меня, тебя посчитали за тирана. Я не могу допустить, чтобы моего благодетеля считали насильником. Я проявил такое неуважение, чтобы увеличить свою вину, и, когда ты меня велишь казнить, не попрекали бы тебя за это.

Хусраву очень понравились эти слова, он простил раба, выделил из слуг и приблизил к себе.

* * *

Однажды Кисра подошел к рабу-лепешечнику, когда тот выпекал хлеб, и увидел, как, взяв кусочек теста, он вытер пот, выступивший от жары, исходившей от печки, затем смешал с другим куском и выпек лепешку. Кисра ничего не сказал и прошел мимо. На другой день потребовал к себе того раба и сказал:

— Эй, раб, какая еда самая лучшая?

Раб был смысленый, сразу догадался, в чем дело и сказал:

— Лучшая еда та, которую ты не видишь, пока не приготовят и подадут тебе.

Кисра понравился этот ответ. Он простил ему вину и не осрамил его.

* * *

То же самое падишах заметил еще за одним лепешечником-рабом. Он потребовал раба к себе и хотел наказать.

Спросил его:

— Эй, раб, какая еда самая лучшая?

Раб догадался и сказал:

— Самая лучшая еда та, которую готовят в поте лица, то есть со знанием дела.

Падишах простил его за этот ответ.

* * *

Рядом с сидевшим падишахом стояли сын его и раб.

Падишах сказал сыну:

— Скажи прямо, какая твоя заветная мечта?

— Та, чтобы был знатен и богат, всегда пил вино, ходил на охоту и была бы со мной возлюбленная.

Спросил раба:

— А у тебя какое желание? Только говори правду.

— Мое желание, — ответил раб, — такое: быть всегда милосердным к рабам, а свободных привлекать к себе дарами.

Падишах освободил и обласкал его, а сына лишил своей благосклонности.

* * *

Однажды Хаджджадж, сын Юсуфа, вместе с приближенными выехал на прогулку в степь и увидел вдали чабана-раба, который пас баранов.

Сказал слугам:

— Стойте здесь, а я поговорю с чабаном.

Повернул коня, подъехал к нему и поздоровался. Раб ответил на приветствие.

Хаджджадж спросил:

— Эй, раб, Хаджджадж бинни Юсуф какой правитель?

— Да пусть падет проклятие аллаха на него, — ответил раб. — Подобный ему насильник никогда еще не занимал этот высокий пост. Жестокий, кровожадный, дерзкий безбожник. Надеюсь, что скоро земля очистится от этого нечестивца-изувера.

— А ты меня знаешь?

— Нет.

— Я и есть Хаджджадж.

Раб испугался, изменился в лице.

— Ты чей раб и как тебя зовут?

— Зовут меня Вардон и я из рабов Оли Аби Саврама. Трижды в

месяц я страдаю падучей и теряю рассудок. Сегодня как раз день приступа падучей и умопомешательства.

Хаджджадж засмеялся, подарил ему халат и уехал.

* * *

Жил скупой господин. У него был смышленный раб.

Однажды господин сказал рабу:

— Принеси плов и закрой двери дома.

— Эй, господин, в ущерб себе ты говоришь. Надо сказать: «Закрой двери и принеси плов».

— Спасибо тебе, — сказал скупец, — отдаю тебе должное: ты оказался сметливее меня.

* * *

Араб продал раба басрийскому господину, и тот назначил его разносчиком воды. С утра до вечера он таскал воду. Однажды раб с трудом тащил на спине два бурдюка с водой. Его встретил араб.

— Эй, раб, как поживаешь? — спросил он.

— Что спрашивать? Все время ношу воду из хауза, который никогда не пересыхает, для нескольких жаждущих, что никак не насытятся ею.

* * *

У Асхака был раб-водонос. Однажды Асхак спросил у него:

— Эй, раб, как ты думаешь, каково твое и мое положение?

— Как я вижу, в этом роду самые несчастные люди — это я и ты.

— Почему?

— А потому, — ответил раб, — ты все ночи думаешь о хлебе насущном для них, я целый день думаю о воде для них. Они же свободны от дум обо мне и тебе, считают нас своими работниками, а следовательно — всегда обязанными им.

Асхак засмеялся и сказал:

— Ей-богу, ты прав, — и освободил его.

Господин послал своего раба на базар принести виноград, гранаты, инжир и хурму. Раб ушел и его долго не было. Наконец он пришел и принес только виноград.

Господин сильно побил раба и сказал:

— Когда я тебя посылаю с одним поручением, ты должен выполнить сразу несколько и быстро возвращаться. Ты же, в то время, как я дал тебе несколько поручений, задержался и выполнил всего лишь одно.

После этого господин несколько дней болел. Он сказал рабу:

— Пойди, приведи ко мне табиба.

Раб ушел, вскоре вернулся и привел с собой несколько человек.

— Что это за люди? — спросил господин.

Раб ответил:

— В тот день, господин, когда ты меня побил, сказал, что, когда я тебе поручаю одно дело, ты должен выполнить несколько и быстро возвращаться. Вот я и пошел, привел тебе табиба, который будет лечить; певца, если ты выздоровеешь, он будет наигрывать и петь песни; обмывальщика, если ты умрешь — он обмоет тебя; плакальщицу, чтобы оплакивала тебя; муэззина, чтобы прочитал над тобой заупокойную молитву; могильщика, чтобы вырыл тебе могилу; чтеца, чтобы прочитал Коран на твоей могиле. И все эти дела я выполнил разом ради тебя.

Глава четырнадцатая

ЛАТИФА И РАССКАЗЫ О ГЛУПЦАХ, ЛГУНАХ, ТЯЖУЩИХСЯ, ЧУДОТВОРЦАХ И ЮРОДИВЫХ

О глупости некоторых правителей и их детей

Глупый отпрыск одного правителя выезжал за город и увидел на зубце городской стены аиста. Он позвал распорядителя кухни и велел дать ему пятьдесят плетей. Никто не посмел перечить ему, потому что мальчика обуяла ярость.

Наконец распорядитель сказал:

— Послушай, маликзаде¹, за что ты меня наказываешь?

— Что делает мой любимый верблюд на зубце городской стены? Разве ты не знаешь, что он может упасть и сломать себе погу?

— Эй, маликзаде, аллах свидетель, это аист, а не верблюд. Я же распорядитель кухни, а не конюший.

¹ Маликзаде — принц, царевич.

Из рук Баккора бинни Абдулмалик Марвана вырвался и улетел сокол. Баккора, бывший одним из известных глупцов, подозвал слуг и сказал:

— Бегите и скажите привратникам, чтобы скорее закрыли ворота. Как бы сокол не вылетел из города. Если он вылетит за город, его уже не поймаешь.

Латифа о глупцах

В Казвине умер образованный и набожный казий. Остался у него ничему не обученный сын. Чтобы передать ему права отца, назначили казием. На собраниях он всегда говорил глупости и выказывал свое невежество. Родственники стыдились его и наконец решили: нужно привести ученика мадраса, который хорошо знает правописание. Пусть юноша обучится хотя бы азам арабского письма.

Новый наставник сказал:

— Эй, махдумзаде¹, выучи состав этого предложения: «Зараба Зайдун Амруван»: зараба — сказуемое, Зайд — подлежащее, Амруван — дополнение. А смысл предложения — «Зайд побил Амру».

Сын казия спросил:

— А почему Зайд побил Амру? Разве Амра в чем-то провинился и его нужно было наказать?

— Да нет же, это просто пример, приводимый для правописания. Он совсем не значит, что кто-то кого-то действительно побил.

— Позовите доверенных, чтобы они пошли и привели Зайда, так как образованный, добродетельный человек свидетельствует, что он побил Амру.

Тут же явились доверенные.

Учитель опять сказал:

— Эй, казизаде², этого Зайда бог не сотворил, а Амру мать не произвела на свет.

Казизаде вспылил и сказал:

— Определенно, ты получил взятку от Зайда и хочешь замазать это дело. Разве я могу допустить, чтобы во время моего судейства проходили проделки таких тиранов?

¹ Махдумзаде — сын высокопоставленного духовного лица.

² Казизаде — сын казия.

Затем приказал слугам:

— Отведите этого учителя в тюрьму, пока я расследую дело.

Родственникам казия пришлось много потрудиться, пока они смогли вызволить учителя из тюрьмы и отправить обратно в мадраса.

* * *

Спросили учителя:

— Ты старше или брат?

— Я старше, — ответил он, — но через год мы будем ровесниками.

* * *

Учитель вместе с одним человеком купил раба и каждый из них заплатил половину стоимости. Однажды раб в чем-то провинился. Учитель схватил палку, чтобы побить его.

Напарник спросил:

— Что ты делаешь?

— Хочу побить свою половину.

* * *

Умирал учитель.

— Поищите, может, где-нибудь найдется старый саван, — сказал он.

— Зачем он тебе?

— Когда я умру, заверните меня в него и положите в могилу.

— Это еще зачем?

— А вот зачем: когда придут Мункар и Накир¹ и увидят старый саван, подумают, что это покойник давнишний, не будут допрашивать и не придется мне отвечать на их вопросы.

* * *

Христианин пришел к наставнику, чтобы принять мусульманство и попросил наставления.

¹ Ангелы, допрашивающие покойника.

— Иди к кому-нибудь другому. Ты что, пришел, чтобы посеять между мной и Иса вражду? Чтобы в день страшного суда он привязался ко мне с вопросом, почему при жизни я морочил голову его последователям?

* * *

Увидели, как глупый муэzzин бегал по степи и громко выкрикивал намаз.

— Что ты делаешь? — спросили его.

— Люди говорят, что издали мой голос приятнее. Вот я кричу и отбегаю подальше, чтобы услышать свой голос и узнать, правду ли говорят люди.

* * *

У табиба был глупый сын. Однажды он дал ему пять танга и велел сходить на перекресток к знакомому парфюмеру и купить огуречный эликсир.

Мальчик пошел на перекресток и увидел, что ларек парфюмера закрыт. Огляделся и заметил дехканина, который привез целую кучу свежих огурцов. Он отдал пять танга, купил все огурцы и принес домой.

— Что это? — спросил отец.

— Огурцы.

— Эх ты, глупец, я просил тебя принести огуречный эликсир, а ты принес огурцы.

— Хотя некоторые огурцы и ровные, но в этой куче столько огурцов эликсирных, что тебе на всю жизнь хватит.

* * *

Тот же табиб сказал сыну:

— Пойди на базар и купи веревку для колодца длиной двадцать газов.

Сын ушел, через некоторое время вернулся и сказал отцу:

— Какой длины веревка нужна — ты сказал, а какой ширины — нет.

— Хватит той ширины, что вынужден возиться с таким несчастьем, как ты, глупец.

* * *

Глупец пришел к звездочету с просьбой составить гороскоп.

— Скажи, под какой звездой ты родился, чтобы я мог определить твою судьбу?

— Козла.

— В небе нет такого созвездия.

— Десять лет тому назад звездочет сказал мне, что мое созвездие Козерог, то есть козленок. Определенно, за эти десять лет козленок уже вырос и превратился в козла.

* * *

Глупец в доме потерял иголку, а искал ее на улице.

— Что ты ищешь? — спросили его.

— Иголку, которую потерял дома.

— Ну и глупец, разве вещь, потерянную дома, ищут на улице?

— А что делать, если в доме темно и у меня нет светильника?

* * *

Глупец оказался среди воинов. Ночью войско атаковали, и началась суматоха. Глупец испугался, кинулся взнуздывать коня и никак не мог отличить голову от крупа лошади. Он проводил рукой по крупу и говорил:

— То, что голова у тебя стала больше, а лоб шире, мне понятно, но откуда взялась такая длинная грива на лбу?

* * *

Глупые мать и сын дошли в степи до колодца с прозрачной водой. Сын заглянул в колодец, увидел свое отражение и закричал матери, чтобы она подошла и посмотрела на мужчину, сидящего на дне колодца.

Мать подошла, заглянула вниз и сказала:

— А рядом еще какая-то старуха.

* * *

Два глупца шли по дороге.

— Давай разговаривать, этим мы сократим дорогу, — решили они.

Один из них сказал:

— Я хочу, чтобы всемогущий аллах дал мне тысячу овец. Тогда у меня будет в изобилии шерсти, молока и ягнят, назло всем завистникам.

Другой сказал:

— Я хочу, чтобы всемогущий аллах дал мне тысячу кровожадных волков. Я бы их пустил в твою отару, и они разорвали и съели всех твоих овец назло всем скупцам.

Хозяин овец сказал:

— Не боишься ты бога, что всех этих волков пускаешь в мою отару и губишь приобретенный честным путем скот. Так не должен делать друг и попугачик.

Хозяин волков ответил:

— И ты не боишься бога, что все это молоко и ягнят кушаешь сам и не делишься со мной.

Владелец овец ответил:

— Я не могу делиться с тобой. У меня жена и дети, а также бедные родственники.

— А мне зачем заботиться о тебе? С таким жадным, как ты, нельзя быть жалостливым и добросердечным.

И началась между ними драка. Они вцепились и в кровь избili друг друга. А когда устали и уселись у дороги, увидели старика, который, нагрузив на осла бурдюк с медом, направился в город. Глупцы решили, что этот старик и рассудит их. Когда старик приблизился, они встали, поздоровались и рассказали ему о своей ссоре.

Старик вынул нож, распорол бурдюк и вылил весь мед на землю.

— Пусть, как этот мед, прольется моя кровь, — сказал он, — если оба вы не дураки.

* * *

У гурийца украли осла. Он произнес за это благодарственную молитву.

Ему сказали:

— Эй, гуриец, разве за это благодарят?

— Еще бы. Если я был бы на нем, украли бы и меня. Что бы тогда я делал?

* * *

Гуриец никогда не был в Герате. Однажды он пришел в город и на перекрестке увидел кондитерскую лавку, уставленную разнообразными сладостями. Подошел ближе и увидел блюдо с жареным миндалем. Он протянул руку и взял горсть. Кондитер хотел схватить его за руку, но гуриец проворно высыпал миндаль в рот.

— Вот теперь это не твое и не мое, — сказал он.

* * *

Азхар Джаммоз славился среди арабов своей глупостью и непонятливостью. И об этом существует много рассказов. Вот один из них.

Однажды, захватив десять верблюдов, он куда-то направился. Пройдя два-три фарсанга, он сел на верблюда и решил пересчитать их. Насчитал девять.

— У меня же было десять верблюдов, куда же подевался один? — сказал он, соскочил с верблюда, осмотрел все кругом, но верблюда не нашел. Удрученный вернулся к животным и вновь пересчитал их. Было десять. Обрадованный, он тронулся в путь. Через два-три фарсанга вновь сел на верблюда и пересчитал их. Опять стало девять. Соскочил с верблюда, обегал все кругом. Так повторялось несколько раз: как только сядет на верблюда, не досчитывался одного. Это очень его беспокоило. Под конец он пошел пешком и сказал:

— Лучше пойду пешком, зато верблюдов будет десять.

Латифа о лжецах

У лгуна спросили:

— Говорил ли ты когда-нибудь правду?

— Если скажу «да», значит, скажу неправду.

* * *

Поэт Ибн-ал-Башар был известен как лжец. Однажды некто хвастался своими предками.

Ибн-ал-Башар сказал:

— И ты еще хвастаешься передо мной своими предками? А

знаешь ли ты, что мой прадед был вот таков. Однажды он выехал на охоту без ружья. Четыре тысячи рабов и прекрасных служанок оседлали коней серебристо-серой масти. А седла и уздечки были позолоченными. Каждый из слуг держал на руке, обтянутой кожаной, вышитой золотом перчаткой, белого, словно павлин, сокола. На шее каждого сокола висел бадахшанский лал весом в три мискала¹. Они гуляли по Заъфарони Зори — полю, длина и ширина которого равнялись тридцати фарсангам. И каждый сокол добыл в тот день по три больших утки. Всего принесли двенадцать тысяч уток.

— Иби-ал-Башар, а сохранилось ли что-нибудь из того богатства и роскоши? — спросил хвостун.

— Все забрал у меня аллах, чтобы узнать — благодарный я или нет.

* * *

Поэт мавлоно Хусрави рассказывал, что его отец устроил по поводу его обрезания такое пиршество, что одного лишь молотого шафрана ушло на приготовление блюд сто манов.

— На приготовление каких блюд употребили весь этот шафран? — спросили слушатели.

— Сорок манов на рис, тридцать манов на горох, десять манов на приправы и десять манов на халву.

— Получилось девяносто, а оставшиеся десять манов куда делись?

Хусрави задумался. Прошло много времени. Вдруг он поднял голову и радостно сказал:

— Вспомнил. Оставшиеся десять манов пошли на украшение самбусы.

Латифа о чудотворцах и юродивых

Юродивый претендовал на звание чудотворца. Его схватили и повели к падишаху.

Падишах хотел наказать его, но спросил:

— Зачем ты это болтаешь?

— Я действительно чудотворец, и все должны в меня уверовать.

— Какое чудо ты можешь сотворить?

¹ Три золотника.

- Я отгадываю сокровенные тайны.
- Если ты уверен в своем притязании, то скажи, о чем я сейчас думаю? — спросил падишах.
- Ты думаешь, что я вру.
- Падишах засмеялся и не стал его наказывать.

* * *

- Некто явился к падишаху и заявил, что он пророк и что падишах должен уверовать в него.
- Какое чудо ты можешь сотворить? — спросил падишах.
 - Какое ты захочешь.
 - Падишах принес замысловатый замок и сказал:
 - Если ты говоришь правду, то открой этот замок без ключа.
 - Я претендую на звание пророка, а не кузнеца.

* * *

- Во времена одного из багдадских халифов жил юродивый, претендовавший на звание пророка. Его повели к халифу.
- В чем дело? — спросил его халиф.
 - Раз в три дня ко мне нисходит Джабраил¹, — ответил он.
 - Какое твое чудодейство?
 - Такое, что от моего дыхания веет мускусом.
 - Халиф пожалел его и сказал:
 - Этот несчастный повредился умом. Отведите его на кухню, кормите каждый день ароматным, из жирной молодой курицы бульоном с шафраном и горохом, а утром и вечером поите душистым щербетом.
 - Через десять дней халиф призвал его к себе и спросил:
 - Дервиш, ну как твои дела?
 - Благодаря падишаху, лучше.
 - Нисходит к тебе Джабраил?
 - Раньше он нисходил один раз в три дня, а в эти дни — трижды в день.
 - Какое откровение он сделал тебе?
 - Сказал: хорошее место ты нашел и, пожалуйста, никуда оттуда не уходи, потому что нигде не найдешь что-либо подобное.

¹ Джабраил — Гавриил.

* * *

Некий человек в Багдаде притязал на звание пророка. Его отвели к халифу. У притязателя была длинная палка. Халиф спросил его:

— Кто ты такой и чего хочешь?

Тот ответил:

— Я — Муса бинни Умрон, и эта моя палка.

— Муса чудодейством превращал свой посох в змею, ты тоже, если убежден в своих притязаниях, преврати свою палку в змею.

— Эй, халиф, во времена, когда посох Мусы превращался в змею, фараон притязал стать богом. Если твое притязание тоже таково, я превращу свой посох в дракона.

* * *

Некто пришел к багдадскому халифу и заявил, что он пророк.

— Какое чудо ты можешь сотворить? — спросил халиф.

— Какое велишь.

— В таком случае при мне брось на землю семечко дыни, пусть оно тут же прорастет, зацветет, даст завязь, которая сейчас же созреет.

— Дай мне четыре дня отсрочки.

— Никакой отсрочки, — сказал халиф.

— Ах ты, неразумный, богу всемилостивому и всевидящему, при всем его могуществе, ты даешь четыре месяца срока, чтобы он мог вырастить дыню, а мне не даешь и четырех дней?

* * *

Однажды вазир халифа сказал Бахлюлю:

— Радуйся, халиф смилостивился над тобой и назначил правителем над свиньями и медведями.

Бахлюль ответил:

— Теперь будь всегда наготове и не выходи из моего повеления, ибо ты — мой подданный.

Халиф и собравшиеся засмеялись. Вазир был посрамлен.

* * *

Однажды советник падишаха сказал Бахлюлю:

— Чего ты сидишь здесь. Вставай и иди к вазирю халифа. Каждому дураку он дает пять дирхамов.

— Если говоришь правду, — ответил тот, — иди сам. Тебе дадут десять дирхамов, потому что дурусти в тебе вдвое больше, чем в других.

* * *

Один из великих ученых Египта рассказывал:

— Как-то правитель Египта направил меня посланником к Хиркилу в Рим величавый. Войдя во дворец, я увидел юродивого, прикованного к ножке трона золотой цепью. Ужимки и повадки его были удивительны. Я заинтересовался им. Когда Харкил занялся беседой с собравшимися, я высунул язык и подразнил юродивого.

Тогда он громко сказал:

— Вот так дела! Я в цепях, а он на свободе!

Латифа о глупцах и падишахах

Однажды Хорунаррашид проходил мимо кладбища и увидел беседовавших двух глупцов — Бахлюля и Улайёна. Он решил подшутить над ними и велел обоим привести к себе.

— Я сегодня казню дурака, — сказал он. — Позовите сюда палача.

Палач тут же явился, обнажил меч, усадил Улайёна, чтобы отсечь ему голову.

— Хорун, что ты делаешь? — спросил Улайён.

— Я сегодня казню дурака.

— Слава аллаху, в этом городе нас было двое дураков, ты стал третьим. Ты казнишь нас, а кто казнит тебя?

* * *

Хорунаррашид спросил Бахлюля:

— Кого ты считаешь самым лучшим твоим другом?

— Того, кто насытит меня.

— Если я накормлю тебя, ты будешь мне другом?

— Но ведь дружба такая вещь, что ее ни на что нельзя променять.

* * *

Однажды султан Махмуд пришел в лечебницу и увидел хохочущего умалишенного, закованного в цепи.

— Эй, безумец, над чем ты смеешься? — спросил он.

— Над тобой. Ты думаешь, что ты величественный падишах.

На самом же деле ты далек от величия и справедливости.

— У тебя есть какое-нибудь желание? — спросил Махмуд.

— Да, хочу кусочек сырого курдючного сала.

Махмуд велел принести кусочек редьки и дать ему.

Умалишенный грыз редьку и покачивал головой.

— Почему ты качаешь головой? — спросил Махмуд.

— А потому, что, как ты стал падишахом, курдюк потерял свою жирность.

Махмуд заплакал и сказал:

— Правду можно услышать лишь из уст безумца.

Разные латифа о дураках

Дурака спросили:

— Знаешь ли ты своего создателя?

— Как не знать того, — ответил он, — по милости которого я всегда голоден, раздет и разут, он похитил мой разум, превратил в посмешище среди людей и обрек на вечные муки.

* * *

Дурака спросили:

— Почему не творишь намаз?

— Разве недостаточно земле того, что я топчу ее ногами и нужно ли еще об нее биться лбом?

* * *

Бахлюль из Багдада был в Басре. Ему велели сосчитать дураков Басры.

— Это невозможно, — ответил он, — ибо умных здесь лишь несколько.

• • •

Дурак мочился у мечети. Чернокожий раб сделал замечание: здесь, мол, божий дом.

— Защищай, защищай своего бога. Вон каким белолицым он сотворил тебя!

КОММЕНТАРИИ

Якуб бини Лайс Саффар — один из правителей династии Саффаридов, правивший в Хорасане в 868—879 годах.

Искандар — Александр Македонский (365—323 гг. д. н. э., царствовал с 336 г.). В средневековой литературе Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии образ Александра Македонского выступает преимущественно как образ мудрого и справедливого государя.

Анушерван (*Нушерван, Аношруван*) — царь Ирана Хусрав I (531—579) из династии Сасанидов. В произведениях средневековой литературы Хусрав I Анушерван выступает как идеальный монарх.

Бузурджмехр — арабизированная форма имени Бузург-мехра — мудрого вазиря Хусрава Анушервана.

Садид Авфи — Мухаммад Авфи, таджикский писатель и составитель антологии. Он автор первой поэтической антологии «Лубоб-ул-албоб» («Сердцевина сердцевин»). «Джомеъ-ул-хикоят ва лавомеъ-ур-ривоёт» («Сборник рассказов и блестящих преданий») — прозаическое произведение Мухаммада Авфи, написанное в 1232-33 годах.

Бахрамшах — один из падишахов династии Газнавидов. Царствовал 32 года, умер в 1050 году.

Гур — горный район в Афганистане.

Мансури Халифа — Абуджаъфар Мансури Халифа, один из арабских халифов, правивший в 754—775 гг.

Дара — шахиншах Ирана из Хахаманишев, правивший в 531—486 гг. д. н. э.

Кисра — как имя собственное относилось в средневековой литературной традиции Ближнего и Среднего Востока и Средней

Азии к падишахам Ирана из династии Сасанидов Хусраву Апушервану и Хусраву Парвизу (590—628).

Рум — древняя Византия и Анатолия.

Замахшари — Абулкасым Махмуд бинни Умар Замахшари (1075—1144) один из известных ученых своего времени. «Рабь-ул-аброр» («Весна праведников») принадлежит его перу.

Умар бинни Хаттаб — второй халиф арабов, правивший в 637—644 годах.

Хармазон — во времена Яздигурда III (VIII век) губернатор провинции Хузистан Ирана.

Джафар сын Яхъ бинни Холид Бармаки — вазир аббасидского халифа Хорунаррашида, который по приказу Хоруна в 803 году был казнен.

Хорунаррашид — пятый халиф Аббасидов, который занял трон в 786 году, умер в 807 году.

Муътасим — Абуисхак Мухаммад Алмуътасим Биллах, восьмой халиф Аббасидов, правивший в 433—442 годах.

Абуаюб — Сулайман бинни Мухаммад Маръени, вазир Абуджафара Мансури Давоники — второй халиф Аббасидов. Умер в 769 году.

Шахрух бинни Тимур (1404—1447) — правил в Средней Азии.

Мирак Абдурахман Садр — был вазирем султана Абусаида Мирзо, затем был убит.

Фарах — город вблизи Герата в Афганистане.

Ахъ бинни Саъиди Ос — родом из Куфа, жил в Багдаде. Умер в 811 году.

Хаджджадъж бинни Юсуф — арабский военачальник, паместник Ирака (661—714). В средневековой литературе на фарси выступает преимущественно как образ жестокого и несправедливого правителя. В то же время отмечается его краспоречивость и умение ценить острое слово.

Амру Лайс (Амир бинни Лайс) (879—900) — второй правитель из восточно-иранской династии Саффаридов.

Фазл бинни Рабъ (758—824) — вазир Хорунаррашида.

Абдулмалик Марван — один из халифов Уммавидов, правил в 744—750 годах.

Казий Шурайх — Шурайх бинни Алхорис, был казием в Герате, умер в 1495 году.

Ходжа Пирахмад Хавофи — прозвище его Гиёсиддин, один из вазирей Шахруха из династии Тимуридов, умер в 1453 году.

Султан Абусаид Мирзо — прожил всего 43 года, 18 лет правил, убит в 1468 году.

Султан Хусайн Мирзо Байкара — правил в Хорасане и Средней Азии в 1469—1506 годах.

Саълаби — Мухаммад бинни Абдул вахид бинни Аби Хошим Багдадский (875—976), им написано много произведений, одно из них «Наводир».

Мухалмад Закариён Рози — известный ученый своего времени, жил в 865—926 годах.

Абумуашиар Балхи — Абумуашиар Джаъфар бинни Мухаммад (ум. в 886 г.), один из известных ученых своего времени, написал более сорока произведений по астрономии.

Хусрав Парвиз (590—628) — падишах из династии Сасанидов. О его любви к армянской принцессе Ширин таджикско-персидскими поэтами написано много поэм.

Султан Махмуд Казнави — правил Афганистаном, Хорасаном и Северной Индией в 997—1030 годах.

Хаким Абурайхан — Абдурахман Мухаммад бинни Ахмад Бируни (973—1048), известный ученый своего времени.

Хакани — Афзалиддин Ибрагим Хакани из Ширвана, известный поэт своего времени, жил и творил в 1128—1198 годах.

Мавлоно Музаффар Хирави — поэт, отличавшийся высокомерием. Даже своих современников Салмона Саводжи и Хаджу Кирмани не считал поэтами. Рассказывают, что перед смертью собрание своих сочинений бросил в воду, считая, что после его смерти некому оценить достоинства его произведений.

Эмир Тимур — Тимурлан, правил в Средней Азии, Иране в 1370—1405 годах.

Хафиз Ширази — Шамсиддин Мухаммад Хафиз, таджикско-персидский поэт. Родился около 1324 г. Умер в 1389 году.

Лутфи — узбекский поэт XIV века. Писал на тюркско-узбекском и таджикском языках.

Байсункур бинни Шахрух — из династии Тимуридов, умер в 1434 году.

Анвар — Авхадиддин Мухаммад Анвари (умер в 1187 г.), непревзойденный мастер панегирической касыды.

Хасан Дехлави — выдающийся фарсиязычный индийский

поэт-лирик **Наджмиддин Хасан Саджзи Дехляви** (ок. 1255—1338 гг.).

Пир Джамол Ираки — великий ученый, умер в 1475 году.

Мавлоно Шейх Хусайн — мухтасиб Абусаида Мирзо, умер в 1483 году.

Мавлоно Хусайн Воиз — Хусайн Воиз Кашифи, таджикский ученый и писатель, отец автора и составителя этой книги. Умер в 1505 году.

Абдаллах Ансори (1006—1088) — выдающийся персидско-таджикский поэт, жил в Герате, отсюда и прозвище — «Гератский старец».

Хиёбон — кладбище в Герате.

Аёз — образованный и находчивый раб Махмуда Газнавида. О нем ходит много рассказов и преданий. Рассказ «Махмуд и Аёз» автор этой книги переложил в поэтическую форму.

Унсури — Абулькасым Хасан Унсури (ум. в 1040 г.). Был крупным мастером панегирической касыды.

Муиззи — самый крупный из придворных поэтов Санджара и «предводитель поэтов» при его дворе. Умер в 1127 году.

Джалолиддин Маликшах — шах из династии Сельджукидов, правил в 1073—1092 годах.

Рашид Ватват — крупный поэт и теоретик поэзии. Прожил 97 лет. Умер в 1177 году.

Отсиз — основатель правления Хорезмшахов, правил в 1127—1156 годах.

Султан Мухаммад Хорезмшах — правил в 1200—1220 годах.

Султан Санджар — из династии Сельджукидов, правил в 1118—1157 годах.

Фарид Катиб — Фахрулмулк Низомиддин Абдулмаоли, последователь Джами, жил до 1120 года.

Махастии — таджикская поэтесса, жила и творила в 1097—1182 годах.

Азраки — Абубакр Зайниддин Исмоил Азраки из Герата, один из поэтов XII века.

Захир Фарьяби — Захириддин Абулфазл Тахир бинни Мухаммад Фарьяби, известный таджикский поэт, жил в 1156—1201 годах.

Амир Шейх Хасан — из династии Джалоиров, правил в 736—757 годах хиджры.

Хиджра — мусульманское лунное летосчисление, ведущееся со дня бегства пророка Мухаммада из Мекки в Медину — 16 июля 622 года.

Султан Абусаид Худобанди — правил в 716—736 годах хиджры.

Салмон Саводжи — Джамалиддин Салмон Саводжи (ок. 1300—1375), известный поэт XIV века. Писал на фарси.

Мавлоно Бурундук — Мирбаховаддин Бурундук бинни Амир Нусратшах Бухарский, умер в 1413 году.

Мирзо Байкара — правил с 1414 года в Нахованде и Хамадане.

Амир Шахи Сабзавари — поэт-лирик первой половины XV века, эмир Ака-Малик Шахи Сабзавари (ум. ок. 1456 г.).

Низомулмулк — Абуали Хасан бинни Исхаки Туси, талантливый вазирь Сельджукидов. Был министром в 1003—1029 годах. Он автор книги «Сийёсатнома».

Ходжа Шамсиддин Мухаммад Сахибдевои — во времена монголов был вазирем в Иране. Казнен в 1275 году.

Маджид Халгар — один из поэтов-современников Саади Ширази.

Асджади — мастер касыды, поэт XI века. Умер в 1040 году.

Фаррухи — один из самых крупных поэтов первой половины XI века, Абульхасан Али Фаррухи Систани (ум. в 1037 г.).

Адиб Собир — Адиб Шахобиддин Собир бинни Исмоил Термези, один из известных таджикских поэтов. Родился около 1065—1070 годов. Утонул в Амударье в 1148 году.

Насир Бухори — (ум. в 1370 году), таджикский поэт-лирик XIV века.

Абдулмалик — Абдулмалик Марван из рода Муавия, жил в VIII веке.

Султан Махмуд Гази — султан Махмуд Газнави.

Талхак — популярный герой рассказов и латифа, прославившийся своим остроумием.

Бинои — Камолиддин Бинои, известный таджикский поэт. Жил в 1453—1512 годах.

Джухи — популярный герой многих рассказов и латифа, известный своим остроумием.

Мавлоно Джалалиддин Рули (1207—1272) — великий таджикский поэт. Ему принадлежит известная поэма «Маснави маънави».

Ашъаб бинни Джабир — родом из Мадены. Умер в 771 году.

Аббас Давс — нищий, известный своей хитростью, лукавством, интригами. Родом из йеменского племени давс.

Аъмаш — Абумухаммад Сулайман бишпи Мехман, жил в Куфе. Известный ученый своего времени, умер в 765—766 году.

Хусрави — поэт-современник Абдуррахмана Джами.

Бахлюль — Бахлюль бишпи Умар Куфи, арабский юродивый, славившийся своим остроумием и смелостью высказываний.

Улайён — настоящее его имя Али. Считали его сумасшедшим, но высказывал он умные мысли.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	3
Глава третья	
Латифа и рассказы о царях и остроумии султанов.....	5
Глава четвертая	
Латифа об эмирах, их приближенных, о находчивости вазиров и чиновников	11
Глава пятая	
Латифа о наставниках, чиновниках, советниках, военачальниках и спорах падишахов.....	16
Глава шестая	
Латифа о бедуинах, об их остроумии, находчивости, тонкости суждений и мудрости.....	23
Глава седьмая	
Латифа о наставниках, шейхах, ученых, казнях и богословах	29
Глава восьмая	
Латифа о правителях давнишних и последних и удивительные сказы о табибах и звездочетах.....	36
Глава девятая	
Латифа о поэтах, об их литературных спорах и поэтическом мастерстве.....	48
Глава десятая	
Латифа об остроумных людях.....	81

Глава одиннадцатая

Рассказы и латифа о скупцах, обжорах и дармоедах 108

Глава двенадцатая

Латифа об алчных, ворах, нищих, слепых и глухих 117

Глава тринадцатая

Латифа о детях и рабах 131

Глава четырнадцатая

Латифа и рассказы о глупцах, тяжущихся, чудотворцах и юродивых 138

Комментарии 151

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста

Сафи Фахриддин Али

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Художник *А. А. Дворянцева*
Корректор *Л. В. Черпашикова*
Ответственный за издание
Я. П. Левиев

ИБ № 569

Сдано в набор 25.02.91. Подписано в печать 15.03.91.
Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура, Таймс”
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,3. Усл. кр.-отт. 9,7. Уч.-изд. л. 7,75.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 2554
Цена 6 р.

Изд. «Сотил»,
123100, Москва, 1-й Красногвардейский проезд, 29/31.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства
«Звезда».
614600, Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

6 p.

A decorative border at the bottom of the page features a repeating geometric pattern in shades of blue, pink, yellow, and white. Below this pattern are stylized green and yellow plants with pink flowers. A white, pointed shape is centered at the bottom, containing the text.

COMIL
MOSCOW
1991